

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Серия «Страницы истории нашей Родины»

Ю. Г. Алексеев

ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Н. Н. Покровский

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

ББК 63.3(2)43
А47

Рецензенты
доктор филологических наук *Е. К. Ромодановская*
доктор исторических наук *А. И. Копанев*

Утверждено к печати
Институтом истории СО АН СССР

Алексеев Ю. Г.

А47 Государь всея Руси.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.— 240 с.—(Серия «Страницы истории нашей Родины»).
ISBN 5—02—029736—4.

Книга посвящена Ивану III — первому государю объединенной Руси. На фактах его биографии прослеживаются основные процессы решающего для становления Русского государства периода — успешная борьба с удельной раздробленностью, ликвидация татаро-монгольского ига, становление новой идеологии. Особое внимание уделяется взаимоотношениям светской и духовной власти, анализируется ход военных кампаний.
Книга предназначена для широкого круга читателей.

А $\frac{0503020200-158}{054(02)-91}$ 18—91 НП ББК 63.3(2)43

ISBN 5—02—029736—4

От редактора

Книга известного ленинградского историка Ю. Г. Алексеева принадлежит к популярному в наши дни жанру научно-биографического исследования, рассчитанного на самые широкие круги читателей, интересующихся историей нашего Отечества. В ряду подобных книг второй половине XV в. не очень-то повезло. Если противоречивое правление Ивана Грозного всегда притягивало к себе внимание историков, хорошо владевших пером, то о времени его деда этого сказать нельзя. А между тем это был решающий этап московского периода русской истории, эпоха одного из трех великих ускорений, которые знала дореформенная Россия. Первое подобное ускорение приходится на вторую половину X — первую половину XI в., когда государственность на Восточно-Европейской равнине, несколько раз перед этим сметаемая волнами азиатских кочевников, сумела не только выстоять против Степи, но и вырваться на уровень развития европейской раннефеодальной державы. Второе ускорение — время Ивана III, которому посвящена настоящая книга. И наконец, третье — это, конечно, первая четверть XVIII в., эпоха Петра Великого.

О времени возникновения единой русской державы с центром в Москве написано (в том числе и автором настоящей книги) несколько ценных специальных исследований. Но для любознательного читателя вот уже более полутора веков непревзойденным является рассказ Николая Михайловича Карамзина. Шестой том его «Истории государства Российского» открывается главой, носящей название «Государь, Державный Великий князь Иоанн III Васильевичь». Глава эта, в свою очередь, начинается со следующего панегирика государю: «Отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленныя драки Княжеския, но деяния Царства, приобретающаго независимость и величие. Разногла-

ние исчезает вместе с нашим подданством татарам; образуется Держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которыя, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической». Для Карамзина именно Иван III был главным героем Московской Руси. Мудрость Ивана III, правительство которого «уже действует по законам ума просвещеннаго», «историограф русской монархии» недвусмысленно противопоставлял опричным безумиям другого государя — Ивана Грозного.

Но и Карамзин не ставил перед собой задачу написания научно-художественной биографии Ивана III, а со времени выхода его труда наука обогатилась огромнейшим массивом новых источников, разработаны и новые методы их анализа. Ю. Г. Алексеев в настоящей книге надежно опирается на всю известную сегодня источниковую базу, использует труды своих предшественников. В них немало противоречивых суждений и оценок: процесс создания единого государства шел путями сложными, подчас неоднозначными. Вообще, междоусобная борьба, даже если она ведет в конце концов к столь важному и необходимому результату, как объединение перед лицом внешнего врага,— материал, вряд ли подходящий для учебника этики. И Ю. Г. Алексеев не раз будет повторять, что время тогда было жестокое, жестокими были и нравы. Средневековые усобицы часто вели к драматическим коллизиям и в семьях монархов. Русь не была здесь исключением. О подобных ситуациях историки не раз спорили позднее, но «для широкого круга читателей» о многом предпочитали умалчивать. Автора настоящей книги в подобных умолчаниях обвинить нельзя; он дает свои объяснения событиям, четкие и продуманные, но объяснения эти не заслоняют факт, и читателю оставляется возможность судить самому. Историк не обходит молчанием и версии, явно не благоприятные для своего героя,— вроде, например, раздававшихся еще при жизни Ивана III обвинений в его, мягко выражаясь, чрезмерно осторожном поведении в делах военных. Ю. Г. Алексеев касается и других спорных вопросов: о взаимоотношениях государя с церковью, о роли нарождающейся идеологии сильной самодержавной власти. Читатель найдет в книге цельную самостоятельную концепцию происходившего.

В некоторых случаях она не совпадает с концепциями других советских исследователей, но Ю. Г. Алексеев каждый раз интересно аргументирует свои взгляды. Основной стержень концепции Ю. Г. Алексеева — мысль о благодетельности для страны в целом политики укрепления государственной власти, успешно осуществленной Иваном III, которому удалось победоносно завершить два процесса, начавшихся задолго до него: это тесно связанные между собой задачи собирания национальной территории вокруг Москвы и борьбы с татаро-монгольским игом. Поэтому, как мне кажется, сердцу Юрия Георгиевича Алексеева мила высочайшая оценка деятельности Ивана III, данная Николаем Михайловичем Карамзиным.

Проблема возникновения в России сильной государственной власти, соотношения государственного интереса и личного в наши бурные дни имеет не только академическое значение. И логические мостики от прошлого к настоящему очень часто делаются не вполне корректно по отношению к прошлому, которое воспринимается при помощи штампов, противоречащих известному сегодня фактическому материалу.

Сказанное относится и к проблеме складывания сильной центральной власти в объединенной Московской Руси во второй половине XV в. Именно сильную державную власть так высоко ценил Н. М. Карамзин, обобщая результаты деятельности Ивана III. И хотя сейчас мы знаем уже, что власть эта была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве, подобная «этатистская» характеристика знаменитым историографом тенденций политического развития XV в. в целом имела определенные реальные основания. Сегодня отсюда подчас делают вывод, что государственная деятельность Ивана III и опричнина Ивана IV — звенья одной, логически непреложной линии развития и иных путей России дано не было. Конечно, государственная политика и во времена Ивана III не делалась в белых перчатках, и книга Ю. Г. Алексеева дает немало тому примеров. Но структура государственной власти, заложенная при Иване III, давала иные, альтернативные опричному «людодерству» пути, и именно на этих путях в первую очередь шло политическое строительство и в XV, и в XVI, и в XVII вв.

Система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях — «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними. Это не было выдумкой Ивана III, хотя последнему и принадлежит огромная роль в оформлении этой устойчивой политической структуры. Корнями она уходит в глубь веков. Сословный строй феодальных государств, включая княжества Северо-Восточной Руси, предполагал членение самих сословий на отдельные, чаще всего самоуправляющиеся структуры. Именно через них человек средневековья включался во всю систему сословно-представительного государства. Это общины крестьян, горожан, дворянские землячества, церковные корпорации и т. д. Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности. Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны.

С созданием единого Русского государства оформлялся его центральный и местный аппарат власти, но параллельно шла и фиксация прав сословно-представительных учреждений, сначала на местах, а затем и в центре. Уже в 1397 г., когда Москва посылает в Двинскую землю своего управителя, местные общины получают одновременно особую Уставную грамоту, в которой дотошно фиксируются пределы прав этого чиновника, его обязанности по отношению к населению и т. д. Подобные грамоты составят позднее особый вид письменных источников той эпохи. Значительные права местных общин не оставались на бумаге. Так, в 1480-е гг. при описании земель Белозерского княжества государственные чиновники, рассмотрев претензии крестьянских черносошных общин к крупнейшим церковным феодалам, Кирилло-Белозерскому и Ферапонтову монастырям, вернули захваченные у крестьян земли. Известны и другие подобные случаи — в Костромском уезде, Пермской земле.

Принципиально важен для оценки реального значения всей этой стороны государственного управления тот факт, что в первом общем своде законов Москов-

ской Руси, знаменитом Судебнике 1497 г., закрепляется принцип обязательного участия представителей местных «миров» в деятельности присланных из Москвы администраторов. Норма обязательного участия представителей местного населения в наместничьем суде читается уже в Белозерской уставной грамоте 1488 г. и, вероятно, основана на древней и повсеместной традиции. Теперь она приобрела силу общерусского государственного закона.

По Судебнику, крестьяне, сохранявшие право перехода от феодала, могли отстаивать свои земельные интересы. Так законодатель закреплял упомянутую выше судебную практику предшествующих лет.

Поскольку источники текущего делопроизводства второй половины XV в. до нас почти не дошли, мы не в силах судить, обладали ли тогда земские «миры» реальным правом смещения неугодных им администраторов по челобитью царю. Несомненно, однако, что сословно-представительная монархия, основы которой были заложены при Иване III, знала подобную практику. Эти принципы получат дальнейшее развитие в XVI в. — в ходе губной реформы 1530-х гг., реформ правительства Избранной Рады 1550-х гг. Статья об обязательном участии представителей местных «миров» в деятельности местных властей попадает и в Судебник 1550 г.

Время Ивана III ознаменовалось определенной конфликтностью отношений между руководством государства и церкви. В основе своей этот конфликт, давно уже привлекавший внимание историков, был вызван не политическими притязаниями церкви, а, наоборот, военно-экономическими интересами государства. Церковь владела значительным фондом населенных земель — около 1/5 их общего количества в стране; среди церковных вотчин было немало экономически процветающих. Между тем государство остро нуждалось в населенных землях для обеспечения служилых людей — воинов Русской земли. К тому же сложные идеологические процессы привели к возникновению ересей, сторонники которых обличали церковь за ее земельные и другие богатства. Сходные обвинения прозвучали и внутри самой церкви, где сформировалось течение «нестяжателей». Взгляды их совпадали с интересами великого князя, и он долгое время под-

держивал «нестяжателей» и противился инквизиционной расправе руководителей церкви с еретиками.

В освещении этих известных событий Ю. Г. Алексеев подчас отходит от устоявшейся в исторической науке точки зрения, и позиция его при этом становится весьма уязвимой. Из последних разделов его книги создается впечатление, что лишь внезапная болезнь и смерть помешали Ивану III довести до конца его борьбу со «стяжательским» духовенством, обеспечить победу «нестяжателей». Но это далеко не так. Принципиальный отход великого князя от политики поддержки «нестяжателей» был совершен им в 1502—1504 гг. под воздействием аргументов идеолога противоположной стороны Иосифа Волоцкого. Поворот этот не случаен. Недаром следующая попытка поддержки «нестяжателей», предпринятая в годы правления сына Ивана III Василия III, также завершится союзом государственной власти с «осифлянами». Ни Ивану Грозному, ни даже Петру I не удастся лишить церковь ее земельных богатств, лишь при Екатерине II секуляризация общества зайдет так далеко, что эта задача будет наконец решена.

Все противоречия между Иваном III и духовными иерархами имели место все-таки внутри того союза церкви и государства, который соответствовал традициям как русской православной церкви, так и Русского государства. Идеологическая поддержка церкви была неоценима для государства, и Иосиф Волоцкий дал это почувствовать Ивану III. Активная политика национального государственного строительства шла при Иване III (так это было и при Дмитрии Донском, и при Михаиле Федоровиче) при самой деятельной поддержке церкви. Напомню хотя бы, что для Московского летописного свода 1475 г. апофеозом идеи русской государственности звучит описание торжеств по случаю освящения Успенского собора Московского Кремля.

Противоречия между главной политической и главной идеологической организациями эпохи всегда представляют значительный интерес для историка, но не будем забывать, что эти противоречия существовали внутри блока между ними, в условиях определенного взаимопроникновения функций (конечно, при безусловном господстве государства): по византийской

традиции государь обладал определенными верховными правами главы церкви, а церковь играла немалую роль в государственных делах и идеологии.

В связи с этой последней можно сделать еще одно существенное замечание к концепции Ю. Г. Алексеева. Основываясь на формуле отказа в 1489 г. Ивана III принять королевскую корону из рук императора Фридриха III, Ю. Г. Алексеев дает четкую и верную в основном характеристику «официальной политической доктрины объединенной Русской земли». Он всячески подчеркивает «реальный исторический характер» этой доктрины, ее свободу от «мифических теорий» вроде «зарождавшейся в это время в церковных кругах» теории «Москвы — третьего Рима». Конечно, Иван III был великим политическим реалистом, однако национально-политические концепции церкви и государства не были столь уж антагонистичны. Теория «Москвы — третьего Рима», оформлялась на протяжении последней четверти XV — первой половины XVI в. Одной из основ ее является «Послание Спиридона-Саввы», который появился на Руси перед 1472 г. Он был монахом крайне авантюрного склада, покушался на пост главы русской церкви. Упоминая его в первый раз, летописец недаром прибавляет: «прозванный Сотоною за резвость его». На Руси руководителями церкви и государства он был встречен с понятной враждебностью и послание свое писал из заточения. Известно, что при этом он выполнял какой-то социальный заказ придворных кругов. В его сочинении уже имеется ядро будущей теории «Москвы — третьего Рима», утверждение о происхождении Рюрика от римских цезарей. В XVI в. теория эта станет официозной, будет упоминаться и при венчании Ивана IV на царство, и в русской дипломатической переписке.

Но очень важно подчеркнуть другое. Теория эта, возникшая в момент острой борьбы России за самостоятельное место на европейской дипломатической сцене, никогда не служила идеологическим знаменем завоевательных войн. А уже с конца XVI в. теория «Москвы — третьего Рима», согласно которой лишь московское православие было истинным, начнет все больше мешать конкретным внешнеполитическим ин-

тересам Москвы. В это время на Украине и в Белоруссии обострится национально-освободительная борьба против польско-литовских магнатов, и борьба эта вскоре примет религиозно-идеологическую форму защиты православия от наступления католицизма. Союз с украинско-белорусскими национальными силами, которые вели эту борьбу, будет крайне выгоден, необходим Москве. А между тем с позиций последовательных сторонников теории «Москвы — третьего Рима» украинское и белорусское православие является весьма подозрительным, «окатоличившимся», и в XVII в. московскому правительству придется решительно отмежеваться от этой теории.

В популярной работе автору трудно детально развернуть источниковедческий анализ, защитить свои методы анализа исторических источников. И тем не менее рискнем сделать одно замечание, относящееся как раз к этой сфере. Ю. Г. Алексеев — опытный источниковед, не раз анализировавший отдельные источники и их совокупность. Он хорошо знает, что подавляющее большинство источников описываемого им времени непосредственно связано с церковью, создано или хранилось в монастырях, резиденциях церковных иерархов. Он постоянно пользуется показаниями этих источников — без них историю Отечества не написать. Сообщаемые ими факты один за другим занимают свое место на страницах книги. Но — лишь пока они не противоречат его концепциям. Когда же возникает противоречие, автор тут же вспоминает, что источник происходит из церковной среды, а церковные иерархи враждовали с Иваном III из-за его секуляризационных планов и попустительства еретикам, поэтому-де от них нечего ждать беспристрастности.

Однако вернемся к несомненным достоинствам книги. Как уже упоминалось, при Иване III Россия опять входит в число ведущих европейских держав. Вполне закономерно поэтому стремление Ю. Г. Алексеева показать историю нашей страны на широком фоне истории главных стран тогдашней Европы и Азии. Уже во введении автор дает интересный очерк складывания национальных держав у соседей России, возникающих при этом внутри- и внешнеполитических проблем. При небольшом объеме очерк этот предоставляет любознательному читателю немалый материал для размышле-

ний. Позднее в самом тексте книги Ю. Г. Алексеев постоянно будет привлекать для сравнения материал из истории других стран, а также детально останавливаться на дипломатических отношениях их с Россией. Дипломатическая борьба, как и ее продолжение на поле боя, особенно привлекают автора. Он умеет через все хитросплетения внешнеполитических ситуаций донести до читателя их основной смысл.

В начале изложения событий Ю. Г. Алексеев рисует обстановку детства и отрочества будущего государя всея Руси, которые пришлись на заключительные, самые драматические этапы феодальной войны второй четверти XV в. Излагая ход отчаянной схватки между силами централизации и удельной раздробленности, автор показывает, в какой обстановке формировался характер Ивана III. Так, читателю будет небезынтересно узнать, что Иван Васильевич принимал участие в военных походах (формально даже руководил ими) уже с шестилетнего возраста.

Удается автору описание запутанной политической ситуации времени начала самостоятельного правления Ивана III. Перед ним стояли две основные задачи: реализовать победу в феодальной войне, ликвидировать самостоятельность крупных политических центров на территории России (в первую очередь Новгорода) и обеспечить неприкосновенность всех внешних рубежей Русской земли. Последняя проблема означала и противостояние нападениям Литвы, и начало серьезной борьбы с Казанью, и многое другое. Но в первую очередь это была проблема окончательной ликвидации татаро-монгольского ига. Автор показывает, как по мере умелого решения этих задач, по мере создания прочной социальной опоры централизации в виде поместной системы укреплялся авторитет центральной власти.

Одной из давних исторических загадок было поведение русской армии и самого великого князя во время знаменитого «стояния на Угре» в 1480 г. Эта военная кампания, окончившаяся без решающего сражения, означала тем не менее конец русской зависимости от Золотой Орды. В посвященных этим событиям страницах своей книги Ю. Г. Алексеев дает великолепный военно-стратегический разбор кампании. При этом новое, интересное освещение получает русский

стратегический план, прослеживаются этапы его выполнения, а сам отход от Угры на более выгодные позиции детальнейшим образом обоснован не только климатическими (что делали и раньше), но и топографическими причинами.

В наши дни историки не часто рискуют углубляться в военно-тактические и военно-стратегические обстоятельства кампаний столь далекого прошлого. Ю. Г. Алексеев — один из немногих историков, умеющих излагать подобные сюжеты четко и доходчиво.

После «стояния на Угре», после присоединения Новгорода и Твери важнейшей задачей обеспечения существования независимого единого Русского государства была давняя проблема уделов внутри самого Московского великокняжеского дома. Средневековая междоусобная борьба всегда отличалась остротой, и Ю. Г. Алексеев отнюдь не склонен скрывать это. Автор приводит немало примеров жестокости при решении междоусобных споров. Но сквозь пеструю картину братоубийственных войн и ложных клятв виден главный политический стержень происходящего — прекращение феодальных усобиц, которое расчетливому Ивану III все чаще удавалось осуществить без пролития крови.

Книга Ю. Г. Алексеева дает написанное умелой рукой историка и популяризатора яркое изображение России переломного периода — времени резкого ускорения исторического развития, формирования социальной, политической и идеологической систем Московской Руси. И, что самое главное, за историческими процессами здесь видны живые люди, в первую очередь политический руководитель страны тех лет, государь всея Руси Иван Васильевич.

Член-корреспондент АН СССР Н. Н. Покровский

Памяти Александра Ильича
Копанева — историка России

Введение

В мировой истории пятнадцатый век, особенно его вторая половина, занимает особое место, знаменуя конец средневековья и начало Нового времени.

Менялась политическая карта Европы и мира. Многовековая Реконкиста закончилась победой испанского народа. Королевства Кастилия, Леон и Арагон объединились в могущественное Испанское государство. Португальские и испанские каравеллы смело устремились в безбрежный океан и положили начало эпохе великих географических открытий, а вместе с ней — созданию колониальных империй в Старом и Новом Свете.

Во Франции после хаоса Столетней войны королевская власть, опираясь на среднее дворянство и растущую мощь городской буржуазии, обуздала при Людовике XI политические притязания феодальных сеньоров и самого сильного из них, герцога Бургундского. Вступив в XV век в условиях, когда половина страны была оккупирована англичанами, Франция к концу его превратилась в одно из самых мощных государств Европы и бросила вызов средневековой Германской империи.

Англия, после блестящей победы при Азинкуре державшая в своих руках корону французских королей, потерпела поражение в борьбе с французским народом, поднявшимся на спасение своего отечества под знаменем Жанны д'Арк. Триумф Плантагенетов на континенте сменился братоубийственной войной Алой и Белой роз, в которой нашел могилу старый строй феодальной Англии. Новая монархия Тюдоров с ее сильной королевской властью начиная с Генриха VII гораздо больше, чем когда бы то ни было раньше, опиралась на города с их складывающимся капиталистическим укладом и новыми, буржуазными интересами. Превратившись в один из главных очагов растущего европейского капитализма, Англия на рубеже

XV—XVI вв. готовилась к борьбе на мировых морских путях.

Другой очаг капитализма развивался в Нидерландах, формально находившихся пока еще под эгидой Германской империи, и в богатых германских городах, чьи банкиры ссужали деньгами самого императора. Но если в Англии и Франции развитие новых, буржуазных отношений сопровождалось усилением королевской власти и созданием централизованных государств, то в Германии Фридриха III и Максимилиана I продолжала господствовать чисто средневековая система сложной, многоступенчатой феодальной иерархии с могущественными сеньорами, готовыми оспорить власть и авторитет императора. Противоречия между средневековыми наднациональными претензиями старой императорской власти и реальными интересами княжеств и городов, между консервативными феодальными традициями и ростками новых отношений неумолимо влекли огромную, архаическую по форме империю к закату в огне грядущих междоусобных войн.

В Италии буржуазные отношения в развитых городах Севера сочетались со средневековой архаикой Юга. Расцвет политической власти, экономики и культуры во Флоренции, Милане, Генуе и Венеции не привел к объединению страны в рамках единого национального государства. Слишком велики оказались противоречия между городскими республиками и княжествами, уравновешивающими друг друга в борьбе за господство в стране. Италия жила под тенью римского престола и его вселенских амбиций. Самая передовая в Европе культура причудливо сочеталась с узким политическим кругозором и эгоистическими местническими интересами. Это порождало бессилие страны, превратившейся в яблоко раздора и арену кровавой борьбы между империей, Францией и Испанией.

Пятнадцатый век — расцвет державы Ягеллонов, могущественных королей Польши и великих князей Литвы. После великой победы славян в Грюнвальдской битве Тевтонский орден вынужден был признать Пруссию вассальным владением польского короля. Росла морская торговля через Гданьск, развивались культурные и политические отношения с Западной Европой. Долгое царствование Казимира IV прошло

под знаком усиления Польского государства. Осторожный и ловкий политик, король Казимир соперничал с императором и пытался, порой успешно, закрепить за своей династией власть в Чехии и Венгрии. В Польше развивались города и городское право по немецкому образцу и в то же время в неприкосновенности оставались старые феодальные отношения, сохранялось и усиливалось политическое и экономическое могущество магнатов. Королевская власть Ягеллонов в Польше в большей степени, чем где бы то ни было в Европе, вынуждена была считаться с привилегиями ясновельможных панов, владевших целыми городами и округами. Хотя могущество и своеволие земельной аристократии в XV в. еще не привели к роковым последствиям, они несли в себе угрозу грядущей слабости Польши.

Другая половина державы Ягеллонов, Великое княжество Литовское, простиралась далеко на восток, до подступов к Пскову и Новгороду, Твери, Москве и Рязани. Огромное государство, находившееся в династической унии с Польшей и испытывавшее нарастающее (особенно к концу века) польское и католическое влияние, включало и коренные русские земли, входившие прежде в состав Древнерусского государства. Противоречие между польско-католической ориентацией государственной власти и феодальных верхов и традициями русского православного населения — характерная черта литовской половины монархии Ягеллонов.

На юго-востоке Европы поднимал свое зеленое знамя воинственный Османский султанат. Гибель Византийской империи под ударами османов, захват ими Греции, Болгарии и Сербии выводили империю Мохаммеда II и его наследников на подступы к самому сердцу Европы и превращали османов в страшного врага итальянских республик на Средиземном море. Угроза османского нашествия — одна из доминант европейской политики XV в. — особое значение имела для ближайших соседей Русской земли.

В сложной мозаике старого и нового, в переплетении и борьбе феодальных традиций и начал буржуазного уклада королевская власть в большинстве стран Европы играла прогрессивную роль, поддерживая новые национальные тенденции и опираясь на них [1].

Средневековое мироощущение кончалось вместе с феодальными войнами, на смену ему готово было прийти новое представление о мире, об обществе и человеке. Складывалась новая культура Европы, формировался человек Нового времени. Пышный расцвет Высокого Возрождения в Италии бросал яркий отблеск на культуру других стран. Идеи гуманизма распространялись всюду по Европе. Человеческий дух освобождался от пут схоластики и средневекового формализма.

В этой обновляющейся Европе XV в. отходит от старых традиций и ищет новые пути и наше Отечество. В отличие от стран Западной Европы, густонаселенных, находившихся в тесном общении друг с другом и не знавших гнета ордынского ига и почти непрерывных опустошительных нашествий, на Русской земле в XV в. еще не было ростков нового, буржуазного общества. Предстояли долгие века развития в рамках еще не исчерпавшей себя феодальной формации. Но и на Руси происходили перемены.

Основную массу населения составляли крестьяне. С развитием феодальных отношений росло число крупных и мелких вотчин светских и церковных феодалов. Князья давали служилым людям, боярам и детям боярским (низшему слою класса феодалов), а также монастырям жалованные грамоты, закрепляя за ними земли и власть над сельским населением. Крестьяне, жившие в феодальных вотчинах, выплачивали ренту землевладельцу, преимущественно продуктовую, и выполняли различные натуральные повинности. Согласно жалованным грамотам, они были подвластны вотчинному суду и администрации. В пользу государства они выплачивали прямые налоги (дань) и несли основные повинности — посошную (военную службу), городовое дело (строили и чинили укрепления) и ямскую (содержали почтовые станции с лошадьми или платили ямские деньги).

Но еще очень много было «черных» земель, на которых жили крестьяне, подвластные только феодальному государству и его местной администрации — наместнику и волостелю. Черные крестьянские общины не пользовались никакими льготами, но зато относительно свободно распоряжались своей землей. Борьба черных крестьян за землю, против посягательств феодалов проходит красной нитью через все столетие.

Хотя феодальная зависимость крестьян росла, до развитого крепостного права было еще далеко. Вотчинные крестьяне сохраняли традиционное право отказа — ухода от вотчинника раз в год, по окончании цикла сельскохозяйственных работ. Рабочих рук было достаточно — на смену ушедшим приходили новые, из соседних черных волостей, стремясь получить льготы и защиту со стороны феодала, особенно если он был богатым и сильным.

Развитие феодального землевладения и хозяйства, распашка новых земель приводили к росту производства и обмена. Росли города, развивались товарно-денежные отношения. Торговали хлебом, рыбой, продуктами животноводства, железными изделиями из болотной руды. Особое значение имела соль. Торговлей занимались светские феодалы и монахи, посадские люди и крестьяне. Все большее значение приобретали свободные посадские люди — ремесленники и торговцы, население растущих городов. Кроме Москвы крупными торговыми центрами были Тверь. Новгород, Псков. На севере богатым городом был Устюг, росло значение Белоозера. Ширилась и внешняя торговля. Русские купцы (самые богатые из них назывались «гости») ездили в Литву и Прибалтику, в Орду и Крым. Морская торговля на Балтике была в руках ганзейских купцов — новгородские бояре продавали пушнину и воск, а покупали предметы роскоши, дорогие доспехи, вина, сельдь.

Экономическое развитие страны стало базой для успешной борьбы за национальную независимость, для крупных политических преобразований. Высокий расцвет русской средневековой культуры с конца XIV века (русское «Возрождение») обновил и приумножил моральные силы русского народа. Для нашей страны наступала эра нового политического бытия.

Эпоха перехода от средних веков к Новому времени, от феодальной анархии к крупным централизованным государствам требовала и выдвигала на авансцену своих героев — королей и дипломатов, полководцев и мыслителей, способных к новому взгляду на мир, к активному целенаправленному действию.

Задача предлагаемой книги — дать очерк жизни и деятельности одного из самых выдающихся людей своего времени. Фигура первого государя всея Руси

не может быть понята и оценена вне контекста эпохи. История формирует людей, люди творят историю. Такова диалектика исторического процесса.

Нельзя не отметить, что далеко не все важные события эпохи нашли достаточное отражение в сохранившихся источниках. Далеко не на все вопросы исследователь может дать исчерпывающий ответ. Да и возможны ли исчерпывающие ответы в науке? Решенный, казалось бы, вопрос порождает новые — в этом залог вечного движения человеческой мысли к познанию мира, в том числе и исторической действительности.

О, светло светлая и украсно украшена земля Руськая!

Слово о погибели русской земли

Он есть герой не только российской, но и всемирной истории.

Н. М. Карамзин

В кольце врагов

В тревоге и печали для Русской земли кончалось лето 6947-е *. «Месяца июля в 3, в пяток, прииде к Москве царь Махмут...»,— записал московский летописец [1].

Под стенами Москвы появился воинственный Улу-Мухаммед, один из претендентов на власть в Орде. Совсем недавно он впервые скрестил оружие с русскими. Тогда «за множество согрешений наших» (как считал летописец) войска великого князя Василия Васильевича потерпели страшное поражение. Долго еще на Руси вспоминали «Белевщину», трагический день 5 декабря 1437 года. На поле битвы под Белевом остались тогда девять воевод и иных многое множество. Что же до князей, то, как заметил летописец, «князи... большие убегоша сдрови». Не проявили особой доблести двоюродные братья великого князя Василия Московского, которым он доверил свои полки. Два Дмитрия Юрьевича — Шемяка Углицкий и его младший брат Красный, галичский князь,— вовсе не стремились пролить свою кровь за великого князя.

Тому не приходится удивляться: уже много лет между двумя линиями потомков Дмитрия Донского шла междоусобная борьба за московский великокняжеский стол, подобная войне Алой и Белой розы, разгоравшейся почти в то же время между потомками Эдуарда III Английского — династиями Ланкастеров и Йорков.

Дмитрий Донской много сделал для укрепления великокняжеской власти. Тверь и Суздаль навсегда отказались от соперничества с Москвой, было сломлено своеволие Рязани, побежден Великий Новгород. Москва стала бесспорным центром Русской земли. Но

---

* Счет лет велся от «сотворения мира». По нынешнему летосчислению 6947 г. длился с 1 сентября 1438 г. до 31 августа 1439 г.

система княжеских уделов как таковая осталась без существенных изменений. Умирая, Дмитрий Иванович назначил своим сыновьям крупные уделы в великом княжестве, что делало их фактически независимыми от старшего брата — Василия, унаследовавшего великокняжеский стол. Более того, по буквальному смыслу духовной грамоты Дмитрия второй его сын, Юрий, князь Галицко-Звенигородский, должен был в случае смерти старшего брата получить великое княжение [2]. Это распоряжение Донского в конкретных условиях весны 1389 г. вполне логично: духовная составлялась, когда семнадцатилетний Василий еще не женился, и Дмитрий Иванович заботился о сохранении великокняжеского стола в руках своих сыновей. Но Василий Дмитриевич прожил еще почти тридцать шесть лет. От брака с Софьей, дочерью литовского великого князя Витовта, он имел трех сыновей. Старшие, Юрий и Иван, умерли еще при жизни отца. Наследником великокняжеского стола остался десятилетний Василий. Тут-то и предъявил свои права его дядя Юрий Дмитриевич, апеллируя к духовной отца. Началась кровавая распря.

В ход было пущено все — обращения к ордынскому хану с обычным подкупом его советников; клятвы, которые тут же нарушались; обещания, которые никто и не думал выполнять. Как и в феодальных войнах в Англии, столь красочно описанных Шекспиром, практиковались измена и предательство вельмож, перебегавших из одного лагеря в другой. Москва переходила из рук в руки. После скоропостижной смерти князя Юрия в начале июня 1434 г. борьбу продолжали его сыновья. Но между ними не было единства. Старший, Василий Косой, разбитый Василием Васильевичем, нарушил мир с ним, захватил Устюг, причем многих устюжан «секл и вешал»[3], а весной 1436 г. пытался напасть на великого князя под Скорятином на Сухоне, но был снова разбит, взят в плен и ослеплен по приказу своего разъяренного соперника. Братья Василия Косого, хоть и не поддержавшие его в трудную минуту, не могли иметь особых оснований для преданности врагу своего отца и брата. Огонь феодальной войны не погас. Он продолжал тлеть под пеплом, готовый в любую минуту вспыхнуть с новой силой...

Причины феодальной войны, разумеется, не в личных качествах князей и не в неточностях духовной Донского. Эти причины — в самой природе политического строя Русской земли, которая, начиная с XII в., после распада великой древней державы, представляла собой совокупность земель и княжеств, своего рода феодальную иерархическую федерацию под номинальной властью великого князя. Эта власть на протяжении почти трех веков была скорее символической, чем реальной. Развивающиеся феодальные отношения способствовали росту производства и обмена, приводя к появлению множества мелких центров, к которым тяготели соответствующие сельские округи. Эти центры — феодальные города — и были реальной основой политической власти все умножавшегося количества князей — Рюриковичей. Способствуя (до поры до времени) социально-экономическому и культурному развитию страны, процесс нарастающей феодальной раздробленности исключал возможность появления сильной великокняжеской власти — ведь великий князь мог фактически опираться только на силы своего собственного наследственного княжества, а отношения с другими князьями, даже с родными братьями, вынужден был строить на договорных началах, на традиции и (не в последнюю очередь) на силе своего личного авторитета. Но мудрые и талантливые правители рождаются не так уж часто.

Дальновидный и расчетливый Иван Калита не жалел сил для укрепления Московского княжества — основы своей великокняжеской власти. Но и он, и, как мы видели, даже его внук Дмитрий Донской, на котором, по выражению В. О. Ключевского, лежал «яркий отблеск славы Александра Невского», по существу, не боролись с феодальной раздробленностью как таковой, с системой удельных княжеств, составлявших политическую структуру Русской земли.

Только в последние десятилетия XIV — начале XV в. можно увидеть растущее тяготение феодальных мирков к более крупным центрам. Причина этого — дальнейшее развитие тех же феодальных отношений, которые в свое время привели страну к раздробленности. На новом этапе узкие местные рынки уже не удовлетворяли возросшие возможности и потребности производства и обмена. Немалую роль играло и то, что

местный князь имел весьма ограниченные политические возможности. Его вассалы — феодалы искали более сильного сюзерена, который был бы способен наделить их землями и властью. Крестьяне жаждали защиты от ордынских «ратей» и нападений соседних феодалов, горожане тоже требовали защиты, а кроме того были заинтересованы в развитии торговли. Почти все слои феодального общества в той или иной мере сознательно или бессознательно жаждали сильной власти, способной обеспечить феодальный порядок взамен феодальной анархии.

Но, как это всегда бывает в истории, новые тенденции побеждают далеко не сразу. Им противостоят тенденции консервативные, опирающиеся на старую традицию, на «старину и пошлину». А власть традиций в средневековом обществе была огромна. Защитниками старого, привычного порядка вольно или невольно выступали удельные князья и их ближайшее окружение, чье политическое бытие и перспективы были всецело связаны с этой традицией. Феодальная война, вспыхнувшая после смерти великого князя Василия Дмитриевича, была в глазах современников прежде всего борьбой за московский стол в духе средневекового легитимизма. Объективно она представляла собой столкновение противоборствующих тенденций — старой, опиравшейся на удельные центры, и новой, тяготевшей к Москве. Компромисс в этой борьбе мог носить только временный, паллиативный характер, что отнюдь не в полной мере сознавалось главными действующими лицами этой борьбы.

И вот теперь, через полтора года после Белевской битвы, Москва увидела у стен своих грозного хана. Он пришел «безвестно»: великий князь Василий «не поспе собратися» навстречу ему и, «виде мало своих», отошел за Волгу, Москва же осталась в осаде во главе с воеводой князем Юрием Патрикеевичем, литовским выходцем, женатым на родной сестре великого князя Анне. В Москву сбежалось «бесчисленное христиан множество», жителей окрестных деревень,— видавшие виды русские люди пытались спастись за крепостными стенами, бросив на произвол судьбы весь свой скарб, нажитый нелегким трудом.

Улу-Мухаммед не осмелился штурмовать Кремль. Простояв десять дней под его стенами, он отошел,

«граду не успев ничто же», но зато — «зла много учини земли Русской». Опять потянулись на восток толпы связанных русских пленников, снова над Русской землей зазвучали «плач неутешим и рыдание». Отступая, хан сжег Коломну и «людей множество плени. а иных изсекл»... За двести лет со времен Батыя, когда над Русью впервые нависла тьма ордынского ига, такие картины стали привычными...

Новое «лето 6948-е» от сотворения мира московский летописец начал записью: «родился великому князю сын Иван генваря 22». Ростовский летописец добавил: «и крести его Питирим»[4], епископ пермский. (Суровый Пермский край — форпост Русской земли на далеком северо-востоке, среди многочисленных местных племен, постепенно принимавших христианство, а с ним и русскую культуру, и русскую великокняжескую власть.)

У великого князя Василия Васильевича, внука Дмитрия Донского, и его жены Марии Ярославны, дочери боровского князя и внучки Владимира Андреевича Серпуховского, героя Куликовской битвы, это был второй сын — первый их сын, Юрий, родился осенью 1437 г. и прожил немногим более трех лет. Именно второму сыну суждено было стать наследником. Но этого пока еще никто не знает...

Рождение второго сына в семье великого князя — событие, хотя и достойное упоминания, но далеко не самое важное для современников. Гораздо больше волновали средневекового человека дела церковные. А в наступившем году для этого были особые основания. Только что, летом 1439 г., во Флоренции был заключен едва ли не важнейший церковно-политический акт средневековья — уния между католической и православной церковью с признанием последней главенства римского папы.

Прошло почти четыре века с тех пор, как папа Лев IX и константинопольский патриарх Михаил Керулларий предали друг друга анафеме и христианская церковь окончательно раскололась на западную (католическую) и восточную (православную). Под эгидой папского престола оказались Германская империя («Священная Римская империя немецкой нации», как она гордо себя именовала), королевства французское и английское, отчаянно боровшаяся с маврами

Испания, бесчисленные города и карликовые герцогства Италии, молодые христианские государства Польша, Чехия и Венгрия и далекие северные народы полуварварской Скандинавии. Константинопольская патриархия простерла свою власть над церквами Руси, Болгарии, Сербии, Валахии. Христиане Ближнего Востока, составлявшие патриархии Александрийскую, Антиохийскую и Иерусалимскую, уже веками находились под властью арабских халифов.

В отличие от Болгарии и Сербии, которым приходилось бороться с политическими амбициями византийских императоров и отстаивать свою национальную независимость, Русская земля была связана с Византией исключительно в церковно-культурном плане. Русская церковь, формально подчинявшаяся патриархии, была почти всегда гораздо больше связана со своей национальной почвой и вырабатывала собственные политические традиции, далекие от интересов императора и патриарха. И хотя связь с Константинополем никогда не прерывалась и патриарх не только возводил в сан русских митрополитов, но и подчас обращался с поучениями и наставлениями к «своей» русской пастве, положение русских митрополитов и епископов существенно отличалось от статуса католического иерарха, жестко подчиненного «святому престолу» в Риме.

После вторжения османов на Балканский полуостров Византийская империя, со всех сторон окруженная потенциальными завоевателями, оказалась перед смертельной угрозой. На Флорентийском соборе император Иоанн VIII и патриарх Иосиф надеялись ценой подчинения православной церкви римской курии получить военную помощь против воинственных мусульман. В этом смысле уния, заключенная 6 июля 1439 г.,— акт отчаяния умирающей империи.

Но если Византии уния давала надежду (как впоследствии оказалось, призрачную) на сохранение своего политического бытия, то для Русской земли провозглашенный во Флоренции отказ от самобытности православной церкви мог иметь совсем другие последствия.

Разгром Руси Батыем привел не только к установлению ордынского ига, но и к постепенному захвату западных и южных русских земель Литвой и Поль-

шей. Ко второй четверти XV в. под властью польского короля и великого князя Литовского оказалась большая часть территории древнего Русского государства. И Червонная Русь со Львовом и старым Галичем, и Волынь с Владимиром и Холмом, и Черная Русь с Гродно и Берестьем, и Белая с Минском и Полоцком — не только эти земли, арена многовековой истории Древней Руси, но и сам Киев, Чернигов, южный Переяславль, а в начале XV в. даже Смоленск вошли в состав владений чужеземных католических государей. В условиях потери политической независимости для коренного русского населения отторгнутых земель особое значение приобрел вопрос церковный — вероисповедная связь между собой и с остальной частью Руси. Вопрос сохранения своей веры стал и вопросом сохранения своей национальности, культуры и традиций.

Не меньшее значение этот вопрос имел и для Москвы и тяготеющих к ней земель северо-востока и северо-запада Руси — конфессиональное единство Москвы и Новгорода, Твери и Рязани и далекой Вятки служило идейной базой для единства политического. Православная Русь противостояла католическим Литве и Польше, за спиной которых стояла папская курия с ее мечтами о вселенской церкви. И когда в феврале 1440 г. «приидс из Рима Сидор митрополит», ставленник патриарха, один из активных деятелей Флорентийского собора и горячий поборник унии, его проповедь «соединити православие с латынском» встретила дружный отпор как епископов, так и самого великого князя Василия Васильевича. 2 марта сторонник подчинения папе был заключен в Чудов монастырь (откуда он, впрочем, через полгода бежал в Тверь и далее в Литву)[5].

Русь сделала свой выбор, имевший далеко идущие последствия. Отказ от унии означал разрыв с константинопольским патриархом и давал последнему формальную возможность назначить нового митрополита с подчинением ему западных русских епархий на территории Литовского великого княжества. Патриарх так и поступил, назначив в Киев Григория, ученика незадачливого Исидора. Зато Москва сохранила значение единственного центра самостоятельной православной церкви, что поднимало ее духовный авторитет в глазах русского народа по обе стороны русско-литов-

ского рубежа. С необходимостью должны были измениться и отношения между главой политической власти, великим князем, и митрополитом — последний теперь даже формально не мог апеллировать к авторитету патриарха.

Осенью 1440 г. в Галиче умер князь Дмитрий Юрьевич Красный, один из злополучных руководителей Белевской битвы. (Его смерть после долгой летаргии поразила современников суеверным ужасом.) Его удел перешел к старшему Дмитрию — Шемяке. Это очень усилило позиции последнего.

Феодальная усобица то ослабевала, то вспыхивала с новой силой. В борьбу вмешивались Новгород и Литва. Неурожай и голод вызвали эпидемию во Пскове. Зимы были «злы», а сено дорого, отметил летописец. Нападали старые враги — ордынцы. «Царевич» Мустафа «со множеством татар» вторгся в Рязанскую землю — многострадальное пограничье между Русью и Диким Полем. На этот раз ордынцев удалось отразить — в бою на речке Листани был убит сам «царевич», хотя и русские понесли большие потери. Это только один из эпизодов незатухавшей войны, фактически шедшей между Русью и Ордой почти с самого начала ига. Несмотря на выплату ордынцам «выхода» (дани), несмотря на признание Русью своей формальной зависимости от хана («царя»), у которого русские князья выпрашивали ярлыки на великое княжение и к которому регулярно ездили на поклон с богатыми дарами («поминками»), прочного мира на южной границе не было никогда. Если не сам «царь» и посланные им воеводы (их походы случались довольно редко и каждый раз носили характер катастрофы, как при Тохтамыше и Едигее), то бесчисленные «царевичи» чуть не каждый год вторгались в русские земли, грабили, жгли, убивали и уводили «полон». В постоянном напряжении, ожидании очередного ордынского набега проходила жизнь одного поколения за другим.

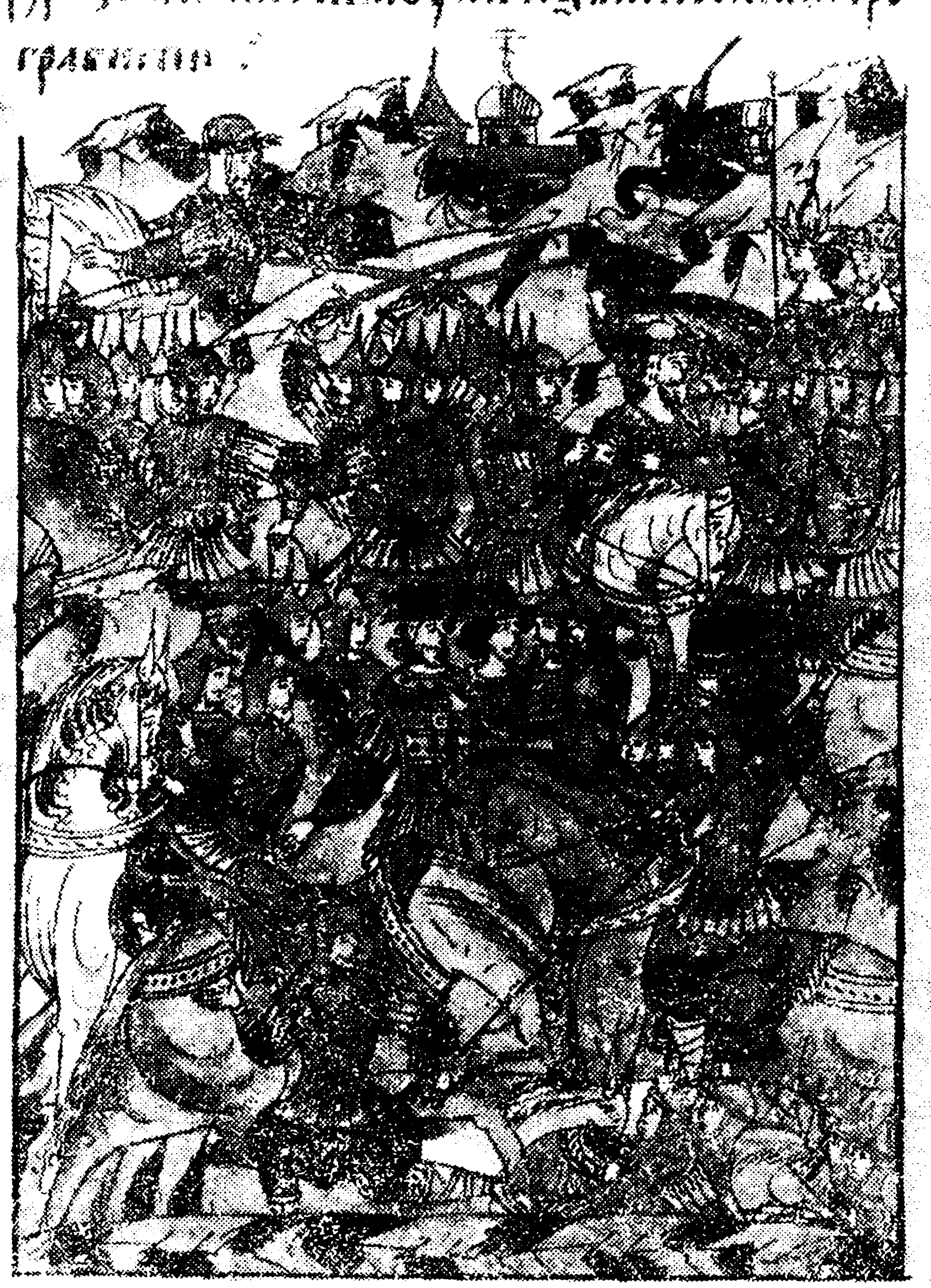
1445 г. принес новые беды. Семитысячная литовская рать вторглась с юго-запада. Литовцы простояли неделю под Козельском (прославившимся в свое время героической обороной от орды Батыя) и подошли к Калуге. Калужане вынуждены были дать «окуп». Можайский князь Иван Андреевич и брат его Михаил, князь Верейский (оба — внуки Дмитрия Донско-

го), послали против литовцев своих людей. Под Суходровом произошел бой, видимо неудачный для русских, судя по тому, что в плен попало несколько воевод. Однако от дальнейшего вторжения литовцы отказались и вернулись назад. Тем не менее они «плени земли много и повоева, и христьянству погибель великая бысть»[6].

Это нападение — только одно из звеньев в длинной цепи литовской экспансии, начавшейся еще в XIV в. Шаг за шагом продвигались литовские феодалы со своими дружинами в глубь Русской земли. Город за городом, волость за волостью падали под их натиском. Многочисленные русские князья, сидевшие на раздробленных уделах когда-то сильных княжеств Черниговского и Смоленского, один за другим оказывались вассалами могучего великого князя Литовского...

Но гораздо более трагические события развернулись летом 1445 г. на восточном рубеже Русской земли — там, откуда угрожал страшный Улу-Мухаммед, победитель в битве под Белевом. К этому времени он разгромил волжских булгар на Средней Волге и создал новое самостоятельное ханство — Казанское. К ордынскому напряжению на южном рубеже добавилось теперь казанское — на восточном. Еще зимой Улу-Мухаммед захватил Нижний Новгород, укрепился там и пошел к Мурому. Над Москвой снова нависла опасность.

В начале лета в Москву пришла весть, что Улу-Мухаммед послал в поход на Русь своих сыновей — Мамутека и Якуба. Против них двинулся Василий Васильевич. В Юрьеве к нему присоединились беженцы из Нижнего Новгорода, а в Суздале — Андреевичи, Можайский Иван и Верейский Михаил, и шурин Василий Ярославич, князь Серпуховский. Но этих сил было еще недостаточно. На Каменке, близ Суздаля, великий князь сделал смотр войску в боевых доспехах — не оказалось и тысячи воинов. Ждали подкреплений. До поздней ночи пировал Василий Васильевич со своими двоюродными братьями и боярами. А на рассвете в среду 7 июля его разбудила весть, что татары уже переходят Нерль. Облекшись в доспехи, подняв боевые знамена, русские войска по призыву великого князя бросились вперед. Стремясь ударить по татарам на переправе, Василий не стал ждать сбо-

Битва под Суздалем (*Лицевой свод*).

ра всех полков. Под Суздальским Ефимьевым монастырем закипела конная битва: полторы тысячи русских против трех с половиной тысяч татар. Русские сначала потеснили татар, но бегство их оказалось притворным. Повернув фронт, они атаковали расстроенные русские ряды. В самой гуще боя «добре мужественно бился» великий князь Василий Васильевич. Многократно раненный, в разбитых доспехах, он был схвачен крепкими вражескими руками... В плен попали и Михаил Андреевич Верейский, и много других русских воинов... Иван Андреевич Можайский, раненный, успел пересесть на другого коня и бежать с поля боя... «А князь Дмитрий Шемяка и не пришел, ни полков своих не прислал»[7],— констатирует летописец... Снова, как под Белевом, угличский князь, самый сильный из внуков Донского, не захотел пролить кровь за Отечество.

Страшная, небывалая беда обрушилась на Русскую землю. Дело было не только в том, что победители «ходив в погоню, много избиша и изграбиша, а села пожгоша, люди иссекоша, и иных в полон поведоша». Самое страшное — в руках врагов, в плену оказался великий князь, глава всей феодальной иерархии, всей политической структуры Русской земли. Такого не было даже при Батые. Взятие в плен главы государственной власти — катастрофа для средневекового общества. Пленный монарх — заложник в руках врагов. Унизительные, тягостные условия мира, огромный выкуп за пленника — логическое продолжение этой беды. В таком же положении оказалась, например, Франция во времена Столетней войны, когда в битве при Пуатье в сентябре 1356 г. в руках английского «Черного принца» оказался злополучный король Иоанн Добрый. Но Франция была относительно крепким государством, с сильными традициями королевской власти, со сложившимся аппаратом управления. А для Руси с ее шаткой, зыбкой политической структурой, для страны, раздираемой княжескими усобицами, со всех сторон окруженной беспощадными врагами, пленение великого князя было еще более опасным ударом. Создавалась совершенно новая политическая ситуация с непредсказуемыми, но грозными последствиями. И не удивительно, что, когда гордые «царевичи» прислали на Москву в знак своей победы

нательные кресты, снятые с великого князя, в столице «бысть плач велик и рыдания много, не токмо великим княгиням», матери и жене плепного Василия Васильевича, «но и всему христьянству».

Беда редко приходит одна. Ровно через неделю после суздальской катастрофы вспыхнул ночью пожар в Кремле. Не первый раз горела цитадель русской столицы, но пожар 14 июля 1445 г. был, по-видимому, одним из самых страшных. Город выгорел весь. Не только «ни единому древеси в граде не остатися», но и «церкви каменные распадошася, и стены градные каменные падоша во многих местех». Бедствие усугублялось теснотой — в узкие переулки Кремля, как всегда при угрозе нашествия, сбежались люди из «градов множества» со всем имуществом, которое только можно было взять с собой. Все было охвачено пламенем. Горела казна великого князя, в дыму и огне задыхались и гибли люди, горели их пожитки... Обе великие княгини, старуха Софья Витовтовна и Мария Ярославна, покинули тлеющее пепелище и отправились в Ростов.

Печальная весть о пленении отца, рыдания матери, страшная картина ночного пожара, поспешный, тревожный отъезд — первые яркие впечатления, выпавшие на долю пятилетнего княжича Ивана, теперь старшего из сыновей великого князя, ехавшего в Ростов с матерью и четырехлетним братом, Юрием-младшим.

А московские горожане, «чернь», стали мужественно и организованно укреплять столицу. Они расправились с трусами и паникерами («начаша имати, и бити, и ковати»), сами же, «совокупившеся, начала врата градные прежде делати... град крепити, а себе пристрой домовный готовити»[8]. Не в первый раз москвичи, оставленные феодальными властями, готовились грудью встретить врага — так же встали на защиту столицы их деды, когда Тохтамыш подходил к Москве, а митрополит Киприан бежал из города.

Между тем в ставке Улу-Мухаммеда происходили важные события. В конце августа торжествующий хан выступил из Нижнего Новгорода и пошел со всей своей ордой к Курмышу на реку Суру, поближе к своей новой столице Казани. Хан вез с собой пленников — великого князя Василия и Михаила Верейского. Шли,

видимо, переговоры с Василием, и эти переговоры не удовлетворяли хана. Пленник оказался неуступчив. Тогда Улу-Мухаммед обратился к его сопернику, Шемяке. В Углич отправился ханский посол Бигич.

Посол Улу-Мухаммеда был торжественно встречен Шемякой. Приняв большую «честь» от углицкого князя, Бигич возвращался к своему повелителю в сопровождении посла Шемяки, дьяка Федора Дубенского. Соглашение в принципе состоялось — Дмитрий Юрьевич готов был на все, чтобы помешать своему двоюродному брату вернуться на великокняжеский стол. На Русскую землю готова была петля еще одного ига — казанского.

Но и великий князь Василий сумел оценить обстановку и вовремя пойти на уступки хану. Из двух зол приходилось выбирать меньшее. Василий вынужден был в конце концов согласиться на «окуп, сколько может» — выплату контрибуции, размеры которой предстояло еще установить. С этим обещанием 1 октября, в день почитаемого праздника Покрова, великий князь Василий выехал из Курмыша на родину. Для обеспечения сбора «окупа» с ним отправились многочисленные ханские «послы» — целый воинский контингент.

В самый день отъезда великого князя из плена, под утро, «потрясеся град Москва. Кремль, и посад весь и храмы поколебашася». Проснувшиеся люди «во мнози скорби беша и живота отчаявшеся». Редчайшее для Москвы землетрясение стало как бы предвестием грядущих грозных бед[9].

Тяжелое время предстояло Русской земле — к обычному ордынскому «выходу» теперь должны были добавиться огромные платежи в пользу казанского хана... Разумеется, эта новая дань всей тяжестью должна была лечь на плечи крестьянина и посадского человека, кормильцев и строителей Русской земли. Такова была страшная расплата за опрометчивую, преждевременную атаку на поле под Суздалем. Тяжелой ценой выкупала Русь тактическую ошибку великого князя. Тяжелую цену платила за сохранение великокняжеской традиции, за сохранение первенства Москвы.

А в Москве ждали своего великого князя. С радостной вестью от Василия, «что царь его пожаловал, отпустил на великое княжение», примчался в столицу

молодой Андрей Плещеев. Долговременное иго приучило радоваться ханской «милости»...

26 октября великий князь наконец прибыл в Переславль. Здесь его торжественно встречали семья, бояре, весь великокняжеский двор. Княжич Иван с братом тоже присутствовали на этом торжестве, купленном столь дорогой ценой.

Наступила зима. По Руси ползли тревожные слухи. Суздальское пленение и Курмышский окуп не могли не нанести удара по личному авторитету Василия Васильевича. Шемяка начал плести сеть интриги. Еще до возвращения Василия Васильевича из плена он заключил союз с суздальскими князьями — злейшими врагами Москвы. В конце XIV в. великий князь Василий Дмитриевич, искусный дипломат, добился от хана Тохтамыша ярлыка на Нижний Новгород, входивший до этого в удел суздальских князей. Потомки Бориса Константиновича Нижегородского не простили ему этого. Даниил Борисович навел ордынцев на Владимир — стольный город Руси был разграблен и сожжен в 1411 г., второй раз после Батыя. Борьбу за независимость своих уделов продолжало и следующее поколение суздальских князей — внучатые племянники Бориса. С ними-то и заключил договор Дмитрий Юрьевич, готовясь к решительной борьбе за московский стол. Он отдал им Суздаль, Нижний Новгород, Городец и Вятку, признал за ними право самостоятельных сношений с Ордой. В обмен на это суздальские князья должны были признать его старшинство, т. е. великокняжескую власть [10]. Шемяка не скупился — в поисках союзников щедрой рукой отдавал то, что приобреталось Москвой десятилетиями трудной дипломатической и военной борьбы.

Еще более важным был для Шемяки союз с князем Иваном Андреевичем Можайским. Он убедил князя Ивана, что Василий обещал отдать Москву и все московские города хану, а сам решил стать тверским князем. Об этом было сообщено и Борису Тверскому — он тоже примкнул к антивеликокняжеской коалиции. Бояре, и гости (верхушка купечества), «и от чернецов» — довольно широкий круг лиц был втянут в заговор Шемяки.

Дело было, конечно, не только в коварстве Шемяки. Поражение и унижение великого князя, неслыхан-

ные на Руси, развязали руки всем тем, кто был заинтересован в его ослаблении, кто стремился к сохранению и приумножению своих уделов, к консервированию порядков феодальной раздробленности. Вчерашние «друзья» великого князя становились врагами, показывая свое истинное лицо. Только сам великий князь Василий не знал или не хотел знать о тучах, сгущающихся над его головой. Только этим можно объяснить, что в начале февраля он решил отправиться на богомолье к Троице «с малыми зело людьми». Не знал великий князь, что заговорщики следят за каждым его шагом и что Шемяка и Иван Можайский стоят уже в Рузе, в двух конных переходах от Москвы.

«Если государя или другого какого человека никогда не обманывали, то он подобен животному, не имеющему понятия о добре и зле» — так характеризует средневековую мораль современник, Филипп де Коммин [11]. Опытный француз хорошо знал, что говорит,— сам обманывал своего повелителя, герцога Бургундского, и переметнулся к его злейшему врагу, королю Франции.

Как только Василий выехал к Троице, изменники помчались к Москве. Заговорщики открыли ворота. В ночь на 13 февраля Шемяка вошел в Москву. Прежде чем москвичи успели прийти в себя, столица оказалась в руках Шемяки и его пособников. Начались расправы. Были захвачены обе великие княгини, разграблена казна, схвачены и пограблены верные Василию бояре. Заняв обманом Москву, Шемяка в ту же ночь послал Ивана Можайского со многими людьми для захвата самого великого князя...

В Троицком монастыре разыгралась сцена, достойная шекспировских хроник. Не поверил Василий Васильевич известию, что идут на него Шемяка и Можайский: «Яз с своею братьею в крестном целовании, то как может то быти так». А к монастырским воротам по глубокому снегу уже приближалась длинная череда саней, крытых рогожами. В каждых санях сидело по два воина в доспехах, третий шел за возом. Захватив врасплох княжескую стражу, воины вскочили на коней и полетели к монастырю, «яко на лов сладок». Бросился Василий Васильевич на конюшенный двор, но было уже поздно — «не бе ему коня уго-

товано»: ведь он сам, «надеяся на крестное целование... не повеле себе ничего уготовити». Василий понял, что он в западне, и заперся в каменном Троицком соборе. Заговорщики окружили храм. И тут, вероятно единственный раз в жизни, великого князя Василия Васильевича покинуло мужество. Со слезами умолял он своих врагов о пощаде, обещал не выйти из монастыря, постричься в монахи. Но тщетно. Не помогли ни мольбы, ни напоминания о крестном целовании — «не мыслити никоего лиха». Боярин Никита Константинович Добрынский положил руку на плечо Василия: «Пойман еси великим князем Дмитрием Юрьевичем». Голые сани с пленником и сидящим против него чернецом помчались по зимней дороге в Москву...[12].

Где же были сыновья великого князя, Иван и Юрий? Отец взял их с собой, отправляясь на богомолье. В спешке и суматохе заговорщики забыли о них. Верные люди спрятали их в монастыре и в ту же ночь бежали с ними под Юрьев, к князю Ивану Ивановичу Ряполовскому, в его село Боярово. Не чувствуя себя в безопасности, верный вассал великого князя и его братья Семен и Дмитрий бежали с княжичами и со всеми своими людьми еще дальше, в Муром, и затворились там, готовясь к осаде...

Предательский захват отца врагами, смертельная опасность, поспешное бегство... Трагические картины пережитого откладывались в памяти.

Шемяка между тем упивался победой. Пленный великий князь был посажен на его дворе и через два дня ослеплен. Свершилась месть за расправу над Василием Юрьевичем. Слепой пленник вместе с женой был отослан в заточение в Углич, в собственный город Шемяки. Заточение надежное: на верность своего города новый великий князь мог положиться. Старуха Софья Витовтовна отправилась еще дальше — в холодную Чухлому, тоже в наследственном уделе Юрьевичей.

Все, казалось, было кончено. Установилась новая власть. Служилые люди, дети боярские приводились к целованию креста на имя нового великого князя. Только князь Василий Ярославич и Семен Оболенский отказались от присяги и бежали за рубеж, в Литву. Король Казимир принял беглецов охотно. Слепого, за-

точенного Василия он не боялся, а междоусобицу на Руси готов был поддержать с радостью. Василию Ярославичу он дал несколько городов. Здесь и стали собираться сторонники Василия. Одним из них был сын боярский Федор Басенок. Новый великий князь приказал заковать его в «железа тяжки» и держать под стражей. Но Басенок подговорил своего пристава и убежал к Коломне. Там с отрядом удальцов он «пограбил уезды» и «со многими людьми» бежал к Василию Ярославичу.

Когда-то Москва более чем сдержанно встретила князя Юрия Дмитриевича, победно вступившего в столицу. Умный князь понял, что без поддержки москвичей ему не удержаться,— он заключил мир со своим соперником, тогда еще юным Василием, и вернул ему великокняжеский стол. Но если Москва не поддержала родного сына Дмитрия Донского, то положение Шемяки в захваченной обманом столице было еще менее прочным. Его всюду окружала сгущавшаяся пелена недоверия, недоброжелательства, затаенной и явной вражды. «Вси людие негодоваху о княженье его, но и на самого мысляху, хотяще великого князя Василия на своем осподарстве видети».

Неумолимая, невидимая, но грозная сила — мнение народное — все больше противилась Шемяке. И как могло быть иначе? Чужой Москве углицкий князь, беглец из-под Белева, нарушивший слово, равнодушный к Руси, фактический изменник под Суздалем, запятнавший себя злодейской расправой над пленником,— чем он мог импонировать столице? Мелковатым для великокняжеского стола оказался расторопный Дмитрий Юрьевич. Глухой ропот Москвы сковывал замыслы Шемяки, заставлял его идти на хитроумные комбинации, вместо того чтобы действовать открытой силой.

Комбинация непосредственно касалась судьбы княжича Ивана и его брата. В Муроме они были в относительной безопасности — Шемяка не осмеливался на открытое нападение. Но он не мог и оставить на свободе сыновей своего узника, прямых, законных наследников великокняжеского стола. Предприимчивый Дмитрий Юрьевич придумал обходной маневр.

Рязанский епископ Иона, в чью епархию входил Муром, пользовался большим авторитетом. Новый ве-

ликий князь обещал ему митрополичий сан — ведь после низложения и бегства Исидора русская церковь уже седьмой год была без пастыря. Но за это, в свою очередь, Иона должен добиться, чтобы сыновья Василия Васильевича были выданы ему из Мурома. «Яз рад их жаловати, отца их... выпущу и отчину дам довольну»,— убеждал епископа Шемяка.

Епископ Иона оказался перед трудным выбором. Прямой отказ мог стоить ему карьеры, а вполне вероятно,— и свободы. С другой стороны, он не мог не понять, что выдача княжичей Шемяке означает для них смертельную угрозу. Но в предложениях и обещаниях Шемяки Иона усмотрел стремление к примирению, и компромиссу с Василием, теперь уже не опасным. Епископ мог уловить в этом предложении неуверенность Шемяки в своих силах, поиск посредничества в конфликте с Василием, возможность смягчения участи пленника. Он принял предложение Шемяки и отправился со своей миссией в Муром.

Князья Ряполовские оценили ситуацию реалистично. Они понимали, что в случае твердого желания Шемяки завладеть Муромом они не смогут ни оказать ему эффективного сопротивления, ни спасти княжичей. Кроме того, отказ епископу ставил их в весьма невыгодное положение — они выступали тем самым как бы против церковного владыки. Ряполовские решили выдать княжичей епископу «на патрахиль» после соответствующего обряда в соборной церкви Рождества Богородицы.

Жребий был брошен. В сопровождении епископа Ионы княжичи прибыли в Переяславль, где их ждал великий князь Дмитрий Юрьевич.

В истории есть события, носящие глубоко символический характер, затмевающий их непосредственное реальное значение. Такое событие произошло в Переяславле 6 мая 1446 г. Лицом к лицу встретились уходящее, но цепкое и живучее прошлое Руси и ее будущее, пока еще хрупкое и на вид беззащитное. Перед Дмитрием Шемякой, живым воплощением удельного консерватизма и феодальной анархии, стоял шестилетний княжич, которому предстояло навсегда покончить с феодальной смутой на Русской земле.

После довольно сухого и неискреннего приема («мало почти их с лестью») княжичи были приглаше-

ны на обед, одарены подарками и на третий день отправлены вместе с епископом к отцу в Углич — в заточение. Выполнив поручение Шемяки, Иона вернулся в Москву и «сел на дворе митрополичьем», т. е. стал исполнять обязанности главы русской церкви.

А как же с отпуском Василия на свободу, с пожалованием его отчиной? С выполнением своего торжественного обещания великий князь Дмитрий Юрьевич не очень спешил. Василий Васильевич с женой, а теперь и с детьми продолжал оставаться в углицкой темнице.

Но просчитался изобретательный Дмитрий Юрьевич. Новый обман только ослабил его позиции и умножил число врагов. Фронт оппозиции расширялся. Главная опора великокняжеской власти — испытанный в Думе и в походах служилый вассалитет — все больше ускользала из-под ног Шемяки.

Началось открытое восстание. Правда, попытка силой освободить Василия не удалась — его сторонники были вынуждены бежать к Василию Ярославичу в Литву, но обстановка все время накалялась, и далеко не глупый Дмитрий Юрьевич понимал это. На совещании у Шемяки с князем Иваном Можайским, боярами и епископами высказывались разные мнения. Но Шемяка вынужден был прислушаться к голосу епископа Ионы. Иона настойчиво требовал выполнения обещания — выпустить на волю Василия Васильевича, наделить его «вотчиной» и заключить с ним мир. В неустойчивой тревожной обстановке, когда «мнозие люди отступают от него», конфликт с главой русской церкви мог очень ухудшить положение Дмитрия Юрьевича. Он решил последовать совету епископа.

В сопровождении бояр, епископов и архимандритов Шемяка явился в Углич, в торжественной обстановке выпустил Василия и его семью из темницы и заключил с ним мир на крестном целовании. Оба соперника каялись друг перед другом (Василий Васильевич брал всю вину на себя) и просили друг у друга прощения в прочувствованных словах. Не было недостатка и в слезах — суровое средневековье любило сентиментальные эффекты. Был и «пир велик» у Дмитрия Юрьевича, и «дары многи» от него Василию, его жене и детям (их теперь было трое — 13 августа в Угличе родился сын Андрей). В качестве вотчины слепому

князю была назначена Вологда — маленький городок на самой окраине Московской земли, у спорного с новгородцами рубежа. Туда и отправился с семьей вчерашний пленник.

Но недолго длилась идиллия... Физически беспомощный, слепой Василий Васильевич отнюдь не был сломлен морально. Он не переставал оставаться политиком, не забывал, что он — великий князь Московский. Средневековый человек умел каяться, умел и притворяться. Проливая слезы перед Шемякой и благодаря его за «милосердие», он был весьма далек от капитуляции перед ним. Не мира, но мести и торжества над соперником жаждал униженный князь. Понимал он и знал, что некрепки позиции его врага, что ширится движение за возвращение на великокняжеский стол законного обладателя.

Пребывание в Вологде было недолгим. Вскоре со всеми своими людьми Василий отправляется на Белоозеро, в знаменитый монастырь, основанный учеником Сергия Радонежского, Кириллом. Благочестивое желание «тамо сущую братию накормити и милостыню дати» было далеко не главным мотивом этого паломничества. «Несть бо льзя таковому государю в такой дальней пустыне заточену быти»,— сочувственно комментирует летописец.

Белоозеро стало центром притяжения союзников Василия. Со всех сторон собирались здесь его люди. От Шемяки и Ивана Можайского бежали сюда и бояре, и дети боярские, и «люди мнози». Самое же главное — белозерский игумен Трифон своей святительской властью снял с Василия Васильевича крестное целование, данное им Шемяке. Эта практиковавшаяся в средневековье церковная акция имела в глазах современников фундаментальное значение. Клятва аннулировалась высшим церковным авторитетом — Василий Васильевич теперь был свободен от всех своих обязательств и мог с чистой совестью продолжать беспощадную борьбу. С Белоозера он не вернулся в Вологду, а пошел в Тверь.

В политической системе Русской земли Тверь занимала особое место. Она ни фактически, ни формально не подчинялась Москве, сохраняя максимум возможной самостоятельности. Хоть борьба за первенство на Руси отошла для Твери в прошлое, тверские

князья ревниво и опасливо следили за успехами Москвы и традиционно видели своего ближайшего союзника в лице великого князя Литовского. Тверской Борис Александрович был, как мы видели, еще недавно союзником Шемяки. Теперь он переменил фронт. Слепой Василий казался ему гораздо менее опасным на московском столе, чем деятельный, энергичный Шемяка. Борис Тверской был теперь готов оказать помощь Василию. Вот почему он «дал ему у себя поопочину-ти» и воздал ему «честь великую» и «дары многи». Условием и гарантией союза он поставил излюбленное средневековьем средство — династический брак. Так на седьмом году жизни княжич Иван впервые стал непосредственным участником важной государственной акции — он был обручен с четырехлетней дочерью тверского великого князя [13]. Политическая жизнь Ивана Васильевича началась...

Начало пути

17 февраля 1447 г., ровно через год после своего ослепления, Василий Васильевич въехал в столицу. В феодальной войне произошел решительный перелом. Но до мира было еще далеко.

В руках Шемяки оставались многие северные города, опираясь на которые он готов был продолжать борьбу. Не дремали и враги Русской земли. В Казани произошла кровавая усобица — хан Улу-Мухаммед был убит своими сыновьями. Трон достался Мамутеку. Братья его, Касим и Якуб, вынуждены были бежать, спасая свою жизнь. Они нашли приют в Русской земле, став вассалами Василия Васильевича. Это делало нового казанского хана смертельным врагом Москвы.

В ноябре 1447 г. он послал своих князей «воевати Володимер и Муром и прочие грады» Русской земли. Навстречу им двинулись войска великого князя. Но для войны с казанцами прежде всего надо было добиться мира с Шемякой. Снова двинулся Василий Васильевич на своего соперника, который на этот раз укрепился в Галиче. Дойдя с войсками до Костромы,

Василий начал переговоры. Шемяка согласился заключить мир. В очередной раз состоялось крестное целование, были составлены «проклятые» (клятвенные) грамоты о мире. Заключив мир, Василий Васильевич пошел от Костромы через Ростов к Москве. Сообщая, что он прибыл в столицу на Фомину неделю (31 марта 1448 г.), летописец тут же отмечает: «а сын его князь Иван был в Володимере»[1].

Это первое самостоятельное упоминание о князе Иване. Восьмилетний княжич не участвует в походе с отцом на Кострому, а находится во Владимире, с войсками, посланными для отражения нашествия казанского хана. Наследник великокняжеского стола получает отнюдь не тепличное воспитание. Первая обязанность князя — ратный труд. Его с детства приучают к походам. Воеводы и воины привыкают смотреть на него как на будущего своего государя.

15 декабря 1448 г. русские епископы, собравшись в Москве, поставили на митрополию всея Руси рязанского епископа Иону[2]. Это было важное событие. Впервые митрополит был избран самими русскими, без утверждения константинопольским патриархом. Кончилась зависимость от патриарха, началась автокефалия («самоглавенство») русской церкви, теперь единственной самостоятельной православной церкви в Европе.

Недолог был мир с Шемякой. Весной 1449 г. он, «преступив крестное целование и проклятые к себе грамоты», начал военные действия. 27 января под Галичем произошло последнее крупное сражение феодальной войны. Не помогли Дмитрию Юрьевичу пушки, палившие с городских стен, не помогла крепкая позиция на горе под городом. «В сече злой» он был разбит наголову. Почти вся пешая рать полегла на месте, сам Шемяка едва ускакал с поля сражения. Город сдался на милость победителя[3]. Удельное княжество Шемяки перестало существовать.

Шемяка бежал в Новгород. Новгородские бояре приняли его с распростертыми объятьями. Они были рады продлить усобицу, ослаблявшую Москву и тем самым усиливавшую позиции новгородского боярства. 2 апреля Великий Новгород «целовал крест к великому князю Дмитрию заедино»[4] и с этого времени превратился в базу дальнейших действий Шемяки.

Не имея реальных шансов на великое княжение, Шемяка стремился как можно больше вредить своему врагу. Летом 1450 г. он захватил богатый торговый город Устюг. Сторонников великого князя Шемяка «метал в Сухону реку, вяжучи камение великое на шею им». Впрочем, один из устюжан, уже «на дне седя», ухитрился освободиться от камня, «и выплове вниз жив, и утече на Вятку»[5].

Страшное бедствие обрушилось на Русскую землю летом 1451 г. Ордынские татары во главе с «царевичем» Мазовшей снова оказались на Оке («на Берегу»). Не успели собраться русские полки — ордынцы внезапно перешли Оку у Коломны, растерялся стоявший здесь воевода князь Иван Александрович Звенигородский. Великий князь Василий поспешно выехал из столицы. Это была обычная тактика московских князей в случае неожиданного или непреодолимого татарского нашествия. Полагаясь на крепость стен Кремля, они приводили столицу в осадное положение, а сами отправлялись собирать войска. В дальнюю поездку сопровождал отца старший сын, впервые названный по этому случаю великим князем.

На рассвете в пятницу, 2 июля, Мазовша подошел к сердцу Русской земли. В Москве оставались великая княгиня Софья Витовтовна, второй сын великого князя Юрий, «множество бояр и детей боярских... и многое множество народа». Здесь же оставался и митрополит Иона, и «весь чин священнический и иноческой». Великую княгиню Марию с младшими детьми Василий успел отправить в Углич.

Поспешно уезжал из Москвы Василий Васильевич... Второпях он не сделал важнейшего распоряжения — не велел заблаговременно сжечь посады, окружавшие со всех сторон Кремль рядами деревянных дворов. Посады зажгли сами ордынцы. Прикрываясь завесой огня и дыма, они бросились на кремлевские стены.

Ветер тянул на Кремль. Скученные на узком пространстве люди начали задыхаться в жаре и дыму. От летевших с пылающего посада искр и головешек вспыхнули деревянные постройки. Густая пелена едкого дыма заволокла Кремль — «от дыма не бе лзя и прозрети».

Старые белокаменные стены, видевшие и Ольгерда, и Тохтамыша, и Едигея, и Улу-Мухаммеда, были в

плохом состоянии. Страшный пожар 1445 г. нанес им немалый урон. Кое-где они были наскоро залатаны деревом. На эти участки и устремились ордынцы. Судьба столицы, висела на волоске. Но москвичи, как и в прежние времена, не дрогнули. Они совершали вылазки, отвлекая силы татар от атакуемых участков. До темноты кипел рукопашный бой под кремлевскими стенами. Взять город с ходу Мазовше не удалось.

С наступлением темноты горожане стали готовиться к продолжению борьбы. Готовился «пристрой градный» — предмостные укрепления, готовились пушки, пищали и самострелы (видимо, и они не были своевременно развернуты на стенах), раздавались защитникам города щиты, луки и стрелы. Как и при нападении Тохтамыша в 1382 г., как в тревожные дни июля 1445 г., инициатива в организации обороны исходила от самих горожан — жителей московских посадов, оказавшихся теперь на тесных площадях и переулках Кремля. Во всяком случае, летописец не называет по имени ни одного воеводу, ни одного боярина, хотя, по его же словам, их было в осаде «множество»...

Наступило утро. Но напрасно ожидали москвичи продолжения штурма. Татарский лагерь был пуст. Посланные разведчики доложили, что ордынцы ушли, бросив медные и железные вещи и «прочего многово товару». Гроза прошла.

Чем объяснить поспешное бегство Мазовши? Летописец, разумеется, видит причину в заступничестве небесных сил. Однако он тут же замечает, что ордынцы, «яко великое воинство чающе по себе, побегоша». Вот этот страх перед «великим воинством» и был, видимо, непосредственной, материальной причиной бегства. Оказалось, что Кремль взять не так-то просто. Преимущество внезапности было утрачено, русские оправились от растерянности. Весь день шла битва за Кремль, русские показали свою силу и активность. Они могли сделать новую вылазку большими силами, с тыла могли ударить полки великого князя. Мазовша мог оказаться между двух огней, а сил для долгой борьбы у него не было.

Не знал «царевич», что великий князь уже далеко, на Волге, у устья Дубны, и что не скоро может он появиться со своими полками. Доблесть московских

горожан — вот что спасло столицу на этот раз, вопреки растерянности воевод и самого Василия Васильевича.

«Вы не унывайте... ставите храмины по своим местам, а яз рад вас жаловати и лготу дати»,— обратился Василий Васильевич к спасителям Москвы после своего возвращения из не очень почетной «эвакуации». Трудно сказать, насколько эти слова были утешением для десятков тысяч горожан, оставшихся без крова и имущества. Через шесть лет после пожара 1445 г. столица опять представляла собой пепелище. Дорогую цену платили русские люди за ошибки своих князей и воевод...[6]

Одиннадцатилетний «великий князь» Иван получил еще один предметный урок. Узнал он, что такое ордынское нашествие, даже малого масштаба, чем грозит нераспорядительность воеводы, не сумевшего отбить татар от Берега, увидел, чем оборачивается легкомысленная поспешность при отъезде главы государства из столицы, мог убедиться, каковы бывают горожане, когда они берут оружие в руки для защиты своего города.

Но как бы там ни было, в первую очередь надо было покончить с Шемякой. Он закрепился в захваченном Устюге, оттуда нападая на другие русские земли. 1 января 1452 г. Василий Васильевич последний раз выступил в поход против своего недруга. Дойдя до Ярославля, он «отпусти сына своего, великого князя Иоанна... противу князя Дмитреа», а сам двинулся к Костроме. Еще раньше к Устюгу были посланы главные силы — двор великого князя с лучшими воеводами.

Итак, двенадцатилетний Иван Васильевич отправился в свой первый самостоятельный поход. Разумеется, фактически во главе войска шли опытные воеводы. Но формальное главенство и личное участие юного великого князя стало ступенью к его политическому возмужанию.

О событиях зимнего похода подробнее всего рассказывает местная Устюжская летопись. Узнав о вступлении великокняжеских войск в Галич, Шемяка «остави Устюг и побеже к Двине». На Устюге остался его наместник Иван Кисель — очевидно, для привлечения внимания. Весть об этом дошла до великого

князя Ивана во время марша на Устюг. Немедленно были отправлены воеводы «с силою» мимо Устюга, по реке Юг, в погоню за Шемякой. Ни одного дня не стояли войска великого князя под Устюгом — хитрость Шемяки не удалась. Сам же Иван Васильевич из Галицкой земли пошел на Сухону и далее на Кокшенгу, перекрывая кратчайший путь отступления Шемяки к Новгороду.

Но догнать проворного Дмитрия Юрьевича не удалось. Он бежал налегке, по Двине спустился далеко вниз, а оттуда кружным путем добрался до гостеприимного Новгорода. Дойдя до устья Ваги и узнав о бегстве Шемяки, воеводы великого князя повернули в обратный путь — вверх по Ваге и Кокшенге. Войска соединились в Вологде.

Нелегок был зимний поход — последний поход феодальной войны, первый настоящий боевой поход великого князя Ивана. Многие сотни километров по суровому северному краю прошел он со своими войсками. День за днем, неделю за неделей шли войска по занесенным снегом лесам, по замерзшим руслам рек, по лесным дорогам через волоки — перевалы. Впервые перед ним открылись необъятные просторы Русской земли. Увидел он впервые и кровавые сцены войны. На Кокшенге, притоке Ваги, жило языческое племя кокшаров. Средневековый человек, слышавший в церкви проповеди о любви к ближнему, не знал пощады к своим врагам, а иноверцев, тем более язычников, не признавал за людей. Вот и отмечает бесстрастный летописец: великий князь Иван, «воюючи, город Кокшенский взял, а кокшаров секл множество»[7]. Ни осуждения, ни одобрения — обычный факт средневекового бытия. В суровой школе жизни феодального государя был преодолен еще один важный рубеж.

4 июня совершилось и другое важное событие: «женил князь велики сына своего, великого князя Иоанна, у великого князя Бориса Александровича Тферьского»[8]. Десятилетняя Мария Тверская превратилась в великую княгиню Московскую.

Средневековье не удивлялось ранним бракам. Решающее значение в данном случае имели династические, политические интересы. Феодальная война догорала. Москва вышла из нее победительницей, но была сильно ослаблена многолетней усобицей. Необходима

была новая система политических союзов, гарантирующих устойчивость сложившегося положения. В системе таких союзов важное место занимал договор с Тверью. Новый договор подтвердил равенство между московским великим князем и тверским: они признали друг друга «братьями». На Руси, как и повсюду в Европе, существовала дипломатическая иерархия феодальных государей, выраженная в условных терминах родства. Признание кого-либо своим «отцом» означало полное подчинение; отношения «старейшего брата» и «молодшего» предполагали власть и покровительство с одной стороны, повиновение с сохранением внутренней независимости — с другой; «братья» были полностью равноправны. «Братство» между московским и тверским великими князьями означало, таким образом, не что иное, как взаимное признание полной независимости и суверенитета. Прочный мир между Москвой и Тверью, крупнейшими феодальными центрами Русской земли, стал важным фактором политической стабильности [9].

Кроме того, Тверь и Москва заключили (по отдельности) договоры с Литвой. Король Казимир, великий князь Литовский, стал арбитром в отношениях между русскими великими князьями. Тверь ставилась под его защиту. Более того: Василий Васильевич в случае своей смерти поручал Казимиру «печаловаться» о его жене и детях. Казимир мог стать опекуном великого князя Ивана... Впрочем, эта статья договора носила двусторонний характер. Пришлось официально признать переход Смоленска в руки Литвы. Мир с королем покупался дорогой ценой. Влияние Казимира распространялось и на Рязань. Правда, великому князю Василию удалось отстоять свои права на Новгород [10].

Но главное было достигнуто — наконец-то устанавливался более или менее прочный мир. Наступала долгожданная передышка.

В июне следующего года в глубокой старости умерла великая княгиня Софья Витовтовна, многое повидавшая на своем долгом веку. А через месяц, когда великий князь Василий стоял на вечерне в Борисоглебской церкви «на Рве», примчался подьячий Василий Беда с важной вестью: «князь Дмитрий Шемяка умре напрасной смертью в Новгороде и положен в Юрьеве монастыре».

Смутные слухи ползли об этом событии. Говорили, что великий князь подослал в Новгород своего дьяка Степана Бородатого «с смертным зелием уморити князя Дмитрия». Степан привлек на свою сторону одного из бояр Шемяки и княжеского повара. Поел Дмитрий Юрьевич цыпленка, начиненного смертным ядом, и, проболев двенадцать дней, умер. Другие утверждали, что в заговоре участвовал новгородский посадник Исаак Борецкий и что повар-отравитель носил выразительное прозвище «Поганка»[11].

Средневековый человек не отличался щепетильностью. Яд повсюду в Европе был в арсенале средств политической борьбы. Когда во Франции весной 1472 г. внезапно умер герцог Гиенский, брат короля Людовика, многие считали эту смерть «странной» и подозревали короля в отравлении своего брата[12]. Более пятисот лет отравление Шемяки было только предположением. Но в 1987 г. подвергли медицинской экспертизе мумифицированные останки некоего князя, по всей вероятности — Шемяки. Экспертиза установила, что причиной смерти послужило, по-видимому, отравление мышьяком. Описание последних дней Шемяки совпадает с клинической картиной такого отравления[13].

Политическую сцену покинул самый активный деятель княжеской усобицы, самый упорный враг великого князя Василия. Внук Дмитрия Донского, он унаследовал от своего великого деда энергию и подвижность. Но узкий кругозор удельного князя делал его цели мелкими, политику беспринципной, а борьбу в конечном счете безнадежной.

Подьячий Василий Беда был пожалован в дьяки. Феодальная война окончилась.

Победа была одержана не столько великим князем Василием, сколько Москвой. Москва, Московская земля не приняли углицкого князя. Победила великокняжеская традиция, традиция Дмитрия Донского. Традиция феодальной раздробленности получила сильный удар. Однако нельзя не удивляться энергии, жизнестойкости и силе духа самого Василия Васильевича, не терявшего надежды в самых трудных обстоятельствах, слепого князя, водившего в походы свои полки, сохранявшего качества активного политика и дипломата.

Огонь войны погас, но остались тлеющие головни. Со смертью Шемяки, с заключением договоров с Тверью и Литвой великий князь Василий Васильевич стал хозяином положения. Уже в следующем году он пошел ратью на можайского Ивана Андреевича «за его неисправление». «Неисправление» у можайского князя действительно было — Василий не мог забыть страшную сцену в Троицком соборе в февральский день 1446 г., один из последних дней, которые видели его глаза. И хотя потом Иван Андреевич изменил, в свою очередь, Шемяке и заключил договор с великим князем, Василий не мог рассчитывать на верность можайского князя, а Иван Андреевич — на симпатии со стороны Василия. При приближении московских войск к Можайску он «выбрався з женою и з детми и со всеми своими побеже к Литве»[14]. «Дружба» с Василием Васильевичем не препятствовала Казимиру принимать у себя его врагов. А Можайский удел был ликвидирован.

Смоленск уже полвека находился под властью Литвы, но в нем жили русские люди, сохранявшие связь с православной Москвой. Важно было не терять эту связь, сохранить моральное единство русских людей по обе стороны литовского рубежа. И великий князь Василий, и митрополит Иона понимали это. И вот по просьбе смолян было решено «отпустить» в Смоленск привезенную в свое время на Москву чтимую икону Богородицы, бесценное сокровище для средневекового православного человека. Точная копия осталась в Москве, а сама икона во главе торжественной процессии двинулась январским днем 1456 г. в Смоленск.

«Отпуск» иконы в зарубежный Смоленск — не только церковное, но важное политическое мероприятие. Русь заявляла о своем церковном единстве. На церемонии провожания иконы 18 января собралась вся столица, «весь народ славного града Москвы». Рядом с Василием Васильевичем шли его сыновья во главе с великим князем Иваном — Юрий, Андрей, шестилетний Борис. Младший, трехлетний Андрей, был принесен на руках — «еще детеск вельми».

На следующий день, в понедельник, Василий Васильевич отправился в последний поход. Во главе своих полков слепой великий князь шел на Новгород.

Боярский город подлежал наказанию за помощь Шемяке.

Город Руса был взят на щит и, как водится, разграблен. Князь Иван Стрига и Федор Басенок «многое богатство взяша». Обычаи и правила средневековой войны были одинаковы у русских и французов, англичан и литовцев, католиков и православных. Бывало и хуже. Герцог Бургундский, например, взяв город Нель в 1472 г., перебил его жителей, а оставшихся в живых повесил — «кроме некоторых, которых кавалеристы отпустили из жалости»[15].

С опозданием подошла новгородская рать. Началось сражение. По глубокому снегу метались раненые кони новгородцев — москвичи били в них стрелами. Валились под ноги своих коней всадники в крепких, но тяжелых доспехах. Малоподвижная новгородская конница не знала тактики москвичей, заимствованной у лихих степных наездников. В плену оказался посадник Михаил Туча, многие бояре были убиты.

Новгородцы оказались разбиты. Архиепископ Евфимий, явившись к Василию Васильевичу во главе делегации посадников и тысяцких, начал «ему бити челом и молити» за свою паству. В Яжелбицах был заключен мир[16].

Значение Яжелбицкого мира 1456 г. часто преувеличивается в литературе. Многие исследователи считают, что он стал важнейшим рубежом в судьбах Новгорода. Но это, по-видимому, не так. Новгородцы в очередной раз выплатили большую контрибуцию, в очередной раз повинились перед великим князем и признали формально его власть. Были решены и некоторые частные вопросы. Однако общий стиль новгородско-московских отношений, а главное — политический строй и порядки феодальной республики остались без каких-либо заметных изменений[17].

Идя по тому же пути феодального развития, что и вся Русская земля, Господин Великий Новгород жил своей особой жизнью. Он управлялся боярской олигархией, использовавшей в своих интересах вече — народное собрание, пережиток старых, дофеодальных и раннефеодальных времен. Важнейшие должности посадников и тысяцких были привилегией немногочисленных боярских родов, постоянно соперничавших между собой. Новгородские бояре не нуждались во власти

великого князя. Они располагали несметными богатствами — далеко на север, в Заволочье, на Двину и за Двину, заходили их вотчины, в которых добывалась бесценная пушнина, основной экспортный товар Новгорода. В политической борьбе бояре опирались на свои кончанские и уличанские общины. Каждый из новгородских концов — Славенский и Плотницкий на Торговой стороне, Неревский, Людин и Загородский на Софийской — имел свое вече, своих бояр в составе «господы» — совета, управлявшего всеми делами Новгорода.

Неумолимы законы феодального развития. Все больше беднели рядовые свободные горожане, участники вечевых собраний, молодшие и черные люди. Они владели маленькими клочками земли, занимались ремеслом и мелкой торговлей. Все громче был слышен на вече голос богатеющей верхушки, бояр и примыкавших к ним житьих людей. Они крепко держали в своих руках и политику, и экономику феодальной республики. Ширился разрыв между массой свободных бедняков и горстью всевластных аристократов.

Но еще большая трещина в новгородском обществе пролегала за городскими стенами. На бескрайних просторах Новгородской земли, протянувшейся до самого Белого моря, жили в своих погостах неполноправные смерды. Они не имели голоса на вечевых собраниях, но именно они кормили огромный город, доставляли богатства феодалам, несли на своих плечах все повинности в пользу республики, от которых были освобождены свободные горожане. Новгородское боярство захватывало земли смердьих общин, превращая их в свои вотчины. Посадники и тысяцкие и послушное им вече санкционировали эти захваты.

Крупнейшую роль в политической и экономической жизни республики играл архиепископ — один из двух архиепископов Русской земли (другой был в Ростове). Как глава новгородской епархии, «дома святой Софии», он управлял огромными землями во всех частях владений республики. Богатейшие монастыри, и самый главный из них, Юрьев, где в Георгиевском соборе покоился прах мятежного Шемяки, владели тысячами крестьянских дворов.

Вся эта сложившаяся на протяжении веков политическая и экономическая организация, крепкая свои-

ми традициями, своим богатством, хотя и подтачиваемая изнутри неизбежно растущими противоречиями, противостояла власти великого князя Московского. Яжелбицкий мир по существу не изменил ничего.

Характерно, что в статьях этого «докончания» (договора) рядом с именем Василия Васильевича всюду стоит имя его старшего сына. Иван Васильевич признается великим князем наравне со своим отцом, наделяется такими же политическими прерогативами. Ему уже семнадцатый год. По средневековым понятиям, юноша в пятнадцать лет — воин. Следовательно, Иван Васильевич был уже взрослым человеком. Физическая беспомощность слепого отца подчеркивала значение сына. Вероятно, к этому времени он уже далеко не формально носил титул великого князя. Ближайший помощник отца, он, видимо, принимал реальное участие в управлении великим княжеством.

Весной 1456 г. умер рязанский великий князь Иван Федорович. Его дед, беспокойный Олег Иванович, когда-то пытался соперничать с Дмитрием Донским. Но эти времена давно прошли — уже много десятков лет Рязань признавала старшинство Москвы, хотя и сохраняла полную внутреннюю самостоятельность. Победа Василия Московского в княжеской усобице еще больше усилила тяготение Рязани к Москве. Перед смертью рязанский великий князь «приказал» (поручил) восьмилетнего сына Василия, дочь и все свое великое княжение попечительству Василия Васильевича. В столицу Рязанской земли и на «прочаа грады» ее явились московские наместники. Фактическое, хотя и временное, подчинение Рязани — новый успех Москвы, новый плод победы в феодальной войне.

После победы над Шемякой и бегства Ивана Можайского в Московской земле оставалось только два удела — двоюродный брат великого князя Михаил Андреевич владел Вереей и Белоозером, шурин Василий Ярославич — старым Серпуховским уделом, восходившим еще ко временам сыновей Ивана Калиты. И тот, и другой активно участвовали в феодальной войне на стороне Василия Васильевича, особую помощь и поддержку в трагическом 1446 г. ему оказал серпуховский князь.

Но в 1456 г. «месяца иуля в 10 день поимал князь великы князя Василия Ярославича на Москве и по-

слал его в заточение на Углеч...»[18]. Это лапидарное известие московский летописец оставляет без малейшего комментария. Что случилось в июле 1456 г.? Почему самый верный союзник великого князя оказался вдруг в заточении в зловещем Угличе, а его сын вынужден был бежать в Литву? Прямого ответа на эти вопросы у исследователя нет. Можно только строить предположения.

Можно перенести вопрос в морально-психологическую плоскость. Неблагодарный Василий Васильевич, ожесточенный несчастьями, ждал только случая, чтобы расправиться со своим другом, как только перестал в нем нуждаться. Серпуховский князь, обладавший, по-видимому, сильным, независимым характером, не хотел подчиняться возросшей власти своего зятя, во многом ему обязанного. Отсюда — неизбежность столкновения с трагической развязкой.

Несомненно, личные качества людей играют большую роль в историческом процессе. Но несомненно и другое — реальную, глубинную основу действий людей составляют определенные объективные причины. Василий Московский и Василий Серпуховской были не только людьми со свойственными им чертами характера, людьми, находившимися в определенных личных отношениях между собой. Они были политическими деятелями, представлявшими разные тенденции развития Русской земли. И коренное различие между ними заключалось именно в этом. Василий Ярославич мог быть верным и храбрым союзником Василия Московского, когда тот изнемогал в борьбе с врагами. Но, поддерживая слепого углицкого узника, помогая ему выйти на свободу и вернуться на московский стол, серпуховский князь едва ли мог искренне и последовательно желать дальнейшего усиления великокняжеской власти. Эта власть в конечном счете представляла смертельную угрозу уделам. На московском столе оказался не раздавленный своим несчастьем, пассивный и робкий слепец, всецело зависящий от союзников, а динамичный, волевой, властный политик и воин, многому научившийся в своих бедах. Такого великого князя вряд ли стал бы поддерживать его шурин. Не столкновение характеров, а столкновение политических позиций и интересов — вот коренная причина трагедии, разыгравшейся в июле 1456 г.

и стоившей свободы Василию Ярославичу (пробыв в заключении двадцать семь лет, он в 1483 г. умер в Вологде).

«Ужасный век, ужасные сердца» — можно повторить за поэтом. Ни в Англии, ни во Франции, ни на Руси в феодальной борьбе не было излишней сентиментальности. Короли, князья и герцоги, оспаривавшие друг у друга власть, могли быть умными и ограниченными, храбрыми или трусливыми. Но все они были беспощадны к своим противникам, подлинным и подозреваемым. Ни родство, ни прежние заслуги не играли роли. Средневековый человек был жестким прагматиком и жил в мире, весьма далеком от идиллии.

Так или иначе, Серпуховский удел был ликвидирован. Теперь почти вся Московская земля собралась под властью великого князя. По размерам своих владений, по своей политической мощи он превзошел Дмитрия Донского, которому всю жизнь приходилось считаться со своим двоюродным братом, дедом Василия Ярославича.

15 февраля 1458 г., в среду на первой неделе великого поста, ранним утром («егда начаша часы пети» — служить раннюю великопостную службу) «родися великому князю Ивану сын и наречен бысть Иван»[19]. Летописец недаром так подробно описал это важное событие в жизни великокняжеской семьи. Династические права Ивана Васильевича были теперь обеспечены прочно.

Когда в следующем году татары орды Сеид-Ахмата, «похвалився, на Русь пошли», Ивану Васильевичу впервые довелось руководить «многими силами» на важнейшем для всей Русской земли южном направлении. Ордынцы были отбиты от берега Оки «и побегоша».

Никаких подробностей мы не знаем, но, по-видимому, в 1459 г. на Оке произошло действительно важное событие. Ведь совсем еще недавно ордынские отряды, молниеносно перейдя реку, рассыпались по Русской земле, убивали, грабили, жгли, уводили в полон. Никто не мог чувствовать себя в безопасности. Теперь, впервые за всю долгую и горестную историю ордынских ратей, врагу не удалось форсировать водный рубеж Оки и вторгнуться, хотя бы ненадолго, в русские

земли. Было чему радоваться. Недаром митрополит Иона построил в честь этого события каменную церковь Похвалы Богородице — придел к Успенскому собору[20]. Первый самостоятельный поход молодого великого князя увенчался победой.

Яжелбицкий мир не решал коренных вопросов московско-новгородских отношений. Признав формально власть великого князя, новгородское боярство и не думало менять свою политику. Правда, новгородцы выгнали зятя Шемяки князя Александра Чарторижского, но только за то, что тот якобы изменил им («перевет ли не вем держал еси к низовцем»). Господа продолжала поддерживать дружеские отношения с Литвой. Новгородцы просили у короля Казимира князей на свои пригороды, принимали «с честью» у себя королевича. Напряжение в отношениях с Москвой нарастало. Вот почему в январе 1460 г. великий князь Василий Васильевич с сыновьями Юрием и Андреем Большим отправился в Новгород для личных переговоров с местными властями.

Это был один из самых смелых поступков в его жизни. Василий Васильевич клал голову в пасть льва. На вече произошла бурная манифестация против великого князя, составился заговор с целью убийства его и его сыновей. Новгородские «шильники», как их назвал один из летописцев (на языке нашего века — шпана), напали на воеводу Федора Басенка, когда он возвращался с пира у посадника, и убили его слугу. Это было сигналом: новгородцы «возмятошася и придоша всем Новым Городом на великого князя» к его резиденции Городищу. Минута была критическая.

Однако новый архиепископ, политичный Иона, нашел веский аргумент для успокоения экстремистов: «О безумнии людие! Аще вы великого князя убиете, что вы приобрящете? Сын бо его большей, князь Иван, и послышит ваше злотворение... и часа того рать испросивши у царя, и поидет на вы, и вывоюет землю вашу всю»[21]. Архиепископ рассчитал верно: новгородцы больше всего боялись татарской рати, с которой они никогда не сталкивались. Великий князь Иван действительно оставался в Москве. В отсутствие отца он, видимо, руководил всеми делами и мог быстро подойти с ратью для наказания новгородцев. В январе 1460 г. Иван сыграл крупную роль именно благо-

даря своему отсутствию в разбушевавшемся вечевом городе. Ошибался (может быть, умышленно) Иона только в одном — никаких сношений с «царем» (ханом) в это время не было, да и позднее никогда в жизни Иван Васильевич не обращался за помощью к Орде.

Угроза подействовала. Возбуждение улеглось. Но не только страх перед расправой сыграл свою роль. Далеко не все новгородцы были настроены враждебно по отношению к Москве. «Молодшие люди», низы новгородского общества, не очень стремились к разрыву с великим князем. В походе 1456 г., например, их участвовало «не много», что подчеркнул новгородский летописец. В Новгороде, как и повсюду на Руси, росло сознание общности русского народа, его единства в противоположность феодальной раздробленности, от которой устала Русская земля.

Зимние переговоры с господой закончились мирно, но к существенным результатам, по-видимому, не привели. Гораздо большее значение имело другое событие. Из Новгорода Василий Васильевич отправил во Псков сына Юрия, «понеже бо обидяху их немцы».

Пограничный Псков занимал особое положение. Его политический строй был однотипен с новгородским — формально Псков считался «младшим братом» Новгорода, а когда-то был его «пригородом». Но фактически уже давно между обеими боярскими республиками не было по-настоящему дружеских отношений. Не раз приходилось псковичам в одиночку отбиваться от воинственных немецких рыцарей Ливонского ордена и от полков литовских великих князей. Приходилось воевать и с самим «старшим братом». В этих условиях псковская господа вынуждена была лавировать. Когда-то Псков освободили от немцев полки Александра Невского, и в трудные времена псковичи обращались за помощью к великому князю. Однако они не хотели окончательно рвать с Новгородом, а во времена княжеских усобиц вынуждены были принимать у себя и литовских князей. Вот и сейчас князем во Пскове был Александр Васильевич Чарторижский, изгнанный из Новгорода после Яжелбицкого мира.

Василий Васильевич готов был признать его псковским князем, если он примет вассальную присягу. Категорический отказ Чарторижского заставил псковичей

сделать окончательный выбор в пользу Москвы. Чарторижский уехал из города, а псковичи «с великою честью» приняли юного Юрия Васильевича. Как представитель своего отца, он был посажен на стол в Троицком соборе и получил в руку меч Довмонта — псковскую святыню, память о храбром князе, защищавшем Псков от Литвы и немцев в последние десятилетия XIII в. Узнав о прибытии во Псков великокняжеских войск, орденские немцы поспешно заключили мир [22]. Отныне Псков, сохранив все внутреннее устройство, неразрывно связал свою судьбу с великим князем и принимал из его рук князей-наместников. Именно это событие следует считать переломным в истории Пскова. Именно в это время — в 1460 г.— он фактически вошел в состав нового государства с центром в Москве.

В августе Ахмат, новый хан Большой Орды, напал на Рязань. Помня прошлогоднее поражение на Оке, ордынцы не стали на этот раз рваться на московское направление, а решили ударить по пограничной области на правом берегу реки.

Три недели стоял Ахмат под Переяславлем Рязанским, «на всяк день приступая к граду». Но стойко держались рязанцы, обороняли свои стены, делали вылазки. Пришлось Ахмату пойти «прочь с великим срамом». Просчитался хан, последовав совету мирзы Казат-улана,— тот уверял, что сильного сопротивления не будет [23]. Это была первая встреча Ахмата с Русью.

Прошел год. Умер митрополит Иона. На смену ему русские епископы избрали Феодосия, архиепископа Ростовского. Умер в Твери великий князь Борис Александрович, тесть великого князя Ивана, оставив на великом княжении малолетнего Михаила, сына от второго брака. Великий князь Василий собирал войска у Владимира, готовясь идти на Казань, но пришли казанские послы, и был заключен мир. Ездили в Новгород послы великого князя и вели бесплодные переговоры с господой. Василий Васильевич гневался, грозил войной...

Наступил март 1462 г., тревожный месяц перехода от зимы к весне. Вскрылось, что «многие дети боярские» двора заточенного в Угличе князя Василия Ярославича составили заговор, чтобы освободить своего князя и бежать с ним в Литву. Но речь шла не только об освобождении узника. Его сын Иван заключил

в Литве договор с другим беглецом, Иваном Андреевичем, бывшим князем Можайским. Великокняжеский стол должен был получить Иван Андреевич; к Василию Ярославичу отходили Бежецкий Верх, Звенигород и Суходол; сыну его Ивану создавался самостоятельный удел — Дмитров и Суздаль. Договорились князья-эмигранты и о разделе великокняжеской казны, волостей, сел; предусмотрели и раздел пленников («нятцев»), которых думали захватить во время похода; выработали гарантии неприкосновенности уделов в дальнейшем... Феодальная война готова была вспыхнуть снова.

Копия («список») с этого договора, хранящаяся ныне в Публичной библиотеке в Ленинграде, попала в руки московских властей[24]. Не холодный гнев, а дикая ярость овладела Василием Васильевичем. Москва содрогнулась от казней. Заговорщиков били кнутом, отсекали руки и ноги; привязав к конским хвостам, волокли по городским улицам и торговым площадям, а затем отрубали головы... «Николи же таковая не слышаша, ниже видеша в русских князей бываемо»,— горестно замечает неофициальный летописец[25]. Только через сотню лет, при Иване IV, увидели москвичи подобные сцены, правда, в сильно увеличенном масштабе.

Кровавой зарей догорал бурный век великого князя Василия Васильевича. В те же мартовские дни он заболел, по его мнению, «сухотной болезнью». Велел прикладывать к телу зажженный трут. Но испытанное средство не помогло. Начали гноиться раны... Приближался конец. Захотел перед смертью постричься в чернецы, как было в обычае у князей. Но почему-то «не даша ему воли» — пришлось умирать мирянином, а не иноком. Красивым, четким почерком писал предсмертную духовную великого князя дьяк Василий Беда. Поздним вечером в субботу, 27 марта, Василия Васильевича не стало[26].

Храбрый в бою, неистощимо энергичный, опрометчивый и мстительный, доверчивый и коварный, Василий Васильевич (в позднейшей литературе получивший стойкое прозвище «Темный», не известное его современникам) внес свой вклад в историю Русской земли. Победа в феодальной войне, укрепившая первенство Москвы,— главное дело его жизни.

Как же распорядился он плодами своей победы?

Духовная грамота главы феодального княжества — важнейший политический документ. Это одновременно и итог, и программа. Перед нами — духовная великого князя Василия Васильевича [27]. Первая статья ее вполне традиционна. Она устанавливает порядки в великокняжеской семье. «Приказываю свои дети своей княгине. А вы, мои дети, живите заодин, а матери своей слушайте во всем, в мое место, своего отца». Характерная черта средневековья — тесное переплетение общественного и личного, политической власти и семейной традиции — отразилась в духовной Василия Васильевича так же полно, как и в завещаниях его предков.

Далее следует важнейшая статья всей духовной: «А сына своего старейшего, Ивана, благословляю своею отчиною, великим княжением».

Впервые великий князь так однозначно и безоговорочно распорядился великокняжеским столом. Со времен Батыя решающее слово в вопросе о назначении великого князя принадлежало ханской власти. Борьба соперников — московских, тверских, суздальских князей — за заветный ярлык на великое княжение наполняла весь тревожный XIV век, сопровождалась поездками в Орду, унизительным выклянчиванием милостей хана, заискиванием перед его советниками (с подношением щедрых подарков), картинами кровавых расправ и вероломства. Распоряжение великокняжеским столом, верховный арбитраж в спорах между русскими князьями — именно это, а не получение дани было самым главным, самым тяжелым признаком векового владычества ордынских ханов над Русской землей. Дмитрий Донской, крупнейший полководец и политик XIV в., был первым, рискнувшим благословить своего сына великим княжением. Однако формула о великом княжении, вставленная в середину текста духовной Донского, теряется среди других ее постановлений — составитель ее, несмотря на блестящие успехи своей внутренней и внешней политики, учитывал реальную обстановку и сознавал себя прежде всего московским князем, а не великим князем Владимирским [28]. И действительно: хотя через три месяца после смерти Донского, 15 августа 1389 г., князь Василий Дмитриевич «седе на великом княженье в Володимери... на столе

Вокняжение Ивана III (*Лицевой свод*).

отца своего и деда и прадеда», но, как отметил московский летописец, он «посажен бысть царевым послом Шихоматом», полномочным представителем хана Тохтамыша [29]. И после Куликовской битвы продолжали действовать основные нормы русско-ордынских отношений, сохранялся политический сюзеренитет ордынских ханов над Русью. И если после тридцати семи лет своего великого княжения Василий Васильевич безоговорочно распорядился великокняжеским столом, ни словом не упомянув про «царя», то это — важнейший показатель роста политического самосознания Русской земли и ослабления ее зависимости от хана.

Называя великое княжение своей «отчиной», Василий Васильевич (как и его отец и дед) имел в виду, разумеется, не частно-правовой, хозяйственный смысл слова «отчина», «вотчина» (наследственная земельная собственность). Термин «отчина» в княжеской документации XV в. имел иное, чем в грамотах светских вотчинников — крупных и мелких землевладельцев, значение. Слово «отчина» одного корня со словом «отечество» и означает в широком смысле все то, что передается от отца, от предков,— в данном случае политическую, государственную власть над всем великим княжеством Владимирским, формально объединявшим большую часть Русской земли. Повсюду в Европе «отчинный», наследственный, так называемый «патримониальный» характер политической власти — одна из основных черт государственного устройства феодальной средневековой монархии.

Итак, великий князь Иван получил по духовной отца формальные суверенные права на великое княжение. Какие же земли достались новому великому князю?

Это, во-первых, «треть в Москве, и с путьми» — жребий Василия Васильевича, полученный от отца, с Добрятинским селом с бортью, «и Васильцевым стом, и численными людьми, и ордынцы». Этот текст духовной переносит в давно прошедшие времена Ивана Калиты, родоначальника московских князей и московской политической традиции. Мудрый и дальновидный Иван Данилович наделил каждого из своих трех сыновей городами в тогда еще небольшом Московском княжестве (Семена Гордого — Можайском и Коломной, Ивана Красного — Звенигородом, Андрея — Серпуховом),

по столицу княжества поставил под их совместную политическую власть. Средневековое общественное сознание высоко ценило традицию. После Калиты все его потомки в своих духовных исходили из «третного» деления Москвы: каждый князь Московского дома, имея свой удел, был в то же время непременным владельцем своей доли в политической власти над столицей и в доходах с ее населения. Совместное управление Москвой — материальное воплощение политического единства Калитичей, сплачивавшего их против всех других русских князей — тверских и рязанских, суздальских и ростовских.

Иван Васильевич получает также двенадцать городов — все «с волостями, и с путьми, и с селы, и со всеми пошлинами», т. е. со всеми землями и идущими с них государственными доходами. Это Коломна, Владимир, Переяславль, Кострома, Галич, Устюг, Суздаль, Нижний Новгород (с Муромом, Юрьевцем и Великой Солью), Боровск, Калуга, Алексин, а также Вятская земля (хотя власть над ней была скорее номинальной).

Иван Васильевич получил под свою реальную власть больше земель, чем кто-либо из его предшественников.

Но и его братья стали сильными удельными князьями. Юрий получил четыре города (Дмитров с придачей четырех переяславских волостей, Можайск, Серпухов, Хотунь) и двадцать семь сел в пяти уездах (Москве, Коломне, Юрьеве, Костроме, Вологде). Андрей Большой — три города (Углич, Бежецкий Верх и Звенигород) и несколько сел. Борис — три города (Ржев, Волок и Рузу) и более двадцати сел в шести уездах (Москве, Коломне, Владимире, Вологде, Костроме, Переяславле). Андрею Меньшому достались Вологда с Заозерьем и ряд отдельных волостей и сел.

Все младшие сыновья вместе получили в общей сложности 11 городов с уездами. Эти уделы, расположенные в густонаселенных районах в непосредственной близости от Москвы и на важнейших стратегических направлениях представляли в совокупности серьезную политическую и материальную силу, с которой новый великий князь не мог не считаться. Каждый из князей не только в своих городах, но и в отдельных волостях и селах выступает не как феодальный вотчинник с более или менее широкими владельчески-

ми правами, но как полновластный независимый владелец с неограниченным правом суда и управления: «А которым есмь детям своим села подавал во чьем уделе ни буди, ино того и суд над теми селы, кому дано».

Каждый из сыновей получил долю в самой Москве и стал соучастником политической власти в столице. Арбитром в спорах между сыновьями традиционно остается мать, великая княгиня-вдова, которая кроме многочисленных сел получает в суверенное (но только пожизненное) владение половину Ростова (после ее смерти эта половина должна перейти к Юрию). Другая половина Ростова остается за местными князьями, потомками Константина, старшего сына Всеволода Большое Гнездо.

Двадцать пять лет кровавой усобицы привели к ликвидации почти всех московских уделов — уцелело только Верейско-Белозерское княжество Михаила Андреевича. Казалось бы, вся Московская земля будет отныне подчиняться непосредственно великому князю — победителю в феодальной войне. Однако этого отнюдь не произошло. Старая политическая традиция вовсе не была преодолена.

Энергичный борец с удельными князьями, Василий Васильевич рубил сучья, не трогая корней. В своем представлении о сущности великокняжеской власти он не поднимался выше уровня традиционного мышления. Русская земля в его глазах, как и прежде, была совокупностью княжеств. Собрав Московскую землю в своих руках, он снова разделил ее между сыновьями. Вместо старых уделов возникли новые — и только. Московская удельная система возродилась, как Феникс, из пепла феодальной войны.

Кроме московской удельной системы существовали свои системы уделов в независимой от Москвы Тверской земле и в полунезависимой Рязанской. Сохранялись остатки старой системы уделов, возникшей при сыновьях и внуках Всеволода Большое Гнездо. Русская земля по-прежнему представляла собой пеструю мозаику княжеств и городов, связанных сложной системой договоров и феодальной традицией.

На московском столе

Воскресенье, 28 марта 1462 г. Первый день самостоятельного великокняжения Ивана Васильевича.

Несмотря на относительный мир, время нельзя назвать спокойным.

В Большой Орде к власти пришел энергичный, честолюбивый Ахмат, мечтающий возродить былой блеск державы Чингизидов, грезящий о походах в Среднюю Азию и на Русь, в Крым и на Северный Кавказ. Над восточным рубежом нависает новое Казанское ханство, держава сыновей Улу-Мухаммеда. Обостряется конфликт с Великим Новгородом — январское посольство боярина Федора Андреевича Челяднина не привело ни к чему. Новгородские бояре назвали требования великого князя Василия «злоумышлением». Переговоры сорвались. Архиепископ Иона не захотел поехать в Москву для смягчения ситуации.

Неспокойно в Пскове. Еще недавно псковичи с радостью приняли первого великокняжеского наместника, князя Ивана Васильевича Стригу Оболенского. Опытный воин, он много помог псковичам в обороне от орденских немцев. Не раз вспоминали его потом псковичи, не раз просили снова к себе на наместничество. Но второй наместник, ростовский князь Владимир Андреевич, не сошелся с псковичами. На вече произошла бурная сцена. Наместника «спихнули» со степени. Оскорбленный князь поехал жаловаться в Москву. Назначавший его Василий Васильевич не успел разобраться в этом серьезном конфликте. Решать сложный вопрос приходилось его преемнику.

Неспокойно и в самой Москве. Новый митрополит Феодосий, жесткий, суровый аскет, не был похож на своего предшественника — умного, дипломатичного Иону. Руководствуясь требованиями церковной дисциплины, он вздумал приструнить московских посадских священников. Каждую неделю он собирал их у себя, читал им наставления, а нарушителей церковных правил «мучаше без милости, и священьство снимая с них и продаваше их». Митрополита возмущало, что «церквей много наставлено, а попы не хотеше делати руделиа, но всякой в попы [хочет поступить]...»[1]. Рос столичный посад с его торгово-ремесленным населением. Росло количество церквей, возникала нужда в свя-

щеннослужителях, а они не всегда отвечали строгим каноническим требованиям. С канонической точки зрения митрополит был прав. Но он не понимал другого — за спиной попов стояли их прихожане, посадские люди столицы, основная масса населения Москвы. Церкви стояли без попов, отрешенных от службы. Посад роптал...

Во всей этой сложной обстановке необходимо было разобраться, выделить главное, первоочередное, наметить линию поведения с учетом реальных возможностей.

Зловещий Ахмат был пока не опасен. Ему нужно было время, чтобы окончательно укрепиться у власти. К большому походу на Русь он был еще не готов, а мелкие ордынские набеги русские теперь умели отражать — уже был опыт похода 1459 г., опыт отражения Ахмата от стен Рязани в 1460 г.

Впервые за 220 лет, со времен прихода Батыя, не поспешил русский великий князь в Орду за ярлыком. Ничего не слышно и о приезде ордынских послов «сажать» его на великокняжеский стол. Привычного изъявления покорности Ахмат не дождался. В отношениях Руси с Ордой начался принципиально новый этап.

Подрос воспитанный в Москве Василий Иванович Рязанский и был отпущен в свою столицу. Опека над ним кончилась, но московское влияние осталось. В январе 1464 г. он снова приехал в Москву, чтобы жениться на сестре нового великого князя, Анне, и вернуться с ней в свой стольный Переяславль Рязанский. Вольно или невольно, сознательно или бессознательно Анна Васильевна стала проводником московского влияния в Рязанском княжестве. Она часто приезжала и подолгу живала в Москве, здесь и родился ее сын Иван, будущий великий князь Рязанский. Об отношениях с Рязанью Иван Васильевич мог не беспокоиться.

А другие, мелкие княжества, осколки старых удельных систем? Их князья давно потеряли подлинную политическую самостоятельность. Многие из них уже служили Москве, но еще сохраняли суверенные права в своих мельчающих уделах.

Еще покойному Василию Васильевичу «печаловался» дьяк Алексей Полуектов о Ярославском княжестве

и его князьях, «чтобы отчина та за ними не была». Старый великий князь не решался или не успел последовать совету своего дьяка. Теперь дни Ярославского княжества были сочтены. Тщетно последний ярославский «великий» князь Александр Федорович пытался поднять авторитет своего княжества, используя открытие мощей первых ярославских князей. Они были причислены к лику святых, но Ярославское княжество исчезло. Ярославские князья «простились со своими отчинами навек, подавали их великому князю Ивану Васильевичу. А князь великий против их отчины подавал им волости и села». Владетельные князья превратились в обыкновенных светских вотчинников Московской земли. В Ярославль прибыл великокняжеский наместник князь Иван Васильевич Стрига Оболенский. «У кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял, да отписал на великого князя. А кто будет сам добр, боярин или сын боярский, ин его самого записал»[2]. Князь Иван Стрига произвел полный пересмотр всей структуры феодального землевладения Ярославской земли. Бояре и дети боярские прежних ярославских князей превратились в служилых людей великого князя. И хоть кое-где еще остались родовые гнезда княжат, Ярославская земля была теперь прочно и окончательно присоединена к Москве.

Но не только феодалами интересовался московский наместник, действуя, очевидно, по инструкции великого князя. Его внимание привлекали и крестьяне. Из грамоты Троицкого монастыря выясняется, что князь Иван Стрига и его «люди» (представители наместничьего аппарата управления) практиковали перезыв крестьян из феодальных вотчин на «земли великого князя», т. е. на черные государственные земли[3]. Переход на черные земли давал крестьянам свободу от власти вотчинной администрации, от выплаты ренты в пользу землевладельца. Хотя на черных землях крестьяне несли все повинности в пользу феодального государства и выплачивали налоги, а в вотчине пользовались в этом отношении льготами, в XV в., как правило, они стремились жить именно на черных землях, отстаивая свою относительную свободу.

Не удивительно, что Ярославское княжество, а через несколько лет и Ростовское кончили свое существование мирно и сравнительно безболезненно. Время

их независимости прошло, возможности самостоятельного политического бытия были полностью исчерпаны. Ни большая часть феодалов, ни — что еще более важно — основное население княжеств, крестьяне, не имели резонов отстаивать особность отживших уделов.

В отличие от того, что было раньше, в конце XIV — первой половине XV в., когда удел просто переходил от одного князя к другому, не меняя своей структуры, теперь прежде всего менялась именно структура феодального землевладения, организация господствующего класса. Политика Ивана Васильевича по отношению к мелким уделам существенно отличалась от политики его отца и деда... Удельные княжества не просто меняют своих повелителей. Они исчезают, вливаясь в состав нового государства.

Конфликт с псковичами по поводу оскорбления князя Владимира Андреевича удалось решить безболезненно. Иван Васильевич принял псковское челобитье и «отчину свою жаловал Пскова добровольных людей по старине», сформулировав принцип: «которого князя хощете, и яз вам того дам»[4]. Псковичи захотели князя Ивана Александровича Звенигородского. Как наместник он оказался на высоте и заслужил хорошее отношение Господина Пскова. В поддержке псковичей Иван Васильевич мог теперь не сомневаться.

Однако конфликт с Новгородом продолжал разгораться. Когда в марте 1463 г. орденские немцы в очередной раз напали на псковские земли, Господин Великий Новгород не только ничем не помог «младшему брату», но и занял откровенно враждебную позицию. Только московским войскам, присланным во Псков во главе с князем Федором Юрьевичем Шуйским, удалось отбить нападение ливонцев и принудить их к миру[5]. Новгородцы в этом походе не участвовали. Более того, они тогда же отправили посла к королю Казимиру «о княжи возмущении еже на Великий на Новгород Ивана Васильевича». Обратились они и к бежавшим в Литву русским князьям — Ивану Можайскому и Ивану Шемячичу, призывая их «поборот по Великий Новгород от князя великого». И оба князя «имашася побороть, како Бог изволи». Новгородское боярство открыто призывало врагов Русской земли к выступлению[6]. Псковичи в ответ на враждебные действия новгородцев отняли «земли и воды» новгород-

ского архиепископа, считавшегося церковным главой Пскова, и обратились к великому князю с просьбой о создании самостоятельной псковской епархии.

Но Иван Васильевич не поддержал требования псковичей — эти требования вели к разрыву с Новгородом. Конфликт по поводу владычных земель удалось уладить. Гибкая московская политика принесла свои плоды — зимой 1463/64 г. отношения между Новгородом и Москвой заметно улучшились. На Северо-Западе удалось сохранить мир.

В переговорах зимой 1463/64 г. с Новгородом и Псковом Иван Васильевич впервые выступает в качестве главы всей Русской земли. И Новгород, и Псков — его «отчина». В спорах между ними он играет роль властного арбитра, слово которого — закон. В летописном изложении впервые, хоть и не очень явственно, формулируется основа политической доктрины складывающегося единого Русского государства [7].

Решился и вопрос с митрополитом. «И вступиша людие, многи бо церкви без попов, и начаша его проклинати». И в 1464 г., «сентября 13, Федосей митрополит остави митрополью, сниде в монастырь». Это был беспрецедентный случай в истории русской митрополии. Такое смирение сильного и активного митрополита можно объяснить прежде всего тем, что он не получил поддержки великого князя,— в конфликте с посадскими попами великий князь оказался не на его стороне. Собрался церковный собор, на котором впервые упоминаются «протопопи и прочие священици» — представители белого духовенства, близкого к широким слоям городского населения. Митрополитом был избран суздальский епископ Филипп. 13 ноября он был официально «поставлен» в свой сан [8].

Главные события назревали на восточных рубежах Русской земли. Мир с Казанью, заключенный Василием Васильевичем в 1461 г., оказался непрочным. Уже в следующем году начинаются порубежные конфликты, приобретающие все больший размах. Прочный мир с Казанью мог бы быть достигнут, если бы на ханском престоле оказался дружественный царевич Касым, старший сын Улу-Мухаммеда. В Казани были сторонники Касыма — они-то, по словам летописи, и пригласили его на царство. В 1467 г. Касым вместе с русскими попытался вступить в Казань. Но поход

был неудачен. Хан Ибрагим (Обреим русских летописей) не дал Касыму и его русским союзникам переправиться через Волгу.

Русским и татарам пришлось отступать в трудных условиях: «Истомен же бе путь им, понеже бо осень студена бе и дождеве, а корму начат не оставати». Кони мерли от бескормицы, благочестивым христианам пришлось в постные дни питаться кониной, с содроганием отмечает летописец[9].

Началась большая война, длившаяся около двух лет («первая Казань»). Два года упорная борьба шла с переменным успехом.

К походу 1469 г. русские готовились особенно тщательно. В апреле начался сбор войск к Нижнему Новгороду. Это была судовая рать — пехота, посаженная в большие гребные суда — насады. Под начальством воеводы Константина Александровича Беззубцева собиралось ополчение из Коломны, Мурома, Владимира, Суздаля, Дмитрова, Можайска, Углича, Ярославля, Ростова, Костромы. Из Москвы шел полк горожан во главе с князем Петром Васильевичем Оболенским, сыном победителя Шемяки под Галичем. Все эти силы, двигаясь по рекам, должны были сосредоточиться у Нижнего в точно назначенный срок — в начале мая.

Другая рать собиралась у Устюга. Сюда были посланы сильный отряд из двора великого князя и вологжане князя Андрея Меньшого. Соединившись с местным Устюжским полком, эта рать двинулась на судах к Вятке.

Летописец впервые так детально описывает сбор войск, перечисляет полки, их маршруты, называет имена воевод. Чувствуется влияние официального документа — первой известной нам разрядной записи, дошедшей в пересказе летописца. Военное ведомство Русского государства впервые оставило документальный след своей деятельности[10].

Летний поход 1469 г. изобиловал красочными эпизодами. Директива великого князя предписывала воеводе Беззубцеву отправить часть сил — добровольцев, «охочих людей» — для набега на Казань, а самому с главными силами оставаться в Нижнем. Но воевода потерял управление войсками. Идти под Казань вызвались чуть ли не все. Там, в Казани, годами томились русские пленники, которым угрожала продажа

на рынках Востока. Стремление освободить своих соотечественников, а может быть родных и друзей, вызывало единодушный порыв воинов как можно скорее двинуться к столице хана.

Подойдя к Казани на рассвете 21 мая, воевода Иван Руно, выбранный «охочими людьми», внезапным ударом захватил посад и освободил множество пленников. Но вместо того, чтобы быстро отойти, он ввязался в бои с главными силами хана. Замысел похода был нарушен. Для взятия Казани у русских не хватило сил. Пришлось с боями отходить назад.

Северная рать тем временем шла по Вятке и Каме, не имея связи с войсками Беззубцева. Она подошла к Казани, когда волжские отряды уже отступили. Казанцы перегородили своими судами выход из Камы в Волгу. Началась жестокая сеча. Князь Василий Ухтомский, размахивая ослопом, перескакивал с судна на судно. В тяжелом бою, понеся крупные потери, русские пробились к Волге и ушли к Нижнему Новгороду [11]. Поход фактически закончился неудачей.

Но в августе последовал новый. На этот раз вместе с судовой ратью шла по берегу конница князя Юрия Васильевича, брата великого князя. Казань была обложена со всех сторон. Хан вынужден был просить мира. 1 сентября был заключен договор, согласно которому получили свободу все русские пленники, находившиеся в Казани [12]. В мирном договоре, текст которого не сохранился, содержались, несомненно, и другие условия. Над Казанью была одержана большая победа — первая крупная победа Руси со времен Дмитрия Донского, первая победа над страной Джучиева улуса. На какое-то время восточная граница Русской земли была в относительной безопасности.

Война с Казанью — первое военное предприятие нового великого князя. Впервые проявились черты новой военной организации Русского государства, первые черты характерного стратегического почерка Ивана Васильевича.

Прошли времена, когда воины шли в поход одной колонной во главе с князем, который лично вел войска, сражаясь в первых рядах. Тактическое руководство на поле боя теперь перешло к воеводам. На долю великого князя выпадало политическое и стратегическое руководство на театре войны. План кампании

Освобождение русских пленников в Казани (*Лицевой свод*).

теперь продумывается заранее, назначаются воеводы, проводится мобилизация, назначаются места сбора войск, определяются маршруты движения. Находясь в Москве или во Владимире, за многие сотни верст от полей сражений, великий князь управляет воеводами с помощью директив, указывая общие цели и задачи похода. Он получает донесения воевод и шлет им новые директивы, предоставляя самостоятельность в решении частных вопросов. Вся эта работа по руководству ратями на огромном театре войны не под силу одному человеку. Складывается военное ведомство, зародыш будущего Разрядного приказа.

Настойчиво, преодолевая неудачи и трудности, ведет великий князь линию своего стратегического руководства. Его цель — не частные успехи, а полное поражение противника. Война кончается, когда враг побежден, когда он принимает предложенные ему условия. Для стратегии Ивана Васильевича характерно стремление действовать на разных направлениях, на широком фронте с конечной целью выхода к главному политическому центру противника. С таким размахом военных действий, с такой постановкой задач, с таким упорством в их достижении мы встречаемся в русской военной истории впервые.

В русско-казанских отношениях произошел коренной перелом. От пассивой обороны Русь перешла к стратегическому наступлению. Общая обстановка в Восточной Европе начала меняться.

В конце апреля 1467 г., находясь в Коломне, одной из важнейших приграничных крепостей, Иван Васильевич получил печальное известие: 22 апреля около полуночи «преставися благоверная и христолюбивая, добрая и смиренная великая княгиня Марья, дщи великого князя Тверского Бориса Александровича»[13].

Великой княгине было 25 лет. По Москве ходили слухи об ее отравлении. Великий князь, видимо, отчасти верил этим слухам. Он наложил опалу на дьяка Алексея Полуектова: его жена Наталья подозревалась в связях с бабой-ворожеей, колдуньей, отравившей пояс молодой княгини[14]. При дворах сильных мира сего и пятьсот лет назад процветали зависть, интриги и недоброжелательство...

В разгар подготовки к новому, решительному походу на Казань великий князь впервые принимает

посла из далекой Италии. 11 февраля 1469 г. в Москву из Рима прибыл грек Юрий с важной миссией от кардинала Виссариона. Кардинал в своем «листе» предложил великому князю проект брака с византийской царевной Зоей Палеолог.

Не спас Византийскую империю отказ от собственных вековых идеологических и культурных традиций. 29 мая 1453 г. Константинополь был взят штурмом османами. Под ударами завоевателей с карты Европы исчезло древнейшее государство, последний осколок и носитель античной цивилизации и культуры. Император Константин XI Палеолог пал при защите своей столицы, храбро сражаясь как простой воин. Его брат Фома, деспот (правитель) провинции Мореи, выпужден был бежать в Италию, где вскоре умер. В Италии же, на скромной пенсии от римского папы и под опекой униата-кардинала Виссариона, оказались дети Фомы Палеолога — сыновья Андрей и Мануил и младшая дочь Зоя (старшая Елена была выдана замуж за сербского короля Лазаря). Проекты выдачи Зои замуж за кипрского короля и за знатного итальянского феодала последовательно провалились — женитьба на сироте-бесприданнице не была привлекательной перспективой[15]. Тогда у папской курии возникла идея устроить брак Зои с русским великим князем.

Проект «русского брака» отвечал извечной жажде римского престола к расширению сферы своего идеологического влияния, стремлению подчинить себе русскую церковь, вовлечь Русское государство в свои политические комбинации, и прежде всего в главную из них — войну с Османской империей.

В Италии знали кое-что о России. Генуэзские купцы через Сурож (Судак) и Кафу (Феодосию) поддерживали некоторую торговлю с Русью. На Москве жили итальянские мастера серебряных дел — «денежники», сохранявшие связи с далекой родиной. Известны имена Джанбатиста Вольпе, уроженца Виченцы, авантюриста и предпринимателя, и его родича Антонио Джислардп, обладавшего познаниями в инженерном деле. Еще великий князь Василий Васильевич отправлял посла, грека Николая Рали, в Милан и Рим. Правда, тогда эти отношения не получили развития. Теперь же события повернулись по-другому.

В Рим было отправлено официальное посольство. Не нашлось русского человека для выполнения столь ответственного поручения, требовавшего знания языков, дипломатических обычаев, ориентировки в международной обстановке при неукоснительном соблюдении интересов своей страны. Послом в Рим поехал Джанбатиста Вольпе («Иван Фрязин»). Он успешно выполнил возложенную на него миссию, заключив предварительное соглашение с папой о выдаче Зои Палеолог за русского великого князя. Дипломатические отношения России с Италией начались.[16]

5 ноября 1470 г. умер новгородский архиепископ Иона — опытный и тонкий политик, старавшийся избегать открытого конфликта с Москвой. А уже через три дня в Новгороде появился князь Михаил Олелькович, очевидно задолго до этого приглашенный господой. Михаил Олелькович — сын киевского князя Александра Владимировича, потомка Ольгерда, и русской княжны Анастасии, тетки великого князя Ивана Васильевича. Но дело не в родственных связях Олельковича. По оценке русских современников, он был «князем из королевы руки». Зависимый от Литвы киевский князь не мог, конечно, сесть на новгородский стол без согласия своего сюзерена — короля Казимира. Приглашение его в Новгород — серьезный, принципиальный шаг господы к соглашению с Казимиром против Москвы.

Волновалось новгородское вече. В ноябре 1470 г. произошло открытое столкновение «литовской» и «московской» партий. Дело доходило до рукопашной, что, впрочем, далеко не редко случалось на вечевых собраниях. Сторонники Москвы оказались в меньшинстве или были терроризированы «шильниками», нанятыми «литовской» партией. Олелькович укрепился на новгородском столе.

Правда, новым архиепископом был избран умеренный по своим взглядам Феофил, а не воинствующий Пимен, решительно и активно настроенный против Москвы и готовый признать власть литовского митрополита, униата Григория. Но поехать в Москву к митрополиту Филиппу на официальное поставление в архиепископы Феофилу так и не удалось. Страсти продолжали разгораться. Душой антимосковской агитации были бояре Борецкие — вдова и дети покойного посад-

ника Исаака Андреевича. Они и их сторонники (а таковых было немало) стремились не только к союзу с Казимиром, но и к признанию его князем Новгородским. Даже на кандидатуру Михаила Олельковича не соглашались антимосковские экстремисты. В марте 1471 г. он поссорился с Борецкими и вынужден был уехать из Новгорода под тем предлогом, что в Киеве умер его старший брат Семен (хотя отлично знал, что это случилось еще осенью). Недобрым для русского народа оказался князь «из королевы руки» — на обратном пути его свита занималась безудержным грабежом, о чем с сокрушением пишет псковский летописец [17].

Переговоры с Казимиром продолжались. Уже было готово докончание, по которому Господин Великий Новгород переходил под власть великого князя Литовского [18]. Правда, при этом было оговорено сохранение православия (и, конечно, боярских привилегий). Но что означало это «православие» под властью митрополита-униата и католика-короля? Другое дело — боярские привилегии. Бояре знали — под рукой короля магнатам живется вольготно. Оставалось только ратифицировать докончание королем. Мечта боярства о сохранении своей власти, своих вотчин, хотя бы ценой отделения от Русской земли, была как никогда близка к осуществлению.

Бояре понимали, что отделение возможно только через войну, и они к этой войне готовились. В марте 1471 г. ливонский магистр Вольтус фон Герзе неожиданно для псковичей предъявил им территориальные претензии. Псковичи отвергли их, но были обеспокоены. Еще больше встревожило псковичей обострение внимания к пограничным вопросам, которое тогда же проявил король Казимир [19]. Это было далеко не случайно. Накануне войны новгородское боярство стремилось нейтрализовать Господин Псков, верный Русской земле и ее государю.

Кончалась зима — самое благоприятное и традиционное время для похода великокняжеских войск на Новгород. Можно было надеяться, что до следующего санного пути Новгород, окруженный озерами и болотными топями, будет в безопасности. А к этому времени будет ратифицирован договор с Казимиром, укреплен союз с Орденом против Пскова.

Король тоже готовился к войне. В Большую Орду к хану Ахмату прибыл королевский посол Кирей Кривой, как его называют наши летописи. Это был бежавший из Москвы татарин, внук пленника, выкупленного в свое время великим князем Василием Дмитриевичем у его тестя Витовта. Посол Кирей Амуратович явился с дарами от короля хану и его ближайшим советникам.

По данным Московской летописи, посол передал хану слова короля, «чтобы волпои царь пожаловал, пошел на Московского на великого князя Ордою своею, а яз отселе со всею землею своею». И советники хана, и главный из них — князь Темир — поддержали со своей стороны предложения короля[20]. Конфликт с Новгородом мог перерасти в большую войну с Литвой, Орденом и Ордой. Над Русской землей сгущались грозные тучи.

Как же реагировало на эту критическую ситуацию московское правительство во главе с великим князем?

В ноябре 1470 г. в Москву прибыл новгородский посол Никита Ларионов с извещением об избрании архиепископа и с просьбой о разрешении («опасе») Феофилу приехать в Москву для официального поставления. Великий князь принял посла, «почтив его», и дал согласие на приезд архиепископа, отметив при этом традиционность своего отношения к Новгороду: «Как было при отце моем... и при деде, и при прадеде моем, и при преже бывших всех великих князей». При этом Иван Васильевич счел нужным особо подчеркнуть, что власть великих князей носит общерусский характер: «Их же род есми Володимерских и Новгорода Великого и всея Руси»[21].

Именно этот ответ великого князя вызвал, по словам московского летописца, бурю на новгородском вече. Тут-то Борецкие и их сторонники и заявили открыто: «Московский князь многие обиды и неправды над нами чинит, хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казимира».

Московское правительство, видимо, не теряло еще надежды на мирное разрешение конфликта. В Новгород был отправлен посол Иван Федорович Товарков. Товарковы-Пушкины, из рода которых вышел впоследствии величайший русский поэт,— потомки Гаврилы Алексича, одного из героев Невской битвы.

Великий князь призывал новгородцев не отступать от «старины», возводя ее к Рюрику и Владимиру Святому. «Старина» в глазах Ивана Васильевича — исконное единство Русской земли под властью великого князя. Это — принципиально важный момент, который необходимо отметить особо. Впервые мы встречаемся с историческим обоснованием новой политической доктрины. Иван Васильевич стремится мыслить в широких исторических и политических категориях, в масштабах истории всей Русской земли. Осмысление Русской земли как единого политического целого (а не как совокупности княжеств и отдельных земель) в принципе исключает удельную традицию — оплот новгородского сепаратизма[22].

Прежде таких рассуждений летописи не знали. Конфликты с Новгородом объяснялись конкретными причинами: рассказывая, например, о походе 1456 г., летописец ограничивается лапидарным оборотом: «Князь великий Василий Васильевич за неисправление новгородцев поиде на них ратью». И Дмитрий Донской совершил зимой 1386/87 г. свой грозный поход на Новгород, «волости и села воюючи и жгучи», потому, что держал «гнев... и нелюбие велико про волжан, что взяли новгородские [ушкуйники.— *Ю. А.*] разбоем Кострому и Новгород Нижний». Никаких требований и претензий принципиального характера Донской — по летописи — не предъявлял[23].

В марте 1471 г. с посланием к новгородцам обратился и митрополит Филипп. Он увещевал не отступаться «от благочестия, от православия, и от великие старины» и не «приложитися» «к тии латинские прелести». Обращаясь к новгородцам, митрополит подчеркивает, что они поручены «под крепкую руку благоверного и благочестивого Русских земель государя великого князя» Ивана Васильевича «всея Руси, вашего отчича и дедича»[24].

Но ни посольство великого князя, ни послание митрополита не привели к желаемым результатам. Новгородские власти отнюдь не стремились к соглашению — они хотели только выиграть время. Отвергли новгородцы и предложение Пскова о мирном посредничестве. Более того, они потребовали от псковичей, чтобы те «против великого князя потягли».

К весне 1471 г. в Москве поняли, что разрыв неизбежен. На совещании у великого князя с участием его братьев, епископов, бояр и воевод было принято принципиальное решение о немедленном, до зимнего времени, начале военных действий. Это было весьма смелое стратегическое решение. «Прежние великие князья на новгородцев летом не хаживали, а кто хаживал, тот люди многие истерял», замечает по этому поводу московский летописец. Но другого выхода не было — к осени могла оформиться мощная антирусская коалиция с участием Литвы, Ордена и Орды. Приходилось идти на риск.

Весна в 1471 г. была поздней — еще в конце мая по утрам были сильные морозы, «дубье младое и ясень и папороть вся мраз призноби». Тем не менее 6 июня, в четверг на Троицыной неделе, начался поход первого отряда московских войск. В этот день великий князь «отпустил... с Москвы воевод своих, князя Даниила Дмитриевича Холмского да Федора Давыдовича (Хромого) со многим воинством» (до 10 тыс. чел.). Ближайшая задача этого отряда — выход к Русе. Ровно через неделю из Москвы во главе с князем Стригой Оболенским отправилась вторая группа войск, имея в своем составе отряд касимовских татар. Маршрут движения — «па Волочек да по Мсте». Наконец еще через неделю, 20 июня, оставив в столице сына Ивана и князя Андрея Меньшого, из Москвы выступает сам великий князь с главными силами своего двора и с отрядом касимовского царевича Данияра [25].

Началась последняя на Руси феодальная война — война за единство Русской земли.

Быстро двигались по Новгородской земле три колонны московских войск. 24 июня войска левой колонны князя Холмского и Федора Хромого взяли и сожгли Русу. Судовая рать новгородцев, пересекшая Ильмень, была дважды разбита и потеряла, по сведениям москвичей, до 4 тыс. чел. Новгородская пехота оказалась бессильна против московской конницы.

Страшная картина феодальной войны, войны русских против русских. Воеводы «распустиша воя своя на многи места жещи и пленити» новгородцев «за их неисправление». Только татарам «князь великий не повеле людей пленити»: из Касимовского царства рус-

ский полон мог легко перейти на восточные работорговые рынки.

Новгородские воины, захваченные в плен в первых боях, подвергаются жестокой экзекуции: воеводы «повелеша носы, уши и губы резати». Эти картины не удивляют летописца. Подобное обращение с пленниками практиковалось повсюду в Европе. Герцог Бургундский, например, не щадил и мирных жителей: «многим отрубили кисти рук»,— замечает очевидец расправы с жителями города Ноэль. В представлении русского летописца война идет против изменников и вероотступников, оказавшихся как бы вне закона. Отсюда эпически спокойный тон с оттенком высокомерной гордости по поводу успехов москвичей: они захваченные у новгородцев доспехи «в воду метаху, а инии огню предаша, не бяху бо им требы, но своим довольно». Новые легкие доспехи москвичей были удобнее, чем старинные тяжелые новгородцев.

Великий князь шел в средней колонне. 24 июня он прибыл в Волок Ламский, 29 июня — в Торжок. Здесь он соединился с тверскими полками — против Новгорода шли объединенные силы всей Русской земли. Иван Васильевич непрерывно следит по донесениям за действиями других колонн и отдает им распоряжения. Находясь 9 июля на озере Коломно, он получает известие о второй победе князя Холмского и Федора Хромого. Воеводы предполагали заняться осадой городка Демон, но великий князь понимает, что это — второстепенная задача. Своей директивой он поворачивает войска на запад, за Шелонь, на соединение с псковичами, а под Демоном оставляет только Верейско-Белозерский полк. Это распоряжение приводит к Шелонской битве.

12 июля десятитысячное войско псковичей «начаша воевати Новгородскую волость и жечи». Новгородцы не остались в долгу — они напали на псковскую Наверeжскую губу и выжгли ее, уничтожив при этом архитектурный шедевр — церковь св. Николы, «вельми преудивлену и чюдну, такове не было во всей Псковской волости, о полтретью десяти углах». В огне феодальной войны погибла двадцатипятиугольная церковь, которая, вероятно, могла бы поспорить со знаменитым в наше время храмом в Кижах.

Новгородцы послали против псковичей войско во главе с посадниками Василием Казимиром и Дмитрием Борецким —«всей новгородской силе наиболее 40 тысящи», по оценке псковичей. Псковичам угрожал неминуемый разгром. Но это войско «наехоше па Шелони силу московского князя Данилы Холмского», двинутую на помощь псковичам великим князем.

В воскресенье, 14 июля, на Шелони произошло сражение, решившее участь феодальной республики. Московская, псковская и новгородская летописи, расходясь в деталях, единодушны в одном: войска Господина Великого Новгорода были разбиты наголову. Многие тысячи воинов пали на поле сражения, две тысячи были взяты в плен. В плену оказалась верхушка новгородского боярства, наиболее враждебная Москве.

Сражение, по-видимому, было решено мощным ударом московской конницы, которая неожиданно для новгородцев переправилась через Шелонь. Новгородский летописец рассказывает о распрях в стане новгородцев: «меньшие», утомленные походом, стали «вопить» против «больших», требуя немедленной атаки. Полк архиепископа вообще отказался принять участие в сражении — он будто бы был послан только против псковичей. О том, что среди новгородцев далеко не было единодушия, говорит и московский летописец, описывая насильственную мобилизацию в Новгороде: «Которым бо не хотети поити к бою тому, и... тех разграбляху и избиваху, а иных в реку в Волхов метаху»[26].

Рыхлое, разношерстное новгородское войско, лишенное боевого воодушевления и твердой организации, не могло противостоять московской коннице с ее богатым боевым опытом и хорошими воеводами во главе. Вся старая военная система вечевой республики потерпела крах.

По распоряжению великого князя главные силы псковичей, оставив отряд с шестью пушками для осады Порхова, двинулись к самому Новгороду и остановились в 20 верстах от него. Кампания была фактически окончена.

24 июля, прибыв в Русу, великий князь распорядился участью пленных. Четверо бояр, в том числе Дмитрий Исакович Борецкий, один из послов, подписавших договор с Казимиром, были обезглавлены. Де-

сятки других бояр посланы в заточение. С «людей добрых новгородцев» был взят откуп. «Мелких людей» великий князь «велел отпущати к Новгороду»[27].

События в Русе имели не меньшее значение, чем Шелонская битва. Впервые за всю долгую историю новгородско-великокняжеских отношений с взятыми в плен боярами поступили не как с почетными пленниками, подлежащими обмену или выкупу, а как с государственными изменниками. Великий князь продемонстрировал принципиально новый подход к «новгородской проблеме» — в его глазах Господин Великий Новгород не равноправная договаривающаяся сторона, а его «отчина», часть Русской земли, составляющей единое государство.

Отпуск на волю «меньших людей», основной массы новгородского войска, показал и другую сторону великокняжеской политики. Рядовые горожане, выступившие с оружием в руках, не рассматриваются как преступники. Они — те самые насильно мобилизованные «плотницы и гончары и прочии... на мысли которым того и не бывало, чтобы руки подняти противу великого князя». Великий князь — не против них, не против основной массы новгородцев, а только против бояр-изменников, перешедших на сторону короля.

Социальная политика Ивана Васильевича в Новгороде определилась на много десятков лет вперед.

27 июля в Коростыни начались переговоры о мире с новгородской депутацией, во главе которой стоял нареченный архиепископ Феофил. В этот же день произошло еще одно важное событие. На Двине, при устье рч. Шиленги, северная группа московских войск во главе с Василием Федоровичем Образцом разбила рать новгородского князя Василия Гребенки-Шуйского и воеводы Василия Никифоровича. По словам новгородского летописца, «двиняне не потягнуша по князе Василии Васильевича и по воеводе его». Жители колониальной окраины не захотели сражаться за интересы новгородских олигархов.

Против Новгорода выступили все его «пригороды», выставив пешие рати. В самом городе обострились социальные и политические противоречия: пошла «молва» на «лучших людей», что они начали войну с Москвой и тем самым привели великого князя на Новгород. Вскрылось, что некий Упадыш со своими «единомыс-

ленниками» «перевет держал» и «хотел зла Великому Новгороду»: они заколотили железом пять пушек на городской стене[28]. Кто был Упадыш — наемник, взявший «мзду» от «злоначального беса», как считает новгородский летописец, или просто человек, не желавший сражаться за интересы польского короля, трудно сказать. Ясно одно — в Новгороде не было ни воодушевления, ни порядка.

Между тем в Коростыни архиепископ Феофил и возглавляемая им депутация «начаша бити челом о своем преступлении». Новгородцы обещали выкуп — 16 тыс. руб., вдвое больше того, что они дали пятнадцать лет назад в Яжелбицах. Великий князь приказал прекратить военные действия: «повеле престати жещи и пленити, и плен... отпустити». Последняя феодальная война на Руси закончилась.

Кампания 1471 г. заслуживает особого внимания. Смелое стратегическое решение было тщательно обдумано. Основной замысел кампании — одновременный удар по Новгороду на нескольких направлениях — был успешно осуществлен. Маршруты войск намечались заранее, график их движения (до соприкосновения с противником) был рассчитан буквально по дням. Войска двигались отдельными колоннами, но во всем чувствовалось твердое управление. Великий князь впервые за двенадцать лет шел в поход со своими войсками. Находясь в средней колонне, он получал донесения и отдавал директивы, определяющие действия воевод. Главное внимание Иван Васильевич обращал на решение основной задачи — разгром живой силы противника и скорейший выход к его жизненно важному центру. Осада крепостей его не интересовала — для этого предназначались вспомогательные силы. И стратегический план, и его реализация отвечали основной военно-политической цели — разгрому боярского Новгорода в кратчайший срок, до того, как смогут выступить с ним вместе Литва, Орден и Орда.

«Деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего», — учил впоследствии великий Суворов. В кампании 1471 г. фактор времени был учтен полностью. Правильная постановка цели и умелое руководство войсками сделали эту кампанию одним из высоких образцов стратегического искусства. Великий князь Иван Васильевич оказался достойным

главнокомандующим войсками нового Русского государства.

Нужно упомянуть и еще один важный факт. В начале лета 1471 г. вятчане во главе со своим воеводой Костей Юрьевым, пройдя на гребных судах вниз по Волге, неожиданным ударом захватили столицу ордынской державы — Сарай. Татары Большой Орды находились на кочевье и не сумели ни защитить свой город, ни перехватить на обратном пути удалую вольницу[29]. Сами ли вятчане решились на это отчаянно смелое предприятие или действовали по указанию Москвы? Несомненно одно: нападение на Сарай было совершено в самый удобный для великого князя момент, так что Ахмат вынужден был отказаться от немедленного похода на Русь

Победа Москвы над Новгородом в 1471 г. — это прежде всего победа новых, центростремительных тенденций общественно-политического развития Руси над старыми, центробежными. Решительное поражение Новгорода означало разгром наиболее вещественного остатка старой политической системы феодальной раздробленности страны. В этом плане падение феодальной республики — факт огромного политического значения, один из наиболее существенных этапов в создании единого Русского централизованного государства.

Перед нами — один из величественных и трагических исторических феноменов. Конечно, романтические представления о новгородской «вольности», свойственные многим писателям и публицистам XIX—XX вв., весьма далеки от реальности. Господин Великий Новгород был феодальной республикой и ничем иным. В нем не было никаких признаков буржуазного уклада, поэтому сравнение его с Флоренцией, Миланом и т. д., нередко встречающееся в литературе, совершенно неправомерно. Напротив, и в экономике, и в социальных отношениях республики преобладали архаические черты. Не изделия высокоразвитого цехового ремесла, а продукты промыслов, прежде всего пушнина, своего рода «колониальные товары», были основной статьей новгородского экспорта и источником обогащения бояр и «житьих людей». Тем не менее на протяжении долгих веков Новгородская республика играла выдающуюся роль в истории Русской земли.

Мореплаватель и землепроходец, купец и воин, ремесленник и мыслитель, Новгород имел свои героические традиции, бережно сохранявшиеся в течение веков и наложившие глубокий отпечаток на духовный облик его сыновей.

Но вторая половина XV в. застает Новгородскую республику на вечерней заре ее долгой и яркой истории, когда особенности общественного строя, способствовавшие расцвету республики, в ходе исторического развития обратились в свою противоположность. Еще живые в сознании тысяч новгородцев традиции вечевой вольности, лишенные уже реального содержания, превратились в тормоз для дальнейшего развития и самого Новгорода, и всей Русской земли. Столкновение старой традиции с реальными потребностями и задачами новой эпохи, разрушение старых морально-политических ценностей, сопровождаемое к тому же огромными людскими и материальными жертвами в ходе жестокой феодальной войны, не могло не вызвать болезненного слома общественного сознания. Блестящая и заслуженная, исторически оправданная и необходимая победа Москвы над Новгородом, победа, выводящая страну и сам Новгород на новые широкие пути исторического бытия, неразрывно связана с трагедией уходящей в прошлое когда-то героической и плодотворной старой вечевой традиции.

Непосредственные политические результаты похода 1471 г. зафиксированы в Коростынском мирном докончании 11 августа 1471 г.[30] Новгород сохранил почти всю территорию республики, отказавшись формально только от Волока и Вологды (давно уже фактически перешедших в руки Москвы); великий князь согласился держать Новгород «в старине, по пошлине, без обиды», вернул перешедшие на его сторону Торжок и Демон, сложив с них крестное целование, и т. п. На первый взгляд все осталось почти по-старому. Но это только на первый взгляд. На самом деле все изменилось коренным образом — от процедуры заключения договора до его важнейших статей. Новгородские делегаты уже не назывались «послами», как в 1456 г. Они не просто «докончали мир», как бывало раньше, а прежде всего «добили челом своей господе великим князем». Новгородцы не только признали великого князя своим господином, но и подчеркнули, что они —

его «отчина», приняв ту самую терминологию, которую они гневно отвергали еще совсем недавно. Они торжественно поклялись «не отдатися никоторою хитростью» ни за какого короля или великого князя, «хто... на Литве не буди», не просить и не принимать у себя на пригородах князей из Литвы, не принимать у себя никаких недругов великого князя. Они приняли обязательство не обращаться к литовскому митрополиту, а ставить своего архиепископа только «в дому Пречистые... на Москве». Со внешнеполитической самостоятельностью Новгорода было покончено.

Но этого мало. Согласно новому договору, у «грамоты докончальной», устанавливающей судебное устройство республики, отныне «быти имени и печати великих князей». По справедливому мнению исследователей, эта статья устанавливала верховный контроль великого князя над судом новгородской господы. Одновременно устанавливается обязательное участие представителей великого князя во всей судебной деятельности новгородских властей.

Политические институты и традиции вечевого города сохраняют теперь только номинальное значение. «Его свобода стала отныне только призраком»,— метко заметил по этому поводу К. Маркс.

Государь всея Руси

В первый день нового 6980 г. (1 сентября 1471 г.) «князь великий... Володимерский и Новгородский и всея Руси самодержец... с победою великою» и с триумфом возвратился в Москву. Для триумфа были все основания: титул «великого князя всея Руси» впервые наполнялся реальным содержанием: «старина» великокняжеская, идея политического единства страны решительно восторжествовала над «стариной» удельно-вечевой децентрализации. Русская земля сделала крупнейший, решающий шаг на пути своего превращения в единое государство. Гости, купцы, «лучшие люди», т. е. верхи московского посада, вместе с князьями и боярами встречали великого князя при въезде в столицу, «а народи московскии... далече за градом встречали его, и инии за 7 верст пеши»[1]. Внимание

к горожанам, к «пешим» — представителям основной массы населения столицы — не случайно. Это — одна из составляющих политики нового государства, ищущего и находящего опору далеко не только в среде феодалов.

Москва отныне — не только главный город великого княжества, но столица нового государства, всей Русской земли. Следовало придать ей новый облик. Белокаменный Успенский собор, построенный митрополитом Петром при Иване Калите, пришел за полтораста лет в полную ветхость: «блюдящеся падения, уже деревми толстыми коморы подпираху». Нужен был новый собор, достойный нового времени, нового положения Москвы. По мысли великого князя, новый храм должен был быть построен по образцу Успенского собора во Владимире, шедевра русского зодчества XII в. Несмотря на переезд митрополита в Москву, этот старый собор, помнивший времена Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, сохранял значение главного храма Русской земли — в нем происходили торжественные церемонии посажения на стол великих князей. Мастера Ивашка Кривцов и Мышкин получили заказ: «велику и высоку церковь сотворити, подобну Владимерской Св. Богородицы». «Мастери каменосечци» были посланы «во град Володимерь... меру сняти»[2]. Принятие за образец собора во Владимире, древней столице прежних великих князей, подчеркивало историческую преемственность нового государства, его связь с традициями домонгольского величия Руси. Это — та же характернейшая линия на возрождение «старины», древнего могущества и единства Русской земли, которая настойчиво подчеркивалась великим князем в его переговорах с мятежным Новгородом накануне Шелонской битвы.

Торжественная закладка нового храма состоялась 30 апреля 1472 г. в присутствии всего освященного собора (так называлось собрание высшего духовенства), великого князя, его сына, матери и братьев. Строительство подвигалось быстро, и к концу мая новая церковь «возделана бысть с человека в вышину».

26 июня пришло важное известие от воеводы князя Федора Давыдовича Пестрого-Стародубского. Всю зиму шли его войска через глухие таежные леса. Добравшись до Камы, «на плотах и с коньми» двинулись

дальше по ее притокам, а затем — сухим путем еще дальше, на Чердынь, на пермского князя Михаила. В решительном сражении на р. Колве пермский воевода был взят в плен. На слиянии Колвы и Почки срубили новый городок — оплот русского влияния на Северо-Востоке[3]. В состав Русского государства вошла северная часть Пермской земли, граница теперь вплотную подошла к Северному Уралу и бассейну Оби.

Колонизация Северного Урала способствовала хозяйственному освоению малолюдного края, сближению местных племен с русским народом, переходу их на более высокий социально-экономический и культурный уровень. Проявлялась одна из характерных черт русского исторического процесса. Русь изначально жила в окружении малых народов, разделявших с ней ее историческую судьбу. Русская колонизация всегда отличалась относительно мирным характером. Она не знала ни истребления покоренных народов, ни изгнания их с исконной территории, ни превращения их в рабов, ни насильственного разрушения их хозяйственного уклада, ни принудительной языковой и культурной ассимиляции. Англо-саксонское завоевание Британии, германская колонизация Западной Прибалтики, деятельность конкистадоров в Латинской Америке и колонистов в Штатах не находят аналогий на Руси. Признание верховной власти великого князя и как материальное выражение этого — выплата дани — вот наиболее характерная и ощутимая черта включения малых народов в состав Русского государства. Местные князья, как правило, переходили на службу новой власти. Относительно мирный характер носила и проповедь христианства.

Так было во времена Киевской Руси, боярского Новгорода. Так было и в XV в.

Однако для характеристики процессов колонизации одних розовых тонов недостаточно. Так или иначе рушились старые обычаи и верования отцов, ломались привычные традиции. Местная родоплеменная и жреческая верхушка не раз активно выступала в защиту своих привилегий, своей «старины». Не раз происходили открытые столкновения. Исторический прогресс во всяком классовом обществе покупается дорогой ценой, искупается слезами и кровью.

Тревожные вести пришли с южного рубежа: хан Ахмат начал поход на Русь «со всеми князьями и силами Ордынскими». Он двинулся вверх по Дону, «чая от короля себе помочи, свещався с королем Казимиром Литовским на великого князя». Впервые за много десятков лет против Руси выступали главные силы Орды во главе с энергичным, удачливым и честолюбивым ханом.

Не исключено, что поход Ахмата летом 1472 г. был вызван прекращением выплаты русскими ордынского «выхода». По данным Вологодско-Пермской летописи, в 1480 г. Ахмат обвинял великого князя: «дани не дает мне девятый год», т. е. именно с 1472 г. Не мог забыть хан и прошлогоднего разгрома Сарая вятчанами. Однако совместный удар двух самых сильных противников Руси не удалось организовать и на этот раз: «королю бо свои усобицы быша в то время, и не посла царю помочи». Еще осенью 1471 г. «пришел к королю из Орды Кирей с царевым послом» — очевидно, в ответ на миссию того же Кирея в Орду и для переговоров о заключении союза против Руси, но «король в ту пору заратился с иным королем, с Угорским». Действительно, в конце 1471 г. король оказался втянутым в борьбу за венгерский престол, на который он хотел посадить своего сына Казимира.

Первые сведения о походе Ахмата были получены в Москве в начале июля. В первую очередь в поход был послан Коломенский полк во главе с Федором Давыдовичем Хромым, а 2 июля выступили «со многими людьми» князья Данило Холмский и Иван Васильевич Стрига Оболенский[4]. Затем к Берегу были посланы и братья великого князя. На поход Ахмата русские ответили развертыванием главных сил своих войск на основном оборонительном рубеже Оки. Однако организация обороны этого рубежа оказалась достаточно сложным делом.

Хан «оставил царицы свои, старых людей и малых и больных», а сам «поиде с проводники не путьма», т. е. не традиционным, обычным маршрутом. Благодаря этому Ахмату удалось на первых порах обмануть бдительность русских войск: хотя они и «стояли во многих местах по дорогам, ждучи татар», но хан «сторожев великого князя разгониша, и иных поимаша».

На пути хана оказался маленький город Алексин,

русский форпост на правом (южном) берегу Оки, между Калугой и Серпуховом. Нанося удар по Алексину, значительно западнее обычного направления ордынских вторжений (шедших, как правило, через район Коломны, по кратчайшему пути на Москву), Ахмат стремился прорвать русскую оборонительную линию в неожиданном месте, а может быть, и наладить взаимодействие с литовскими войсками.

Город не был готов к обороне: «ни пристроя городного не было, ни пушек, ни пищалей, ни самострелов». Атака татар на неукрепленный город началась на рассвете в среду, 29 июля. «Гражане же из граду крепко с ними бьяхуся». На следующий день «татарове примет приметавши и зажгоша град». Но «гражане же единако не предашася в руки иноплеменник, но изгореша вси с женами и с детми в граде том, и множество татар избиша из града того». Город был взят в пятницу, 31 июля: «что в нем людей было, вси изгореша, а которые выбегоша от огня, тех изымаша». Отказавшийся сдаться город был сожжен вместе с жителями[5].

«Слава тех не умирает, кто за Отечество умрет», как писал Гаврила Романович Державин. Подвиг Алексина, чьи жители «изволиша згорети, нежели предатися татаром»,— это русские Фермопилы. Когда-то маленький городок Козельск оказал героическое сопротивление орде Батыя. Но то было в эпоху завоевания Руси монголами. Жители Алексина оказались в числе последних жертв вековой борьбы в преддверии освобождения Руси от ига.

Но захват и сожжение Алексина сами по себе отнюдь не имели существенного значения для хода войны. Перед Ахматом стояла гораздо более сложная задача — форсирование Оки и вторжение в пределы Русской земли. В месте форсирования Оки стояли только «с малыми зело людьми» Петр Федорович Челяднин и Семен Васильевич Беклемишев, «а татар многое множество побредоша к ним». Русские войска тем не менее оказали упорное сопротивление, осыпав переправляющихся татар стрелами «и много бишася с ними». Однако «уже и стрел мало бяше у них», и они «бежати помышляху», когда на помощь подошел с верхнего течения Оки полк князя Василия Михайловича Верейско-Белозерского, а с нижнего, от Серпухова,— войска князя Юрия Васильевича Дмитров-

Втатарове же татары пришедше ко граду
со многыми силами. и тако огнем
запалиша его. и что в нем было людей
было все изгорѣша. а которыи
выбегоша от огня. тѣх
изымаша

Подвиг Алексина (*Лицевой свод*).

ского. «Татары... побегоша за реку». Русские войска «которые татарове перевезошася реку, и тех пребиша на ону сторону, а иных ту убиша, и суды у них поотнимаша, и начаша чрез реку стрелятися». Попытка форсировать Оку с ходу была отражена[6].

Известие о нападении Ахмата на Алексин было получено в Москве 30 июля: 120 км гонец покрыл за сутки. Столица только что перенесла одно из самых страшных стихийных бедствий: 20 июля ночью загорелось «у Воскресенья на Рве». При сильном ветре «огонь метало за 50 дворов и боле, а з церквей и с хором верхи срывало». Весь посад охватило пламя. За несколько часов сгорело 25 церквей и «многое множество дворов»; огонь готов был перекинуться в Кремль, в котором уже «истомно же бе тогда велми». Сам великий князь «много постоял на всех местах, гоняючи со многими детьми боярскими, гасящи и разметывающи»[7]. Такое поведение не было в обычае у государей феодальной Европы. Псковские послы к Казимиру Литовскому в марте 1471 г. отмечали, что, когда в ночь на 31 марта «загореся... посад в Вилне Ляцкий конец», «сам король и со всем своим двором и с казною на поле выбежа»[8]. Как и в других случаях, июльский пожар 1472 г. нанес огромный ущерб основной массе жителей Москвы, сосредоточенной вокруг Кремля на посаде. Опять многие тысячи горожан остались без крова и имущества.

На рассвете 30 июля, по получении известия о нападении на Алексин, великий князь «вборзе» и «не вкусив ничто же» двинулся на Коломну, отправив сына в Ростов. Нападение Ахмата расценивалось как большое нашествие, а удар по Алексину — как демонстрация для маскировки главного направления вторжения, которое предполагалось по традиционному маршруту через Коломну. Не исключалась возможность форсирования Оки и выхода татар к Москве — великий князь помнил уроки набега Мазовши в 1451 г. Этим можно объяснить распоряжение об отправке в Ростов молодого князя Ивана Ивановича, наследника главы государства.

Русские войска прочно заняли линию Оки. Под Ростиславлем (на Оке, около Каширы) стоял сам великий князь, на Коломне — царевич Данияр с касимовскими татарами, в Серпухове — Андрей Большой

с царевичем Мустафой Казанским. Летописец красочно изображает, как «сам царь (Ахмат.— *Ю. А.*) прииде на берег, и видев много полки великого князя, аки море колеблющеся, доспехи же... яко сребро блистающеся и вооружены зело», и «пача отступати от брега по малу». Псковский летописец, писавший со слов псковских послов, принятых великим князем 1 августа в Коломне, сообщает, что «с князем великим.... стояху на полуторастах верстах 100 000 и 80 000 князя великого силы русские». Хан не рискнул на решительное сражение: ночью Орда отступила. Ахмат шел очень быстро: «яко в 6 дни к катупям своим прибегоша, оттюду же все лето шли бяху»[9].

В летней кампании 1472 г., как и в походах 1469 и 1471 гг., ощущается централизованное руководство русскими войсками, предварительно составленный и хорошо обдуманный план, на этот раз — оборонительный. Ахмату не удалось развить первоначальный тактический успех. Русские войска умело и быстро рокировались по фронту, стягиваясь к месту форсирования Оки противником. Героическая оборона Алексина сыграла существенную роль в провале попыток броска на Москву, сковав на время крупные силы противника. Два или три дня, потерянные Ахматом под Алексином, были использованы русским командованием для выдвижения войск к месту переправы.

Впервые за всю историю ордынского ига хан уходил в степи, не решившись на сражение с русскими войсками. И в этом — решающий морально-политический эффект кампании 1472 г.

23 августа великий князь вернулся в столицу, но сразу же вместе с братьями отправился в Ростов к тяжело заболевшей матери, великой княгине Марии Ярославне. Князь Юрий Васильевич, тоже больной, остался в Москве и умер 12 сентября. Это известие заставило великого князя срочно, 16 сентября, вернуться в Москву[10]. Удел князя Юрия — самый большой из уделов князей Московского дома. По традиции, шедшей еще со времен сыновей Ивана Калиты, следовало разделить выморочный удел между братьями. Но Иван Васильевич — не просто великий князь. Он — государь всея Руси. Удел князя Юрия безоговорочно включается в состав основной государственной территории.

Это было неслыханным, беспрецедентным нарушением обычного княжеского права — права всех князей на долю в Московском княжении. Когда Василий Васильевич уничтожал уделы своих противников, он делал это в ходе политической борьбы. Теперь же великий князь переходит в наступление на права князей, своих братьев, без видимого повода с их стороны. Речь идет не о борьбе с политическими противниками, а о пересмотре самого существа межкняжеских отношений, самой политической структуры Московского дома.

Неудивительно, что «разгневавшись князь Андрей, и князь Борис, и Андрей (Меньшой.— *Ю. А.*) на брата своего великого князя Ивана про вотчину брата своего князя Юрия». Оказавшись перед лицом сплоченной удельно-княжеской оппозиции, Иван Васильевич постарался найти мирные средства для урегулирования конфликта. Он спешил: над южным рубежом нависала тень орды Ахмата, сложные отношения были с Казимиром Литовским, неспокойно было на псковско-ливонской границе. Да и Великий Новгород был пока только побежден внешне, но еще не сломлен внутренне.

Благодаря посредничеству великой княгини Марии Ярославны удалось избежать открытого разрыва. Братья получили некоторую компенсацию: Борис — Вышгород, Андрей Меньшой — Тарусу, Андрей Большой — от матери городок Романов на Волге. После долгих переговоров были заключены докончания на крестном целовании. Князья обязались в одностороннем порядке «не вступаться» в бывший удел Юрия Васильевича, ни в другие земли великого князя, «что есмь собе примыслил или что собе примыслим». Им пришлось, тоже в одностороннем порядке, обещать без «веданья» великого князя «не канчивати» (не договариваться) ни с кем, ни даже «ссылатися между собою». Они были вынуждены отказаться от всех своих прежних договоров с кем бы то ни было («целование сложити»)[11].

Отношения между великим князем и его удельными братьями вступили в новую фазу. Прежнему союзу на началах хотя бы относительного равноправия пришел конец. Был сделан принципиально важный шаг к превращению удельных князей в простых вассалов государя всея Руси.

Между тем дело о «византийском браке» шло своим чередом. Еще 10 сентября 1471 г., через несколько дней после возвращения великого князя из Новгородского похода, в Москву прибыл Антон Фрязин (Джисларди), который «царевну на иконе написану принесе». Едва ли не впервые Русь в лице своего великого князя получила возможность познакомиться с образцом портретной живописи итальянского Высокого Возрождения. Посол привез также «листы» от папы Павла «таковы, что послом великого князя волно ходити до Рима... до скончания миру».

6 января 1472 г. новое русское посольство во главе с Дж. Б. Вольпе отправилось в далекий путь «с грамотами... к папе да и ко кардиналу Виссариону». Обратно послы ехали уже с невестой великого князя. В четверг 12 ноября царевна въехала в Москву, встреченная митрополитом и высшим духовенством столицы. В тот же день во временном деревянном храме Успения был совершен торжественный обряд венчания и Зоя Палеолог превратилась в великую княгиню Софью Фоминишну [12].

С сопровождавшим невесту папским послом состоялись церковные прения. Генуэзец Антонио Бонумбре — августинский монах, епископ Аяччо на Корсике, доверенное лицо папы Сикста IV, в качестве легата и нунция имел от папы полномочия «направлять заблудших на путь истины, укреплять власть папы... налагать церковные кары на виновных и распределять награды между достойными». Конечная цель его миссии выражена в словах Сикста IV: «Мы ничего не желаем горячее, как видеть вселенскую церковь объединенной на всем ее протяжении» [13]. Таким образом, Бонумбре выступал как официальный представитель папы для установления в России католичества. Прения с ним держал митрополит Филипп, который считался церковнообразованным человеком («много... изучил он книг словес емлючи»). В помощь себе он взял «книжника» Никиту Поповича. По словам летописи, легат был посрамлен: «Ни единому слову ответа не даст, но рече: „Нет книг со мною“» [14].

При великокняжеском дворе Бонумбре был принят как официальный папский посол. Русское государство впервые вступало в прямые дипломатические отношения с самой развитой страной тогдашней Европы. Вы-

сокопоставленные итальянцы впервые воочию увидели новое государство на востоке Европы, и с этого времени оно начинает играть все большую роль в политических планах римской курии и-других западно-европейских держав.

В ночь с 4 на 5 апреля 1473 г. московский Кремль был охвачен пламенем очередного грандиозного пожара. Выгорело несколько каменных церквей и множество дворов, в том числе митрополичий, сгорела «прирава вся городная», особенно тяжелые последствия имел пожар житничного двора и городских житниц. Сам великий князь, как всегда, принимал участие в тушении пожара, и благодаря этому удалось отстоять «большой двор». Во время пожара скоропостижно скончался митрополит Филипп[15]. Все восемь лет своего пребывания на кафедре он поддерживал великого князя во всех важнейших вопросах. В его лице Иван Васильевич потерял наиболее авторитетного и, по-видимому, убежденного сторонника своей политики.

Выборы нового главы русской церкви состоялись 23 апреля. Митрополитом был избран коломенский епископ Геронтий, человек совсем другого склада ума и политической направленности, чем покойный Филипп.

Главная тревога 1473 г. была на псковско-ливонском рубеже. Немцы отказывались продлить перемирие и явно готовились к войне. Один за другим ехали к великому князю псковские послы с просьбой о помощи. 1 октября очередной посол застал его в подмосковном селе Острове. Великий князь обещал помощь. Наконец 25 ноября, по окончании осенней распутицы, во Пскове получили известие, что московские войска князя Данилы Холмского стали на рубеже Псковской земли. День за днем в город беспрестанно вступали войска, становясь лагерем на Завеличье. «Бе бо множество их видети, князей единых 22 из городов, из Ростова, из Дмитрова, из Юрьева, из Мурома, из Костромы, с Коломны, из Переяславля и из иных городов»[16]. Псковичи никогда не видели в своем городе такого огромного войска. Не «старший брат» и даже не великое княжество Московское — все Русское государство пришло на защиту Пскова.

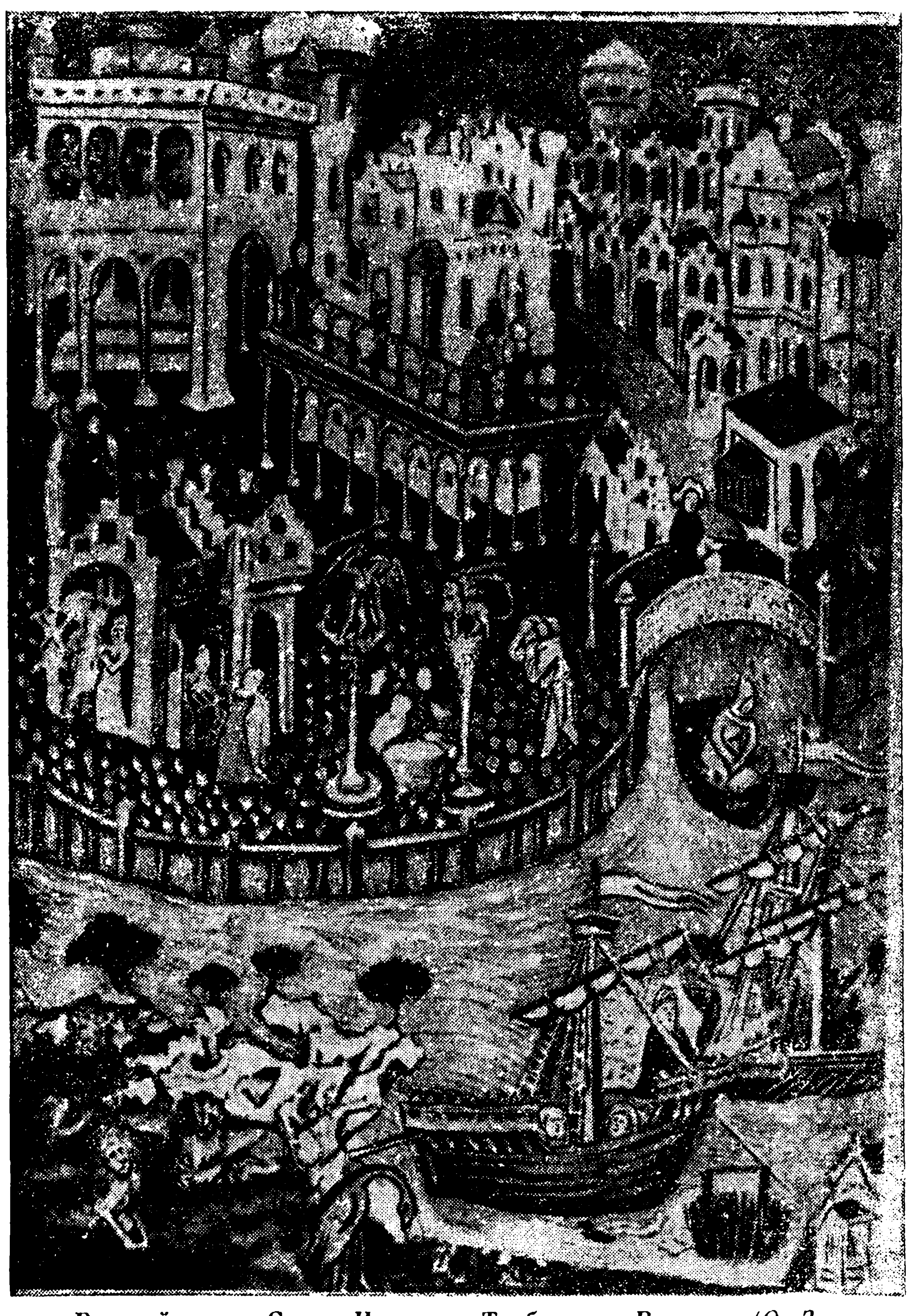
Одно присутствие русских войск в городе обеспечило мирный и благоприятный исход конфликта:

в январе 1474 г. в Пскове были заключены договоры о мире между Орденом и Юрьевом Ливонским с одной стороны и Псковом и Новгородом с другой — так называемый «Данильев мир» (по имени князя Холмского).

А столицу через год после кремлевского пожара постигло новое бедствие. 20 мая 1474 г. рухнул недостроенный Успенский собор, возведенный уже «до верхних комор». Разрушение собора, которому придавалось такое большое значение и в строительство которого было вложено столько сил, заставило впервые в истории Русского государства обратиться за помощью к иностранным «каменосечцам». Задача «мастера пытати церковного» была возложена на Семена Толбузина, выехавшего в Венецию 24 июля 1474 г. Это посольство отправилось в ответ на посольство дожа, прибывшее в Москву 25 апреля.

Посольство Толбузина занимает особое место в истории становления русской дипломатической службы. Впервые в Италию во главе посольства едет не «фрязин», а русский по происхождению человек. Впервые на русского посла возлагается не только чисто дипломатическая миссия, но и особое задание — привлечение на русскую службу иноземных специалистов.

Дед Семена Ивановича Толбузина пал на Куликовом поле, а отец был воеводой великого князя Василия Дмитриевича. Первый русский посол в Венеции проявил себя умным, наблюдательным и энергичным человеком. Рассказ его о поездке сохранился в митрополичьей летописи; составителю ее Толбузин подробно рассказал о своих впечатлениях о Венеции, о порядках выборов тамошнего дожа, о своих переговорах с Фиоравенти, согласившимся поехать на Русь за баснословное жалованье — 10 руб. в месяц (деревня на Руси стоила 2—3 руб., столько же стоил хороший боевой конь, а за 100 руб. можно было купить большое село с десятками крестьянских дворов). Толбузин познакомился на месте с образцами искусства Фиоравенти — архитектора, строителя, механика. Несмотря на то что мастер запросил огромную сумму, несмотря на упорное нежелание дожа отпустить на Русь искусного мастера, русский посол добился своего. Потребность в иностранных специалистах ясно осознавалась великим князем, и для привлечения их на

Русский посол Семен Иванович Толбузин в Венеции (*О. Земцов, В. Глазычев. Аристотель Фьораванти. М., 1985*).

свою службу он решил не останавливаться ни перед чем.

26 марта 1475 г. — день прибытия в Москву Аристотеля Фиоравенти вместе с послом Толбузиным — важная веха в истории русской культуры. В нашу страну впервые прибыл представитель европейского Возрождения, разносторонне одаренный мастер высокого класса, открывший путь в Москву целой плеяде своих соотечественников[17].

Аристотель Фиоравенти съездил во Владимир. Тамошний Успенский собор произвел на него сильное впечатление. По словам летописца, он «похвали дело» и даже приписал строительство собора итальянским мастерам («некых наших мастеров дело») — в устах Фиоравенти это было, вероятно, изысканным комплиментом создателям шедевра русской архитектуры.

В Москве закипела работа. К концу первого года строительства явственно обозначились контуры нового храма. Он был обложен «полатным образом», «столпы же едины четыре обложи круглы — и, рече, крепко стоять». В сердце Русской земли, на одной из площадей Кремля росло новое величественное здание — символ преемственности Древней Руси и нового Русского государства, символ единства русской и европейской культуры. Культурная изоляция страны отходила в прошлое. В истории руского градостроительства и архитектуры, в технологии ряда производств начинается новый этап, обогащенный достижениями передового европейского опыта. Что до Орды, то дань ей, по-видимому, платить перестали. Но с Ахматом нельзя было не считаться, как нельзя было не считаться и с возможностью совместного выступления хана и короля. Вот почему свое главное внимание в эти годы дипломатия великого князя уделяет поискам союзника в борьбе с могущественными врагами. Таким союзником мог стать крымский хан Менгли-Гирей. Крымское ханство, выделившееся когда-то из Золотой Орды, с тревогой смотрело на усиление державы Ахмата, на его попытки возродить могущество древней кочевой империи. Неофициальные связи с Крымом Москва поддерживала уже давно. 31 марта 1474 г. к Менгли отправляется первый русский посол Никита Васильевич Беклемишев.

Посольский наказ Беклемишеву, первый из сохранившихся русских посольских наказов, отличается ясностью, предусмотрительностью, подробной разработкой основных положений [18]. Посол должен был добиться заключения союза с Крымом: «другу другом быти, а недругу недругом быти». Великий князь предложил крымскому хану три варианта союзного договора. Первые два «списка» носили общий характер, третий называет конкретных врагов — Ахмата и литовского короля. Союз против короля должен был носить наступательный и оборонительный характер и предусматривал одностороннюю помощь Русскому государству со стороны Крыма. Союз против Ахмата предлагался чисто оборонительный, зато двусторонний: в случае нападения Ахмата Русь и Крым обязывались прийти на помощь друг другу. В случае, если Менгли предложит прекратить обмен послами между Русским государством и Ордой, посол должен был заявить: «Осподаря моего отчина с ним на одном поле, а кочюет подле отчину осподаря моего еже лет; ино тому не мощно быть, чтобы межи их послом не ходити». Стало быть, великий князь считал опасность ордынского нашествия вполне реальной, но не хотел по своей инициативе окончательно порывать отношения с Ахматом. Не хотел он и подыгрывать Менгли, заинтересованному в русско-ордынском конфликте. Обращает на себя внимание и еще одна важная деталь — великий князь ни словом не упоминает о зависимости Руси от Орды. Они соседи — и только. Официальные переговоры с Крымом начались.

Но и с Ордой сохранялись дипломатические отношения. 7 июля 1474 г. в Москву возвратился русский посол Никифор Басенков, сын знаменитого воеводы времен Василия Темного. С ним, по обычаям того времени, приехал и посол Ахмата Кара-Кучюк в сопровождении огромной свиты и с богатыми товарами — одних лошадей на продажу было более 40 тысяч, да еще 3200 с товарами. Ахмат не был заинтересован в развитии конфронтации с Русью. Очевидно, что он, как и великий князь, хотел выиграть время. В обратный путь Кара-Кучюк отправился 19 ноября вместе с русским послом Дмитрием Лазаревым Станищевым.

13 ноября в Москву вернулся Никита Беклемишев и с ним крымский посол Довлетек-Мурза. 16 ноября

Довлетек, принятый великим князем, обратился к нему от имени хана с предложением о союзе. Но переговоры затянулись. Хан исключил из проекта договора статью о союзе против Казимира. Менгли был связан дружескими отношениями с королем и не хотел их терять. А великого князя мирный договор без статьи о совместном выступлении против Казимира не устраивал... Новый русский посол Алексей Иванович Старков, отправленный в Крым в марте 1475 г., должен был прямо заявить хану: «Лзя ли моему государю так делати? С сторону недруг его король, и с другую сторону учинится ему недруг царь Ахмат, и осподарю моему к которому недругу лицом стати?»[19] Риторический вопрос, поставленный в характерном для Ивана Васильевича стиле, свидетельствовал, что великий князь ясно понимал реальную опасность войны на два фронта. Борьба с Ахматом невозможна без соответствующего обеспечения против Казимира — в этом суть позиции русской стороны на переговорах с Крымом.

Но эти переговоры были внезапно прерваны. В Крыму произошел переворот. Менгли был свергнут и заточен в Манкупскую крепость, русский посол и его свита ограблены и «сами только своими головами» добрались до Москвы (да и то не все — «иных продали»). В июне в Крым вторглись войска османского султана Мохаммеда II. Выпущенный на волю Менгли вынужден был признать себя вассалом Турции.

Неудача переговоров с Крымом сразу отразилась на русско-ордынских отношениях. 21 октября в Москву «прибежал из Орды посол князя великого Дмитрий Лазарев»[20]. В Орде, очевидно, резко ухудшилось отношение к Руси и посла пытались задержать в качестве заложника. Обстановка складывалась тревожная. Угроза войны с Ордой становилась реальной.

Тем не менее 22 октября, на следующий день после прибытия Дмитрия Лазарева и через несколько дней после очередного московского пожара (в борьбе с которым великий князь «на всех нужных местах пристоял с многими людьми»), Иван Васильевич отправился «к Новугороду миром, и с людьми многими». По-видимому, он считал, что нападение Ахмата осенью и зимой едва ли вероятно. Это был не военный поход. Государь всея Руси впервые «миром» ехал в Новгород-

скую землю, свою «отчину», творить суд и управу над подданными. Псковский летописец отметил: «новгородцы, люди житии и моложьшии, сами его призвали на тые управы, на них насилье... посадники творили»[21].

Медленно двигался по новгородским дорогам великокняжеский поезд. На каждом стане к нему приходили «жалобники» — челобитчики. Подносили дары — «поминки»: бочки и мехи вина. Жаловались бояре, житьи люди, рядовые горожане, сельчане-смерды. Жаловались друг на друга, на жителей соседних улиц. Но больше всего жаловались на насилье и грабеж «сильных людей» — бояр и посадников. Во время длительного путешествия Иван Васильевич имел возможность войти в курс новгородских дел, воочию увидеть противоречия между своими новыми подданными.

А противоречия эти нарастали. Боярская олигархия, правившая Новгородом, не намерена была сдавать свои позиции. Перед самым «походом миром», в сентябре, «скопившася новгородские боярьские ключники, да вдарились в нощь разбоем со всею ратнею приправою» на псковскую волость Гостятино. Псковичам удалось отбиться — «иных побили, иных, руки поимав, повесили... а инии разбегли». Всего было повешено 65 чел.[22] Этот «наезд», обычный для боярского Новгорода, — характерная черта феодальной анархии. «Боярские ключники» нападали не только на соседей-псковичей. Новгородским горожанам и смердам было на что жаловаться.

Спустя месяц после выезда из Москвы, 21 ноября, великий князь прибыл на Городище — резиденцию великих князей на правом берегу Волхова, в трех километрах выше Новгорода. Началось «Городищенское стояние».

25 ноября Иван Васильевич принял депутацию двух новгородских улиц, Славковой и Микитиной, с жалобой на самого степенного посадника Василия Онаньина и на два десятка других посадников и бояр: они, «наехав... со многими людьми, на тысячу рублев взяли, а людей многих до смерти перебили». Впервые за всю историю вечевого города уличане жаловались великому князю на своих посадников, в том числе и степенных — формальных руководителей феодальной республики. Авторитет вечевых властей в глазах горожан уступил место авторитету государя всея Руси.

На следующий день, в воскресенье, состоялся первый в истории Новгорода великокняжеский суд над посадниками. Суд проходил по обычному ритуалу состязательного процесса. «Василий Онаньин посадник и с прочими написанными на них жалобы отвечать стали...» И великий князь «нача судити их, и суди их, и обыска проверил доказательства, да жалобников оправил. А тех всех, как находили, и били, и грабили — обвинил». Степенный посадник Василий Онаньин и еще три посадника и боярина были взяты под стражу. Прочие обвиняемые и обвиненные были отданы на поруки за полторы тысячи рублей.

Иван Васильевич убедительно продемонстрировал свое желание «обиденым управа дати». Феодальный порядок восторжествовал над феодальной анархией. А старая боярская республика получила в этот день, 26 ноября 1475 г., сокрушительный удар — может быть, более сильный, чем поражение на Шелони и унижение в Коростыни.

Напрасно госпóда во главе с архиепископом Феофилом «била челом» об освобождении четверых главных обвиняемых. «Ведомо тебе, богомольцу нашему, и всему Новугороду, отчине нашей, колико от тех бояр и наперед сего лиха чинилось, а нынеча, что ни есть лиха в нашей отчине, то все от них чинится»,— ответил архиепископу великий князь. И поставил риторический вопрос: «Ино како ми за то их лихо жаловати?» Нетрудно понять, что на этот вопрос «богомолец» не смог найти ответа. Бояре в оковах были отправлены в Москву.

Два месяца стоял Иван Васильевич на Городище, «управливая» свою «отчину», решая новгородские дела. Госпóда соревновалась в гостеприимстве. Почти каждый день был отмечен пирами у посадников и тысяцких, бояр, владыки, ответными пирами у великого князя. Но ни праздничная череда пиров, ни золотой дождь подарков ничего не меняли по существу. Боярская республика доживала последние месяцы.

23 января 1476 г. великий князь выехал с Городища и 8 февраля вернулся в свою столицу[23]. А 30 мая «приехоша к великому князю Ивану Васильевичу с Твери служити бояре и дети боярские». Летописец называет восьмерых из них, но прибавляет: «и иные мнози»[24].

Это было весьма важное и знаменательное событие. В Шелонской битве пали не только знамена Великого Новгорода. Поражение потерпела вся старая, удельная Русь. Рушились старые, традиционные феодальные связи, менялись привычные социальные перспективы и ориентиры. Наиболее дальновидные вассалы и слуги Михаила Борисовича Тверского стали переходить на службу к государю всея Руси. Тверское великое княжение начало разваливаться изнутри.

11 июля в Москву явился Бочюка — новый посол Ахмата. Как всегда, посла сопровождали большая свита и купцы с товарами. После прошлогоднего конфликта хан решил сделать шаг к примирению. Но миссия Бочюки носила особый характер» — он „приехал звать великого князя «ко царю в Орду»[25]. Это «приглашение» имело принципиальное политическое значение. Как известно, Иван Васильевич в отличие от всех своих предшественников на великокняжеском столе ни разу не ездил к хану — ни до, ни после вокняжения. Это было само по себе крупнейшим нарушением исконной традиции русско-ордынских отношений, означало, по существу, непризнание ханского сюзеренитета над Русью. И вот теперь Ахмат решил напомнить своему русскому «улуснику» о его подчиненном, зависимом от хана положении. Тому предшествовали крупные внешнеполитические успехи Ахмата. Он вторгся в Крым, разгромил Менгли-Гирея и поставил во главе Крымского ханства своего родича Джанибека. Победа над Крымом и его фактическое объединение с Ордой вдохновили Ахмата на предъявление достаточно жестких требований к Руси.

Почти два месяца провел Бочюка в Москве. Обратно в Орду он выехал вместе с русским послом Матвеем Бестужевым. Верный своей тактике, великий князь не отказывался от переговоров. Но о его поездке в Орду с изъявлением покорности хану не было и речи. 6 сентября 1476 г. жители столицы видели отъезд последнего ордынского посла...

В конце сентября в Москву приехал Амброджо Контарини. Венецианский посол к персидскому шаху Узун-Хасану возвращался домой через Русскую землю и пробыл в Москве около четырех месяцев. Записки о его путешествии, изданные несколько лет спустя в Венеции, дают уникальную возможность посмотреть

на Русь и ее государя глазами современника-итальянца[26]. Так, мы узнаем, что у великого князя «был обычай ежегодно посещать некоторые местности своей страны»: в 1476 г. его поездка заняла три месяца. Наблюдательный посол оставил описание «города Московии». Кремль показался ему деревянным — так много было деревянных заплат и вставок в старинных белокаменных стенах, а Москва — большим деревянным городом, раскинувшимся по обоим берегам реки и соединенным многими мостами.

Русская столица поразила Контарини обилием и дешевизной продовольствия — хлеба, мяса, птицы. Всю зиму эти товары продавались в лавках прямо на льду Москвы-реки. Здесь же продавались дрова и сено, устраивались конские бега и другие увеселения. Поразили венецианца и морозы, из-за которых русские, как ему показалось, «по девять месяцев в году не покидают своих жилищ». Контарини обратил внимание на размах русской торговли с Европой. Всю зиму в Москву приезжают купцы из Германии и Польши, скупая основной экспортный товар — меха.

Похвалив красоту русских, как женщин, так и мужчин, венецианец отметил их пристрастие к «напитку из меда с листьями хмеля». По мнению Контарини, знавшего толк в итальянских винах, «этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый». Заметил он и контроль государства над изготовлением «напитка» (имея в виду, надо думать, особую пошлину, взимавшуюся в казну).

Контарини оставил описание внешности Ивана Васильевича — единственное дошедшее до нас от видевших его современников: «Он высок, но худощав. Вообще он очень красивый человек».

Великий князь вернулся в Москву в конце декабря и еще два раза принял венецианца. Приезд в Москву Контарини, который, в сущности, оказался в России случайно — только потому, что Кафа (Феодосия), через которую должен был лежать его путь на родину, в июне 1475 г. была захвачена турками,— великий князь постарался использовать для укрепления русско-венецианских отношений.

До любознательного итальянца дошли слухи, что старший сын великого князя (Иван Иванович Молодой) «в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя

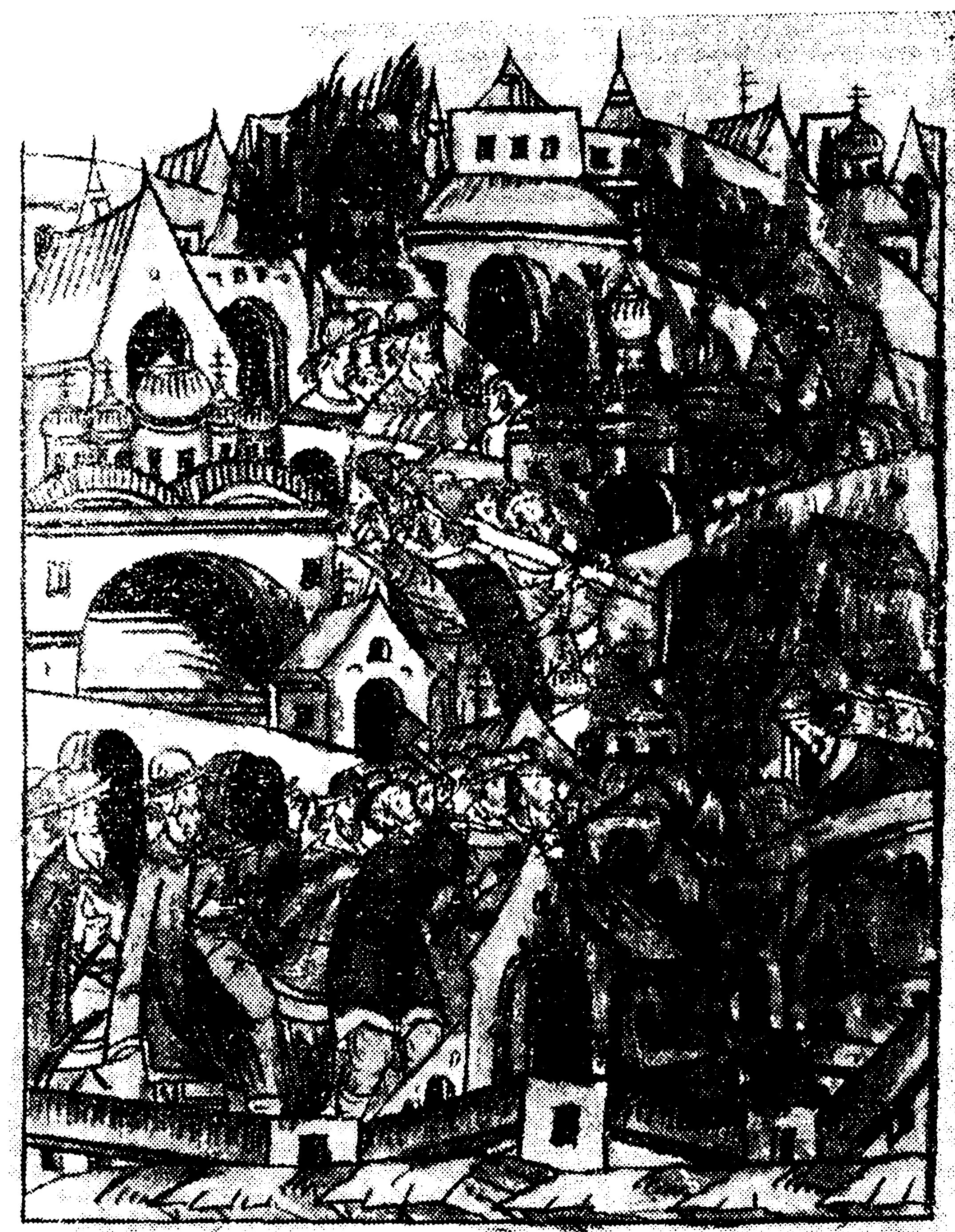
с деспиной» (по гречески — «госпожой», т. е. великой княгиней). Это первое свидетельство о конфликте в семье великого князя между сыном-наследником и мачехой, матерью возможного претендента (к этому времени, однако, у Софьи Фоминишны было только две дочери).

21 января 1477 г. Амброджо Контарини с назначенным для его сопровождения приставом покинул русскую столицу. Впервые в жизни венецианец ехал на санях, устройству которых искренне удивлялся. Путь по лесным дорогам «в сильнейшем холоде» вел через Вязьму и Смоленск, русские города в литовских руках, вглубь державы Ягеллонов.

Осень 1476 г. «суха была и студена», а затем ударили жестокие бесснежные морозы. Как всегда, то тут, то там в Москве вспыхивали пожары. Самый большой случился в ночь на 21 марта: загорелся двор князя Андрея Меньшого, а затем — его брата, старшего Андрея. После долгого великопостного стояния в церкви великий князь, его сын и «многие дети боярские» бросились тушить огонь, «разметывая» деревянные строения. Дворы обоих князей Андреев сгорели, но все остальные удалось отстоять от пламени.

А самые главные события этой зимы были связаны с Великим Новгородом. 23 февраля прибыл под стражей посадник Захарий Овинов «со многими новгородци, иным отвечивати, коих обидел, а на иных искати». Впервые суд по новгородским делам совершался не в родном городе, а в столице великого князя. Это было продолжение суда на Городище. По обледенелым дорогам неделю за неделей тянулись в Москву новгородские обидчики и «преобижении»: посадники Василий Микифоров, Иван Кузьмин и «иния мнози», и житьи люди, и поселяне, и черницы, и вдовы — «искати и отвечивати, многое их множество». Для Новгорода наступали новые времена. Летописец не забыл отметить «поселян» — жителей новгородских погостов, бесправных смердов. Боярской власти, власти вечевого города над огромной Новгородской землей приходил конец[27].

Под весну приехали на Москву Назар подвойский и вечевой дьяк Захарий. Они привезли великому князю предложение новгородцев: называть себя их «государем». «Наперед того, как и земля их стала, того не

Пожар в Кремле (*Лицевой свод*).

бывало — никоторого великого князя государем не называли, но господином».

За условной феодальной терминологией скрывались реальные политические явления. Термин «господин» означал власть и покровительство, но предполагал сохранение известной независимости у подвластных. Термин «государь» означал полную и безоговорочную власть. Признание великого князя «государем» над Новгородом было бы равнозначно концу феодальной республики.

24 апреля в Новгород отправились бояре Федор Давыдович Хромой и Иван Борисович Тучко Морозов в сопровождении дьяка Василия Долматова. Великий князь стремился к немедленной реализации предложения новгородцев. 18 мая московские делегаты прибыли в Новгород. На вече боярин Федор Давыдович изложил политическую платформу великого князя. Важнейший пункт ее — установление великокняжеского суда и управления: «по всем улицам седети князя великого тиунам».

На новгородском вече эти предложения вызвали бурю. Вече заявило, что послы в Москву были отправлены без его, веча, «веданья». Начались расправы с теми, кто, по подозрению новгородцев, «тую прелесть чинили». Боярина Василия Никифорова «приведоша на вече» — «переветниче, был ты у великого князя, а целовал еси ему крест на нас». Напрасно он объяснял, что «целовал крест» великому князю, не имея в виду измену Новгороду. Разъяренная толпа убила его и еще нескольких бояр, «обговоривших» друг друга. Предложение Москвы было категорически отвергнуто. С этим и вернулось посольство Федора Давыдовича, пробывшее в Новгороде шесть недель[28]. В Новгороде опять пришли к власти противники московской ориентации.

Что же произошло в действительности в эти решающие месяцы, с марта по июнь 1477 г.? В литературе на этот счет высказываются разные мнения. Но более или менее отчетливо вырисовываются два основных факта. Во-первых, мартовское посольство в Москву действительно имело место (некоторые исследователи это отрицают). В этом убеждает поведение самого новгородского веча — оно ведь не опровергало факта посольства, а только утверждало, что

не давало послам таких полномочий. Второй факт — послы в Москву действовали не по наказу веча, а по инициативе какой-то части новгородских бояр, скорее всего именно тех, которые стали впоследствии жертвой расправы.

Какую же цель могли преследовать бояре, приглашая великого князя стать «государем» в Новгороде? Наиболее правдоподобно выглядит такое объяснение — они хотели ценой перехода на службу великому князю сохранить свое положение и свои богатства.

Трудно назвать это поведение высокоморальным. Но понять его можно. Республика явно доживала последние дни. Суд на Городище и последующие суды в Москве не оставляли на этот счет ни малейшего сомнения. Часть бояр решила ускорить события. Они надеялись, что, получив предложение стать «государем» по инициативе бояр, великий князь согласится на сохранение основ новгородского порядка, а главное, боярских вотчин.

Но они ошибались. Сохранение могущества боярской олигархии было несовместимо с интересами Русского государства. Бояре не получили единодушной поддержки даже в рядах госпóды, далеко не изжившей еще литовские симпатии и державные амбиции. А в глазах веча бояре, перешедшие тайком на службу к великому князю, выглядели прямыми изменниками. Проект мирного, безболезненного для боярства включения Новгородской земли в состав Русского государства с сохранением прежней социально-политической структуры оказался не более чем утопией, реализация которой лишь ускорила неотвратимый конец.

Лето 1477 г. было тревожным. В Москве готовились к новому подходу на Новгород.

Война с ним стала неизбежной, и к ней готовились как в Новгороде, так и в Москве. Новгородцы пытались затянуть время, вступить в переговоры с великим князем — изгнав, однако, из города московских торговых людей: «много гостей прибегоша низовских и с товары из Новгорода во Псков, а инии поехали на Литву»... Пыталась господа и заключить союз с Псковом...

9 октября 1477 г. великий князь выступил в последний новгородский поход. Собственно, войны уже

не было. Новгородская рать заперлась в городе. Не встречая сопротивления, двигались московские полки по Новгородской земле. В последних числах ноября, пройдя по льду через Ильмень, они со всех сторон обложили Новгород. Сам великий князь встал 27 ноября на левом берегу Волхова, выше города, у Троицы на Паозерье. Здесь во время «Троицкого стояния» и начались длившиеся почти полтора месяца переговоры с новгородскими делегатами, предводительствуемыми архиепископом.

Новгородские делегаты стремились затянуть переговоры в надежде, что московские войска не смогут долго держать зимнюю осаду большого, хорошо укрепленного города. Первоначально спор шел по второстепенным вопросам. Но 7 декабря боярин князь Иван Юрьевич Патрикеев, глава московской делегации, сообщил окончательные требования великого князя: «Вече и колоколу в отчине нашей в Новегороде не быти. Посаднику не быти. А государство нам свое держати... А которые земли наши, великих князей, за вами, а то бы было наше».

Целую неделю обсуждали новгородцы требования великого князя. 14 декабря они привезли в ставку ответ с согласием на отказ от веча, колокола и посадника. Приговор вечевому строю был произнесен[29]. Но, уступив в наиболее важном для великого князя вопросе о политическом строе в Новгороде, т. е. согласившись на уравнивание с другими русскими землями, новгородские делегаты упорно добивались благоприятного решения главного для себя вопроса — о своих землях, водах, «животах» (имуществе), «позвах» (вызовах в суд на Москву), службах. Спор о вотчинах перерастал в торг.

Между тем обстановка в городе накалялась. Не хватало хлеба. От голода и скученности вспыхнула эпидемия — начался мор, а с ним и волнения в стане осажденных. «Иные хотящи битися с великим князем, а инии за великого князя хотяще задатися, а тех болши, котори задатися хотять за великого князя», — описывает эту картину псковский летописец[30]. «Всташа чернь на бояр и бояре на чернь». «Чернь» мужественно защищала родной город. Но она не хотела умирать ради сохранения боярами их вотчин. Под угрозой массового возмущения бояре согласились усту-

пить великому князю часть владычных и монастырских земель.

Под руку великого государя перешло несколько тысяч обеж (крестьянских участков), принадлежавших владыке и шести крупнейшим новгородским монастырям. Впервые со времен учреждения русской церкви великокняжеская власть пошла на конфискацию церковных имуществ, считавшихся неприкосновенными по правилам вселенских соборов, подтвержденным на Руси уставами Владимира Святого и Ярослава Мудрого. В интересах Русского государства Иван Васильевич нарушил традицию. Это был решительный, принципиальный шаг, имевший далеко идущие последствия. Бояре же ценой уступки монастырских и владычных земель сохранили свои вотчины.

Четверг, 15 января 1478 г. стал последним днем феодальной республики. Вече уже не собиралось. В город въехали московские бояре и дьяки. Во всех пяти новгородских концах целовали крест новгородцы: «и жены боярские, вдовы, люди боярские, старейшие люди и молодшие, от мала до велика».

Боярская республика пала, но за этим не последовало ни казней заложников, ни демонстративного унижения жителей, ни нарочитых грабежей и насилия над ними. Великий князь «града же пленити не повелел» — с новгородскими подданными, вчерашними врагами, запрещено было обращаться как с пленными [31].

Такое случалось в средние века не часто. В ноябре 1467 г. Карл Смелый, герцог Бургундский и могущественный соперник Людовика XI Французского, совсем иначе распорядился судьбой города Льежа, капитулировавшего перед ним. «К герцогу пришли 300 наиболее влиятельных горожан, в одних рубашках, босые, с непокрытыми головами, и принесли ключ от города, сдаваясь на его милость и ничего не требуя, кроме как избавления их от грабежей и пожарищ», — пишет современник. Герцог казнил взятых ранее заложников, казнил «городского гонца, которого сильно ненавидел», приказал снести городские башни и стены, отнял у горожан оружие и обложил их большим денежным побором. Через разрушенную стену, через засыпанный городской ров Карл как триумфатор вступил в поверженный, униженный город [32].

Разное поведение неистового Карла и хладнокровного Ивана Васильевича по отношению к побежденным горожанам объясняется не только чертами характера. Честолюбивый глава разношерстного и разноязычного конгломерата французских и имперских земель был до мозга костей средневековым государем. Он мечтал прежде всего о личной славе и власти. Неустрашимый в бою, суровый и нетерпимый к своим подданным, он выпрашивал королевскую корону у императора Фридриха III. Корона, а не страна владела его мечтами. Его русский современник был деятелем совсем другого масштаба. Он видел себя законным, наследственным государем всей Русской земли, и именно этим в первую очередь объясняется его политика в побежденном Новгороде.

Боярская республика пала, но остался Великий Новгород — крупнейший политический, торговый, культурный центр Русской земли, теперь прочно и навсегда связанный с новым государством. Восемь бояр, уличенных в измене (в том числе знаменитая Марфа Борецкая), под конвоем отправились в Москву, но горожане остались. В жизни огромного старого города наступила новая эпоха.

Началась перестройка всей системы управления Новгородской землей. Четыре наместника, назначенные великим князем, должны были теперь «всяки... дела судебны и земские правити по великого князя пошлинам и старинам». А владыке новгородскому предписывалось «опричь своего святительского суда... не вступатися ни во что же». Уничтожалась не только боярская олигархия — ликвидировалась политическая власть архиепископа, характерная черта вечевого строя Новгорода.

Новгородские бояре были объявлены изменниками. Вдумаемся в смысл этих слов. Ни Марфа Борецкая, ни ее единомышленники, пытавшиеся поднять Новгород на великого князя и предаться под власть Литвы, изменниками себя не считали. Они отстаивали «старину», свою «правду», которой веками жил их родной город. В эту переломную эпоху русской истории борьба шла не между добром и злом в их чистом виде, не между правдой и кривдой в их прямом, буквальном понимании, а между двумя правдами — старой и новой. В этом и заключалась подлинная трагедия эпо-

хи. Старая правда, новгородская удельная старина столкнулась с новой правдой — с необратимым ходом исторического процесса. В новом правовом сознании для старой правды не было места. Это новое сознание рождалось не умозрительным путем, а было осмыслением насущных, жизненно важных потребностей Русской земли. Старая правда была устремлена в глубь веков прошедших, новая — в череду будущих. Удельные князья и новгородские бояре были носителями старой «правды» — и в этом была безысходность их положения. В новом государстве они могли сохраниться, только потеряв свое старое и обретя новое социальное качество — приняв новую «правду» Русской земли. Для людей, преданных традициям, сделать это было не просто. Мучительная переоценка ценностей — почти неизбежный спутник великих поворотов истории.

17 февраля великий князь выехал в Москву, а за ним повезли вечевой колокол. Колокол «вознесли на колокольницю на площади... с прочими колоколы звонити». Как Новгород вошел в семью городов Русского государства, так и его вечевой колокол, вековой символ боярской республики, стал теперь на кремлевской площади, в сердце Русской земли, вместе с другими колоколами отбивать новое историческое время [33].

Наступила весна 1479 г. 25 марта произошло важное династическое событие — родился сын Василий, первый сын от нового брака. У великого князя был уже взрослый наследник — Иван Иванович, которому шел двадцать второй год. Иван Иванович оставался в глазах Русской земли молодым «великим князем», наследником государственной власти. Ему давались ответственные политические поручения, не раз он замещал в Москве отца во время его походов, и, по-видимому, пользовался полным доверием Ивана Васильевича (насколько это вообще возможно в феодальных монархиях, где конфликты между настоящим и будущим государями — далеко не редкое явление). Будущий Людовик XI интриговал против отца и был даже вынужден бежать от гнева Карла VII. Об Иване Ивановиче сведений подобного рода у нас нет. Как бы ни складывались его отношения с новой великой княгиней, вызывавшие, может быть, неудовольствие отца, он, по-видимому, никогда не был

в настоящей опале. Но с рождением Василия у него появился соперник. Династический вопрос, это проклятие феодальной монархии, стал усложняться.

По-прежнему наиболее важными были дела с Ордой. Ахмат достиг вершины своего могущества. В июне 1477 г. он обратился с посланием к грозному «повелителю правоверных» — султану Мохаммеду II, победителю Константинополя. Наряду с заверениями в дружбе и верности в послании содержалось многозначительное напоминание о том, что Ахмат — прямой наследник Чингис-хана. Стремление укрепить свою власть в Крыму в сочетании с великодержавными амбициями сделало невозможным соглашение Ахмата с Портой [34].

5 сентября 1477 г. в Крым, к ордынскому ставленнику Джанибеку, отправился Темеша-татарин, служивший великому князю. Он должен был прозондировать ситуацию и обещать Джанибеку опочив (убежище) в Русской земле в случае его изгнания из Крыма [35]. Русская дипломатия пользовалась любой возможностью, чтобы наладить и сохранить контакты с Крымом.

Ахмат значительно укрепил свою власть, одержав крупные победы в Средней Азии и на Северном Кавказе, но удержаться в Крыму ему не удалось. К весне 1479 г. Джанибек был изгнан и Менгли-Гирей, вассал турецкого султана, в третий раз взошел на ханский престол. Это важное поражение Орды открывало перспективу дальнейших русско-крымских переговоров. 30 апреля в Крым отправился толмач Иванча Белой, «паробок» великого князя. Предложение о возобновлении переговоров прозвучало и было принято. Но до союза Руси и Крыма было далеко [36].

Год 1479-й был тревожным. Вероятность большой войны с Ордой и Литвой нарастала. Ордынского посла Тагира принял король Казимир, литовский посол к Ахмату пан Стрет привел хана к присяге на верность союзу. Были установлены конкретные сроки нападения на Русь — весна 1480 г. В Литве начались военные приготовления; шел набор тяжеловооруженной конницы в Польше. Предполагалось выставить в поле 6—8 тыс. чел. во главе с опытными ротмистрами [37]. Над Русской землей собирались грозовые тучи.

Неспокойно было и внутри страны. Снова обострились отношения с удельными князьями-братьями. Великокняжеский наместник в пограничных и спорных с Литвой Великих Луках, князь Иван Владимирович Лыко Оболенский, вызвал возмущение жителей своим лихоимством. По жалобам лучан наместник был отозван и предстал перед судом великого князя. Это первый известный нам суд над наместником, высшим представителем местной администрации. И — что самое важное — Иван Васильевич полностью встал на сторону обиженных лучан. Бывший наместник должен был не только возместить все их убытки, но и выплатить большой штраф. По-видимому, тому в наместничьей практике не было прецедента. Во всяком случае, Лыко Оболенский счел себя оскорбленным и, используя традиционное «право отъезда» бояр и вольных слуг, перешел на службу к князю Борису Волоцкому. Великий князь усмотрел в этом неповиновение и приказал схватить наместника и привести его к себе. Но князь Борис встал на защиту своего нового вассала. Не помогла и дипломатическая миссия боярина Андрея Михайловича Плещеева — князь Борис стоял на своем: его вассала может судить и наказывать только он сам[38].

В деле Лыка Оболенского отчетливо проявилось столкновение нового государственного правопорядка со старой удельной традицией. Князь Борис был по-своему, несомненно, прав. Но прав был и великий князь. Наместник должен нести ответственность, а власть главы Русского государства должна простираться и на удельные княжества.

12 августа в Москве был торжественно освящен новый Успенский собор. На празднестве не было ни Андрея Углицкого, ни Бориса Волоцкого — отношения с ними были уже достаточно напряженными. Начался и конфликт с митрополитом. Поводом для него послужил обряд освящения собора. Митрополит Геронтий совершал крестный ход вокруг собора справа налево, как это всегда практиковалось. Но великий князь потребовал, чтобы крестный ход совершался по движению Солнца. Геронтий ссылался на старинные предания и на пример греческих монастырей. Иван Васильевич и его сторонник, архиепископ Ростовский Вассиан,

апеллировали к природному движению небесного светила.

Конфликт разгорался. Новые церкви в Москве стояли неосвященными, в том числе и церковь Иоанна Златоуста на посаде, любимое детище великого князя. Храм был посвящен памяти знаменитого константинопольского патриарха, талантливого проповедника, особенно чтимого на Руси. В день праздника Иоанна Златоуста, 27 января, был крещен и сам Иван Васильевич. Строя храм в честь своего покровителя именно на посаде, великий князь, несомненно, рассчитывал упрочить влияние на московский посад, на его многолюдное торгово-ремесленное население — основу экономического могущества столицы. Настоятеля этого едва ли не первого посадского каменного храма Иван Васильевич поставил старшим над всеми московскими церквами. Но крутой и властный митрополит отказывался освящать храм по-новому [39].

Дело было не в догматике. Дело было в том, что великий князь хотел подчинить церковь своей власти. Митрополит Геронтий помнил прошлогоднюю конфискацию земель новгородского владыки и монастырей. Тогда Иван Васильевич посягнул на церковное имущество, что само по себе можно было расценивать как святотатство. Теперь он вмешивался в саму церковную обрядность. Отношения между главой русской церкви и великим князем становились все хуже и хуже.

Крупный конфликт вспыхнул в Кирилловом Белозерском монастыре. Тамошние старцы во главе с игуменом Нифонтом отказались подчиняться ростовскому архиепископу Вассиану. Старцев поддержал белозерский князь Михаил Андреевич, для которого монастырь был не только источником доходов, но и сильным вассалом — союзником с большим нравственным авторитетом. И старцы, и князь ссылались на «старину» — монастырь всегда подчинялся власти белозерских князей. Митрополит Геронтий оказался на стороне удельного князя. Великий князь пригрозил церковным собором и низложением Геронтия. Только тогда митрополит пошел на уступки. Кириллов монастырь перешел в ведение архиепископа [40].

Все эти конфликты далеко не случайны. Феодальная церковь, институт консервативный по самой своей

природе, болезненно воспринимала усиление великокняжеской власти, установление великодержавных порядков, свое подчинение государственной власти. Насаждаемые Иваном Васильевичем порядки грозили не только имуществу, но и авторитету церковной иерархии. Оппозиция церковных верхов смыкалась с удельно-княжеской. Сторонники уходящей, но еще живой старины готовы были упорно отстаивать свои позиции.

Стояние на Угре

Как сообщает московский летописец, во вторник, 26 октября 1479 г. «князь великий Иван Васильевич всея Руси пошел в отчину свою в Великий Новгород миром». Прибыв в город 2 декабря, он остановился не на Городище, обычной своей резиденции, а в самом городе, в Славенском конце. Жители этого конца традиционно были наиболее лояльны по отношению к великокняжеской власти. Здесь он принял делегацию псковичей с обычными изъявлениями верности.

Решающие события развернулись позднее. 19 января 1480 г. великий князь «изыма архиепископа... в коромоле его». 24 января Феофил был под стражей отправлен в Москву и заточен в Чудовом монастыре. По сообщению Типографской литописи, ведшейся при дворе ростовского архиепископа, «не хотяще бо той владыка, чтобы Новгород был за великим князем, но за королем или за иным государем». Летописец объясняет и причину этой «коромолы»: «владыка нелюбие держаше» на великого князя «про то», что он «коли первые взял Новгород, тогда изыма у новгородского владыки половину волостей и сел, и у всех монастырей»[1]. В своей «коромоле» Феофил был не одинок. Летописи глухо сообщают и о других опалах.

В начале 70-х гг. Феофил, как мы знаем, возглавлял умеренную группировку новгородских бояр, стремившихся к компромиссу с Москвой. Но последующие события, и особенно грозное «Троицкое стояние», развеяли иллюзии этой части боярства. Великий князь хотел не соглашения с боярами, а полного их подчинения власти Русского государства, ликвидации их политического и экономического могущества. Особен-

ное значение в глазах архиепископа имела, конечно, конфискация церковных земель. Не приходится удивляться, что из сторонников великого князя Феофил со своими единомышленниками превратились в его врагов.

Взятие под стражу архиепископа сопровождалось конфискацией имущества Софийского дома. Речь шла не просто о наказании изменника. Речь шла об уничтожении особого значения и власти архиепископской кафедры в Новгороде — идейного центра боярской оппозиции. Борьба с олигархией не могла остановиться на полпути — она все больше перерастала в борьбу против ее социальных и экономических корней. В январе 1480 г., во время «Славенского стояния», в этой борьбе был сделан новый важный шаг.

Именно сведения о заговоре Феофила и его сторонников и были, вероятно, причиной, заставившей великого князя совершить новый «поход миром».

Феофил был еще на свободе, еще шел розыск о «коромоле», как произошли не менее важные события. 1 января «пригони изгоном немцы на крестном целовании, местеровы люди да арцбыскупли, да Вышегородок взяли». Впервые за семнадцать лет Орден напал на русские земли — началась его война против Пскова. Немцы сожгли городскую стену и церковь Бориса и Глеба, «а мужей и жен и деток малых мечи иссекли».

Под звон вечевого колокола «вольные мужи псковичи, отчина великого князя», стали собираться в поход на защиту Русской земли. 20 января орденские войска появились под стенами Гдова, осадили город и обстреляли его из пушек. Гдов взять им не удалось, но они сожгли посад и разорили волости.

В Новгород к великому князю помчались псковские гонцы с просьбой о помощи. Воевода князь Андрей Никитич Ноготь Оболенский во главе великокняжеских войск соединился с псковичами. Русские взяли укрепление Омовжу на Чудском озере (при устье р. Эмбах) и дошли до Юрьева. Однако, простояв под Юрьевом один день, московский воевода неожиданно для псковичей повернул обратно и быстро вывел свои войска из Псковской земли. Напрасно посылали псковичи ему вдогонку своих посадников «бити челом, чтобы воротился взад ко Пскову». Впервые за двад-

цать лет своего подчинения Москве Господин Псков оказался один на один с нарастающей орденской агрессией. 25 февраля ободренные немцы напали на Изборск[2]. Война на северо-западном рубеже Русской земли разгоралась.

Что же заставило русские войска прервать поход в орденские земли?

В самых первых числах февраля в Новгород пришло известие, что «князь Андрей Большой да князь Борис отступиша от великого князя». Начался феодальный мятеж братьев Ивана Васильевича. Поводом к открытому выступлению послужил захват Лыка Оболенского людьми великого князя. Считая себя оскорбленным, князь Борис обратился с посланием к старшему брату Андрею, «жалуяся на великого князя, что какову силу чинит над ними».

В изложении летописца послание Бориса содержит три основных положения: 1) великий князь не поделился с братьями ни уделом князя Юрия, ни Новгородской землей; 2) он «бессудно емлет» тех, кто «отъезжает» к удельным князьям; 3) он нарушает духовную отца, который писал, «по чему им жити», и докончания с братьями[3].

Упреки были вполне обоснованными. Действительно, Иван Васильевич, как мы видели, не считался со старой удельно-княжеской традицией — его политика государственного объединения Русской земли прямо противоречила этой традиции. В своем послании Андрею Большому князь Борис фактически сформулировал политическую программу консервативной удельно-княжеской оппозиции. Недовольство накапливалось давно. Эпизод с Лыком Оболенским был только искрой, попавшей в бочку с порохом.

Отправив княгиню с детьми и обозом во Ржев, князь Борис двинулся со своими силами к Угличу, на соединение с войсками старшего брата. В памяти русских людей встали страшные картины братоубийственной Шемякиной смуты. По зимним дорогам двигались тысячи вооруженных всадников — врагов Москвы. «Вси людие быша... в страсе велице... все городы быша во осадах, и по лесу бегаючи мнози мерли от студени»,— сообщает московский летописец. «Куда идоша, тые волости положиша пусты»,— вторит ему псковский, описывая зимний поход мятежных князей.

Силы их стягивались ко Ржеве, расположенной на кратчайшем пути к Твери, Новгороду и Литве.

Соперники Василия Темного, Юрий Звенигородский и его сыновья, вели борьбу за московский стол, опираясь главным образом на свои уделы. Но со времени Шемякиной смуты ушло целое поколение. Многое изменилось на Русской земле, превращавшейся в единое государство. Развились связи городов с Москвой. Усилилась великокняжеская власть. Окрепло сознание единства Русской земли. В этих условиях программа реставрации и сохранения удельных порядков не могла быть популярной в широких слоях русского народа. Показательно, что князья Андрей и Борис, в отличие от предшественников, не рассчитывали на поддержку жителей своих княжений. Их взгляды были устремлены на Новгород — оплот консервативной оппозиции. Мятежные князья тянулись к союзу с новгородскими боярами.

Узнав о начале мятежа, великий князь срочно выехал из Новгорода и 13 февраля прибыл в Москву. К мятежным князьям во Ржеву был отправлен с мирными предложениями боярин Андрей Михайлович Плещеев. Но посольство его потерпело неудачу. Князья пошли «вверх по Волзе к Новгородским волостям»[4].

Великий князь не отказался от попыток мирного разрешения конфликта. Вослед мятежникам был послан архиепископ Вассиан — наиболее близкий великому князю представитель высшей церковной иерархии. Он нагнал их в Молвятицах — до Новгорода князья прошли уже больше половины пути. Миссии Вассиана великий князь придавал большое значение. Архиепископ выступал как церковный пастырь, и князья не отказались от переговоров. Они послали в Москву своих бояр. Но не отказались они и от продолжения своего мятежа.

Расчеты братьев на поддержку Новгорода оказались пустыми. С раскрытием «коромолы» в Новгороде город этот перестал быть для них серьезной опорой. В Молвятицах они круто изменили маршрут своего движения — повернули к литовскому рубежу и встали на самой границе, в Великих Луках. Отсюда они «к королю послали, чтобы их управил в их обидах с великим князем и помогал».

Мятеж достиг своего эпогея. Идя по Русской земле, отряды князей Андрея и Бориса вели себя в соответствии с моралью феодальной анархии: «грабише и плениша, токмо мечи не секоша»[5].

Самым опасным было обращение мятежных князей к королю Казимиру. По существу, это был открытый призыв к интервенции против Русского государства. Но в то же время братья действуют в рамках феодального права: ведь в духовной их отца было прямо сказано, что Казимир должен «печаловатися» о детях Василия Темного.

Король Казимир формально оставался «печальником», хотя на протяжении многих лет неизменно выступал против интересов Русской земли и ее великого князя: вступил в союз с новгородскими боярами и готов был включить Новгородскую землю в свою державу; вел переговоры с Ахматом, поднимая его на Русь.

С точки зрения феодальной традиции князья были вправе апеллировать к своему зарубежному «печальнику». В отношении Русского государства обращение за помощью к враждебному иноземному государю было прямой изменой. Снова и снова болезненно сталкивались две системы ценностей, два правосознания — государственное и удельное. От результатов этого столкновения зависела судьба русского народа и всей страны.

Князья Андрей и Борис, видимо, твердо решили добиться восстановления своих старинных прав. Пребывание в Великих Луках давало им возможность быстро соединиться с войсками короля, а в худшем случае, перейдя границу, встать под его защиту. Мятеж грозил перерасти в международный конфликт.

В последних числах марта архиепископ Вассиан и бояре мятежных князей прибыли в Москву. Переговоры начались.

Наступила весна. Немцы подходили к самому Пскову, обстреливали и жгли его «пригороды». Они захватили и сожгли городок Кобылий на берегу Чудского озера. Уцелевших жителей во главе с местным посадником орденские люди «живых поимавше, с собою сведоша, немилостивно извязавше»[6].

На этот раз псковичи вынуждены были обходиться своими силами: великий князь оставался глух к их призывам о помощи. Войска были нужны на запад-

ном рубеже — против мятежных князей, на случай выступления короля. Войска были нужны и на южном рубеже, на Берегу — против нарастающей угрозы со стороны Ахмата. Между тем приближалось лето — наиболее благоприятное время для нашествия.

16 апреля в Крым отправился новый русский посол, князь Иван Иванович Звенец Звенигородский. Он имел полномочия заключить двусторонний оборонительный договор против Ахмата и односторонний оборонительно-наступательный против Казимира в основном на тех же началах, которые были сформулированы великим князем еще шесть лет назад. Но посольский наказ князя Ивана Звенца содержал и новое положение: «А учинится тамо весть князю Ивану Звенцу, что Ахмат царь на сей стороне Волги, а покочюет под Русь, и хотя ярлыка еще не даст Менгли-Гирей царь, ино князю Ивану о том говорити царю Менгли-Гирею, чтобы... на Ахмата царя пошол или брата своего отпустил с своими людми... а не пойдет Менгли-Гирей царь и брата с людми не отпустит на Орду, ино о том говорити, чтобы на Литовскую землю пошол, или брата отпустил с людми». Если же «будет Ахмат царь за Волгою», посол не должен делать такого заявления[7].

До Москвы дошли слухи о готовящемся нападении Ахмата, но великий князь еще не имел точных сведений о его местонахождении и намерениях. Тем не менее он считал опасность вторжения Ахмата вполне реальной. Именно поэтому посол должен был потребовать от Менгли немедленной помощи против Ахмата в случае его приближения к русским границам, не дожидаясь формального заключения союзного договора. Помощь эта мыслилась в двух возможных вариантах — выступление Крыма против самой Орды или против Казимира. Великий князь понимал, что медлить нельзя.

Менгли-Гирей знал, без сомнения, о переговорах Ахмата с Казимиром. Дружбу с королем хану терять не хотелось, но ненависть к Ахмату и страх перед ним оказались сильнее. Князю Ивану Звенцу Звенигородскому удалось заключить союзный договор с Крымом — одно из важнейших международных соглашений Русского государства, определившее русско-крымские отношения на много десятков лет вперед.

Тем временем на Москве продолжались попытки добиться соглашения с мятежными князьями. Переговоры с их боярами не привели ни к чему. 27 апреля великий князь отправляет в Великие Луки новое посольство. Вместе с архиепископом поехали бояре Василий Федорович Образец и Василий Борисович Тучко Морозов и дьяк Василий Мамырев. С князьями необходимо было договориться как можно скорее, до начала широких военных действий на юге.

Как и следовало ожидать, у мятежных князей нашлись «печальники» на Москве. В защиту их выступила великая княгиня Мария Ярославна — к этому времени уже «инока Марфа». Постригшись в кремлевском Вознесенском монастыре, великая княгиня продолжала сохранять связь с «миром». По словам летописца, она «вельми любяше» князя Андрея Большого. Это понять можно — ведь он родился в углицком заточении, в самый трудный и, казалось, безысходный период жизни Марии Ярославны, когда она, великая княгиня, оказалась женой бесправного слепого узника. Но, может быть, еще важнее другое. Старая великая княгиня в силу самого своего возраста и воспоминаний сочувствовала уходящей «старине». Привычные категории, за которые держались мятежные братья, были ей ближе и понятнее, чем новое государственное мышление старшего сына. Во всяком случае, «инока Марфа», сочувствуя всем своим сыновьям, пыталась выступить посредницей между великим князем и его братьями, вела с ними самостоятельные переговоры. Обращались князья и к митрополиту Геронтию.

Новое, третье по счету, посольство великого князя везло братьям предложение серьезных территориальных уступок. Андрею великий князь обещал дать «Колугу да Олексин, два города на Оке». Это был хорошо продуманный ход. Оба города — на южном рубеже, на направлении вероятного удара Ахмата. Принятие этого предложения превращало Андрея из врага великого князя в его союзника — ему пришлось бы защищать свой новый удел от ордынцев.

Нелегок был путь послов по весенней распутице. Только 20 мая прибыли они в Великие Луки. Уступки великого князя были, действительно, большими. Но они не носили принципиального характера — не касались основ межкняжеских отношений, ради которых

подняли мятеж князья Андрей и Борис. Продолжались их переговоры с королем. Правда, осторожный Казимир в военной помощи отказал, но дал «княгиням их на избылище» город Витебск. Тылы мятежных князей были теперь обеспечены — их жены и дети находились под защитой короля. Это развязывало руки для дальнейшей борьбы. Предложения великого князя были отвергнуты. Третье посольство вернулось в Москву ни с чем. Дальнейшие уступки были нецелесообразны — они могли создать у мятежников представление о слабости великого князя и укрепить их уверенность в себе. Переговоры прервались[8].

Разрыв переговоров с князьями совпал по времени с получением первых известий о начале похода Ахмата. На Русь двинулся самый страшный, самый грозный ее враг.

Ахмат, как человек не только честолюбивый, но и умный, осторожный, много лет готовился к этому походу. Своими победами он снова поднял могущество Орды. Но походы на восток, на юг и в Крым были только подготовкой к главному делу Ахмата. Он ставил своей задачей полностью восстановить власть Орды над Русью, возродить времена Батыя, преемником которого (и с полным основанием) он себя считал.

Давно уже во главе Орды не стоял деятель такого масштаба. Политический кругозор Ахмата был широк — он вел переговоры даже с Венецией. О его полководческих дарованиях можно судить по победам над узбекским ханом Хайдером и над Менгли-Гиреем. Ахмат, без сомнения, не был склонен к авантюризму и к неоправданному риску.

Основным недостатком Ахмата как государственного деятеля было отсутствие политической перспективы. Его программа носила чисто консервативный характер. Он мечтал о восстановлении империи Чингизидов на прежних, изживших себя основаниях. Но это и не могло быть иначе. Наследник Чингис-хана и Батыя, Ахмат был носителем традиции архаической кочевой империи, хищнической по самой своей природе, с примитивной экономикой, неспособной к восприятию явлений Нового времени. В своем лице Ахмат воплощал уходящий в прошлое идеал власти, основанной на жестком, грубом диктате над многоязычными народами Востока.

Тем не менее Ахмат был очень силен и достаточно искусен как политик. Ему удалось заключить союз с королем Казимиром, чему он придавал, по-видимому, особое значение. Еще в 1472 г. в переговорах с венецианским сенатом по поводу союза против Османской империи Ахмат заявлял, что может выставить в поле 200 тыс. всадников. И это было, похоже, правдой. За счет покорения народов Средней Азии и Северного Кавказа, завоевания Астрахани мощь Ахмата еще усилилась. Весной 1480 г. Ахмат поднял в поход на Русь всю Большую Орду, собрал все силы своей огромной, все еще грозной империи.

Момент для нашествия на Русь Ахмат выбрал чрезвычайно удачно. Все как будто складывалось в его пользу. На северо-западе Русь воевала с Орденом. Феодальный мятеж ослаблял силы Русского государства. Некоторые летописцы даже прямо связывают окончательное решение Ахмата о походе с получением известия об этом мятеже. С Крымом у Руси еще только шли переговоры, а союз Ахмата с королем был уже фактом. Да и сам Казимир обладал гораздо большими политическими и военными возможностями, чем непрочно сидевший на своем престоле вассал турецкого султана.

Медленно двигалась Большая Орда по Дикому Полю. Ахмат не рассчитывал на эффект внезапности. Большее значение он придавал совместным действиям всех антирусских сил, своему союзу с Казимиром.

В конце мая — начале июня началось развертывание русских войск на окском рубеже. 8 июня в поход выступил великий князь Иван Молодой — видимо, с достаточно крупными силами, раз во главе их был поставлен второй человек государства.

Нелегко было определить направление главного удара Ахмата. Ордынцы разорили волость Беспугу между Калугой и Серпуховом. Но это было не более чем демонстрацией. Хан с главными силами медленно поднимался вверх по берегам Дона. После долгой зимы конница нуждалась в сочных степных пастбищах. На берегах Оки были пока только стычки передовых отрядов.

В воскресенье 23 июля в поход из Москвы к Коломне выступили главные силы русских под предводительством самого великого князя[9].

Между тем агрессия Ордена на северо-западе достигла своего апогея. Ливонские хронисты утверждают, что ни один магистр никогда не собирал такого большого войска, как Бернд фон дер Борх,— у него, по их словам, было 100 тыс. чел. 18 августа он появился под Изборском и обстрелял его из орудий, а затем, оставив осажденный город в тылу, магистр 20 августа подошел ко Пскову и встал лагерем по всему Завеличью. Впервые за много десятков лет псковичи видели огромное войско перед стенами своего города (последний раз немцы стояли под Псковом три дня в 1370 г., а в августе 1393 г. под городом восемь дней стояла новгородская рать). Несколько десятков шнек (парусно-гребные суда), пройдя из озера по р. Великой, подвезли немцам «множество ратного запаса, и хлебов, и пива». Началась бомбардировка города из артиллерийских орудий. Не все сохранили достаточную стойкость, оказавшись впервые под артиллерийским огнем. Наместник князь Василий Шуйский и посадник Филипп Пукишев пытались бежать из города. Но большинство псковичей готовилось мужественно и стойко отразить врага.

Пользуясь благоприятным ветром, немцы попытались применить брандеры: собрав по Завеличью «древка и жердье и солому», они сложили горючий материал в два «учапа», полили смолой, зажгли и пустили по ветру на псковскую сторону. Под прикрытием артиллерийского огня и пылающих брандеров началось форсирование Великой. Посадив в каждую шнеку по сотне и более воинов, немцы переплыли реку ниже крепости, в Запсковье, на участке между церквами святого Лазаря и Спаса в Логу (Надолбине), и попытались выйти на берег. Однако псковичи не допустили этого. Бросая с крепостных стен камни, они секирами и мечами отбили немецкий десант, захватили одну шнеку и заставили остальные повернуть обратно[10].

Согласно Псковской летописи, немцы «начаша скоро скручатися, и дождавше нощи побегоша... а шнеки своя пометавше». Все три псковские летописи сообщают, что магистр стоял под городом пять дней. Штурм, таким образом, состоялся 25 августа, и в ночь после него магистр отошел от города.

Псков устоял. Это было поражением магистра. Но война продолжалась. Основное преимущество немцев заключалось в сильной коннице. Это позволяло им практически безнаказанно нападать на города и волости Псковской земли.

Не получая помощи от великого князя, псковичи обратились к князьям Андрею и Борису, все еще стоявшим в Великих Луках, с просьбой, «абы мстили поганым немцам крови христианские». 3 сентября князья прибыли во Псков. Но прежде чем идти в поход на немцев, они потребовали, чтобы псковичи предоставили убежище их женам. Реально это означало ни больше, ни меньше, как превращение Пскова в политическую базу феодального мятежа, как это случилось с Новгородом, принявшим зимой 1450 г. беглого Шемяку, разбитого под Галичем.

Псковичи оказались перед нелегким выбором. Они нуждались в помощи княжеской конницы, но помнили ветхозаветное изречение: «Врага царского аще кто хранит, супостат ему есть» — и понимали, что по отношению к великому князю Андрей и Борис «аще и братия ему, но супостаты ему бяша». «Много думавше», псковичи отказались от условий, предложенных князьями: «Не хощем двема работати, но хощем единого осподаря держатися, великого князя». Как и в других эпизодах феодального мятежа, центростремительные тенденции Русской земли оказались сильнее центробежных. Крепнущее сознание единства страны брало верх над локальными, частными интересами.

После десятидневных переговоров князья «разгневавшеся поехаша из града». По всем псковским волостям они распустили своих людей, которых, по словам летописца, было до десяти тысяч. Княжеские люди повели себя «аки неверньни». Они грабили церкви, бесчинствовали над населением, «а от скота не оставиша ни куряти». Князья показали себя на деле сторонниками феодальной анархии, той самой «старины», под знаменем которой они подняли мятеж. Только получив с псковичей и пригородов большой выкуп, они покинули разоренную Псковскую землю и «отъидоша в Новгородскую со многим вредом»[11].

Приближалась осень. Уже несколько месяцев стояли русские войска в полной боевой готовности на Оке, наблюдая на противоположном берегу татарские

разъезды. Ахмат прощупывал оборону русских. Убедившись в ее прочности, в том, что весь левый берег надежно прикрыт русскими войсками, хан решил предпринять обходной маневр. В последних числах сентября он двинулся «со всеми своими силами мимо Мценеск, Любутеск и Одоев» к тому месту, где в Оку впадает Угра. Маневр Ахмата выводил его во фланг русским войскам. Угра, узкая и извилистая, изобилующая бродами, не являлась сама по себе сильным оборонительным рубежом в отличие от полноводной Оки. Угра протекала по границе Русского государства и Великого княжества Литовского. На правом ее берегу находились земли русских княжеств, вассально зависимых от короля Казимира. В этом районе, довольно густонаселенном, Ахмат мог снабжать свое войско за счет местного населения, т. е., попросту говоря, за счет грабежей. Здесь он мог рассчитывать соединиться с войсками короля Казимира. Но самое главное — Ахмат мог прорвать здесь, на самом слабом, уязвимом участке, оборонительную линию русских войск и вторгнуться в глубину Русской земли.

Движение Ахмата к Угре не осталось незамеченным для русских. Иван Молодой и князь Андрей Меньшой получили распоряжение великого князя идти к Калуге, к устью Угры.

30 сентября, впервые за два месяца, великий князь приехал в Москву. В столице состоялось совещание — «совет и дума». Присутствовали дядя великого князя, Михаил Андреевич Верейский, все бояре, митрополит и епископы. На этом совещании высших представителей светской и церковной власти и были приняты важнейшие решения, связанные с борьбой против Ахмата. По словам летописца, бояре и епископы «молиша» великого князя «великим молением, чтобы крепко стоял за православное хрестьянство против бесерменству». В трудную для Руси годину светские и церковные власти, даже оппозиционный митрополит Геронтий, оказали поддержку политике великого князя.

Было принято решение простить мятежных братьев и призвать их на защиту южного рубежа. Князья уже и сами понимали, что их предприятие не удалось. Ни у кого на Русской земле они не нашли поддержки. В разоренных ими самими Великих Луках было боль-

ше нечего делать. Псков отказал им в убежище. Теперь они охотно согласились на предложения великого князя, который обещал им территориальные уступки. Но главное было обеспечить защиту против Ахмата. Князья двинулись со своими войсками на юг. Феодальный мятеж окончился[12].

Выход главных сил хана к Угре и возможность форсирования ее создавали прямую угрозу Москве. Ордынская конница с берегов Угры в три-четыре перехода могла достигнуть столицы. Иван Васильевич помнил, как тридцать лет назад татарские всадники под водительством Мазовши внезапно появились перед стенами столицы. Помнил он и опыт Алексина, погибшего со всеми своими жителями. На этот раз оборона Москвы и всей Русской земли была организована совсем по-другому.

Заранее была эвакуирована и сожжена Кашира. Этот городок на правом берегу Оки было невозможно эффективно защищать от ордынцев. Эвакуировали и некоторые другие города. Перейдя Угру (а это было сравнительно нетрудно сделать), татарские всадники могли рассыпаться по Русской земле, предавая все мечу и пламени. Опять запылали бы города и села. Независимо от хода дальнейших событий Русская земля была бы снова разорена. Чтобы спасти самих людей, население городов переводилось под защиту крепостных стен. Как всегда, множество людей скапливалось в самой Москве. Но и столица далеко не чувствовала себя в безопасности.

Из Москвы на Белоозеро отправлялась государственная казна и семья великого князя. Старуха великая княгиня Мария Ярославна (инока Марфа) отказалась от эвакуации и осталась в Москве. Во главе обороны столицы встал боярин князь Иван Юрьевич Патрикеев. Было принято важнейшее решение — об эвакуации московского посада.

Тридцать лет не было врагов под стенами Москвы. Выросло целое поколение русских людей, ни разу не видевших ордынцев на своей земле. Во многих тысячах дворов московского посада жила самая трудолюбивая, энергичная и предприимчивая часть жителей столицы. Но опасность была реальной. Дворы следовало оставить и сжечь, все имущество перенести под защиту кремлевских стен[13].

Поднялся глухой ропот. Неохотно расставались посадские люди, торговцы и ремесленники со своими домами. Но другого выхода не существовало. Москву необходимо было привести в полную боевую готовность на случай внезапного появления врага.

По словам одного из летописцев, среди посадских раздавались упреки в адрес великого князя. Недовольство горожан вполне понятно. Но следует помнить, что летописец — не беспристрастный фиксатор событий. Человек своего времени, он имеет свою политическую позицию, отстаивает близкие ему идеи. Автор рассказа (в составе Софийской и Львовской летописей) отражал настроения удельно-княжеских кругов, враждебных к великому князю и его политике. Эти круги стремились представить главу Русского государства в возможно более невыгодном свете. Поэтому к сообщениям этого летописца надо относиться с большой осторожностью, тем более что они далеко не всегда подтверждаются другими источниками, а иногда и прямо противоречат им.

Противоречит всем другим источникам известие софийско-львовского летописца (некоторые исследователи считают его представителем духовенства Успенского собора) о том, что Иван Васильевич провел в Москве целых две недели, живя в загородном сельце Красном, якобы из страха перед посадскими людьми. По словам этого летописца, только ростовский архиепископ Вассиан смог уговорить Ивана Васильевича отправиться наконец к своим войскам. Этот же летописец рассказывает, что старый архиепископ прямо обвинял великого князя в трусости и даже выражал готовность взять на себя командование войсками.

Все это весьма далеко от действительности. Что пером летописца движут политические страсти, утверждал (и доказывал) великий русский ученый, создатель научного летописеведения А. А. Шахматов. Конечно, связь летописца с политикой далеко не была такой прямой и однозначной, как иногда считают. Но и игнорировать эту связь тоже никак нельзя. В данном случае тенденциозность софийско-львовского (или успенского) летописца очевидна. Сохранилось «Послание на Угру» архиепископа Вассиана. В нем он обращается к великому князю с призывом мужественно стоять за Русскую землю, брать пример с

Игоря и Святослава, Владимира Мономаха и особенно Дмитрия Донского. Архиепископ бичует «злых советников» (не называя их по именам), которые рекомендуют смирение перед Ахматом и советуют великому князю бежать в чужие земли. Послание — образец церковного красноречия, свидетельствующий об уме, образованности и патриотизме автора. Но Вассиан нигде не противопоставляет себя великому князю. Самое главное — «Послание...», как видно из его текста, было написано после того, как в Москву пришли известия о первых боях с Ахматом на Угре. Ивана Васильевича в это время в Москве уже не было. «Уговаривать» его поехать к своим войскам не пришлось.

По данным Московской летописи, великий князь выехал из столицы 3 октября. Владимирский летописец (основанный частично на официальных документах типа разрядных записей) сообщает, что 11 октября войско, приведенное Иваном Васильевичем, было уже на Угре. Этим косвенно подтверждается известие Московской летописи — 150 км до Угры по размытым осенним дорогам пехота, набранная в Москве, могла пройти не менее чем за неделю и даже конница — не менее чем за 3—4 дня. Значит, о двух неделях (до 14 октября), якобы проведенных в Москве великим князем, не может быть и речи.

Весьма сомнителен рассказ того же успенского (или софийско-львовского) летописца о том, что великий князь, велев приехать в Москву Ивану Молодому, в ответ услышал гордый ответ своего наследника: «Леть ми здесь умерети, нежели к отцу ехати». Распоряжение приехать в Москву на совещание вполне могло иметь место; возможен и отказ Ивана Молодого, ждавшего со дня на день появления Ахмата. Но акцент известия, форма ответа и главное — подчеркивание «конфликта» между великим князем и его наследником не могут быть ничем иным, кроме как творчеством враждебного Ивану Васильевичу консервативного летописца. Ни в каких других источниках про это ничего нет [14].

На рассвете 6 октября русские на Угре впервые увидели войска Ахмата. Сам хан с главными силами подошел на два дня позже. Начались бои на Угре.

Хан пытался форсировать реку в нижнем ее тече-

нии, близ г. Воротынска. Угра здесь течет в широкой пойме, удобной для развертывания кавалерии. (До наших дней сохранилась дер. Якшуново, где, по местным преданиям, находилась ставка Ахмата.) Но напрасно устремлялись ордынские всадники к бродам. Они встречали организованное и решительное сопротивление русских войск.

Впервые на поле сражения загремели русские пищали (легкие полевые орудия). Артиллерийский огонь и тучи стрел с русского берега заставили ордынскую конницу остановиться. Четыре дня (с 8 по 11 октября) шли бои за переправы. Русская оборона оказалась непреодолимой. Орда была отбита от бродов. Попытка форсирования Угры закончилась неудачей. На четвертый день, 11 октября, подошли свежие русские силы, приведенные из Москвы великим князем. Ахмат прекратил атаки и перешел к обороне. Началось «стояние на Угре»[15].

По свидетельству летописных источников, это стояние вовсе не было тихим и мирным, как это часто изображается в литературе. Решалась судьба Русской земли. Осенние дни и долгие, холодные ночи были наполнены непрерывным напряженным ожиданием вражеских атак. Через узкую Угру летели стрелы, ядра русских пищалей. То тут, то там ордынцы пытались перейти реку. Особенно решительную попытку они предприняли в Опакове, недалеко от теперешнего г. Юхнова, в 60 км выше устья Угры. В этом месте река делает крутой поворот, высокий правый берег нависает над левым. Конница, собранная на правом берегу, может быстро переправиться через узкую реку. Но и эта попытка была отбита русскими. Они прочно держали оборону по всему фронту[16].

Ставка великого князя находилась в Кременце. Кременец (сейчас рабочий поселок Кременск) расположен на высоком обрывистом берегу р. Лужи, среди покатых холмов, окруженных лесом. Пятьсот лет назад леса были, надо полагать, еще гуще. Лесистая местность весьма неблагоприятна для конницы. На берегу Лужи до сих пор можно видеть четырехугольное городище почти правильной формы — может быть, остаток древних укреплений. Кременец — Опаков — Калуга образуют треугольник со сторонами по 60—

Русские пищали на Угре (*Лицевой свод*)

70 км. Гонец с любого места внутри треугольника может достигнуть Кременца менее чем за сутки.

Сама р. Лужа, впадающая в Протву справа и ниже Кременца, образует вместе с ней естественный оборонительный рубеж на юго-западном направлении от Москвы, являясь по отношению к Угре второй оборонительной линией. Занятие этой позиции в тылу войск, развернутых на Угре, обеспечивает надежную связь с ними и прикрывает путь на Москву в случае прорыва ордынских отрядов через реку. Кременецкая позиция занимает фланговое положение на дороге Вя́зьма — Москва, вероятном пути вторжения литовцев, и, находясь в двух-трех переходах от нее, позволяет быстро выдвинуться на эту дорогу. Достоинства Кременецкой позиции были впоследствии высоко оценены историками (А. Е. Пресняков, К. В. Базилевич, В. В. Каргалов, польский ученый Ф. Папэ). Выбор этой позиции свидетельствует о здравом стратегическом мышлении. Главное командование русских войск было на высоте. Находясь в Кременце, великий князь мог реально осуществлять управление своими войсками.

Перестрелка через реку продолжалась. Со дня на день могли подойти силы князей Андрея и Бориса. Приближалась зима — время, вообще говоря, неблагоприятное для татарской конницы. Хотя успешные зимние походы ордынцев случались и зимой (нашествие Батыя в 1237—1238 гг. и поход Едигея в 1408 г.), татары предпочитали, как правило, действовать летом. Не ясна была позиция короля Казимира. Неясно было, что предпримет союзник Руси хан Менгли-Гирей. Чем дольше стояли ордынцы на Угре, тем меньше у них было шансов на победу.

Великий князь решил вступить в переговоры с Ахматом. Иван Молодой и Андрей Меньшой в этом его поддержали. К хану отправился Иван Федорович Товарков-Пушкин.

Ход переговоров освещен в Софийско-Львовской и Вологодско-Пермской летописях. О переговорах (в общей форме) пишет в своем «Послании» и архиепископ Вассиан. Расходясь в деталях, эти источники все же позволяют установить некоторые весьма интересные факты.

Русские предложения носили общий, неконкретный характер — хану предлагалось прекратить военные действия. Ахмат в принципе отнюдь не отказался от переговоров. Сначала он потребовал прибытия великого князя, изъявления его покорности. По словам хана, именно отсутствие этой покорности заставило его, Ахмата, начать войну. Вторая причина его похода, как он формулировал,— невыплата дани («выходу не дает девятый год»). Эти требования были отвергнуты русской стороной. Хан тогда потребовал присылки сына или брата великого князя. Ему отказали и в этом. Наконец Ахмат согласился вести переговоры с обыкновенным послом, но захотел, чтобы таким послом был Никифор Федорович Басенков. Не получил хан удовлетворения и этой, казалось бы, весьма скромной просьбы.

Русские, очевидно, вовсе не рассчитывали на соглашение с Ахматом, да на это и трудно было рассчитывать — непримиримы были интересы Руси и Орды. Ведя переговоры, русские стремились только прозондировать почву и по возможности затянуть время. И то, и другое удалось. Великий князь понял, что Ахмат совсем не уверен в своей силе [17].

Тем временем подошли войска удельных князей. Менгли-Гирей послал отряд для нападения на южную окраину владений Казимира. Правда, татары тут же извинились перед королем. Но дело было сделано. Может быть, из-за нападения отряда Менгли, может быть, из-за глухого сопротивления своих многочисленных русских подданных, населявших обширные приграничные пространства, может быть, из-за того, что недалеко от дороги из Вязьмы на Москву стояла мощная, готовая к бою русская рать, король Казимир не выступил против Руси.

Октябрь кончался. Зима была необычно ранняя. Ударили морозы. Реки стали покрываться льдом. Угра перестала быть препятствием для ордынцев — тонкую ниточку замерзшей реки их конница могла пересечь в любом месте. Иван Васильевич приказал главным силам сосредоточиться на Кременецкой позиции — отсюда удобно было двинуть их в любой пункт на Угре в случае перехода ее татарами. На самом берегу реки были, очевидно, оставлены сторожевые дозоры.

Морозы усиливались. По крепкому льду ордынцы могли легко перейти не только Угру, но и широкую Оку. Великий князь отдал распоряжение отойти еще на один переход, к Боровску. Боровск — на правом берегу Протвы, на холмах с хорошим обзором. Лесистая местность около Боровска крайне неблагоприятна для действий конницы. Русские войска выходили на позицию «как мощно бы стати против безбожного царя Ахмата». Но главное — Боровск перекрывал пути не только от Угры, но и от Оки. Из него можно быстро выдвинуться на среднее течение Оки, между Калугой и Серпуховом [18].

Но, как это нередко бывает на войне, случилось непредвиденное. Орда стала быстро отступать по всему фронту. Отход Ахмата начался, по свидетельству Вологодско-Пермской летописи, «в четверг канун Михайлова дни». Михайлов день, 8 ноября, приходился в 1480 г. на среду. Надо, видимо, понимать текст летописи так: в «четверг, кануном которого был Михайлов день», т. е. 9 ноября. Согласно Владимирскому летописцу, «царь Ахмут побежал месяца ноября в 10 день, в пятницу». По сообщению Московской летописи, «царь побежал ноября в 11». Тут нет противоречия. Отступление огромного войска на фронте шириной во много десятков километров могло начаться не одновременно [19].

Стояние на Угре окончилось. Нельзя не отметить, что русские войска находились в значительно более выгодном положении, чем их противник. Русские стояли на своей земле, защищали подготовленные позиции, имели обеспеченный тыл. Орда жила за счет грабежа волостей, входивших в состав Великого княжества Литовского. Многие сотни километров степных пространств отделяли ее от базы на берегах Нижней Волги. Зимняя кампания оказалась непосильной для ордынцев. Перейти по льду Угру и вступить в решительные сражения с русскими войсками в заведомо невыгодных для себя условиях Ахмат не решился. Отступив в степь, он признал свое стратегическое поражение. Но это было больше, чем поражение. Это было крушение всей политической концепции Ахмата, всех его великодержавных амбиций, архаических по форме и реакционных по существу. Это было крушением империи Батыя.

Ахмат отступал в морозные степи, разорив двенадцать волостей на правом берегу Угры и захватив полон. Пытался он разорить и русские волости на правом берегу Оки — Конин и Нюхово. Но русские войска преследовали его по пятам. Находясь в Боровске, Иван Васильевич не терял управление войсками. В погоню за Ахматом двинулись конные полки князей Андрея и Бориса и Андрея Меньшого. При их приближении ордынцы обратились в бегство.

Поход 1480 г., один из самых трудных за многие столетия, окончился. Войска с победой возвращались домой. 28 ноября, во вторник, «прииде князь великий Иван Васильевич на Москву, и с сыном своим, великим князем Иваном Ивановичем, и с всеми силами. И взрадовавшеся все людие радостию велиею зело». Столица Русского государства приветствовала своих спасителей [20].

Главная объективная причина победы над Ахматом — создание единого мощного Русского государства. За сто лет до этого Дмитрий Донской одержал великую победу на Куликовом поле и положил начало освобождению Руси от ордынского ига. Но он возглавлял союз князей, в котором участвовали далеко не все русские земли. Союз оказался непрочным, и победу закрепить не удалось. Теперь в распоряжении его правнука, государя всея Руси, были все силы Русской земли. В Русской земле развивалась экономика, росли города и торговля, крепло национальное единство.

В Орде все оставалось по-старому. По-прежнему кочевали на бескрайних степных просторах огромные массы всадников, живших за счет дани с покоренных народов, за счет труда захваченных рабов. Ордынское иго было не только национальным угнетением. Оно означало вчерашний день экономики и культуры.

Но объективные предпосылки надо еще реализовать. И здесь вступает в свои права субъективный фактор — роль участвующих в историческом процессе лиц.

Возглавляя Русское государство, великий князь Иван Васильевич сумел реализовать эти объективные предпосылки. В весьма сложной военно-политической ситуации 1480 г. (война с Орденом, мятеж князей, враждебная позиция Казимира) он сумел определить главную задачу и сосредоточить на ней все

усилия. Он сумел выработать принципиальный стратегический план кампании — план обороны на широком фронте с опорой на естественные водные рубежи.

Альтернативой этой стратегии была бы наступательная кампания, подобная той, которую с таким блеском провел в свое время Дмитрий Донской. Но такая кампания заключала в себе большой риск. Углубившись в степи, русские теряли бы два своих важнейших преимущества — естественную оборонительную линию и возможность использовать артиллерию. Возрастало главное преимущество Ахмата — его конница лучше всего могла действовать на привычных степных просторах, угрожая окружением значительно менее подвижной русской рати, состоявшей главным образом из пехоты (феодальная конница была еще сравнительно немногочисленной и уступала по своим боевым качествам прирожденным степным всадникам). Углубясь в степи, русские подставили бы свой правый фланг под удар Казимира и открыли ему дорогу на Москву. Даже в случае решительной победы, подобной победе на Куликовом поле, русские, несомненно, понесли бы такие громадные потери, что борьба с Казимиром стала бы невозможной.

Теоретически возможен был и третий вариант стратегии. В прошлом его не раз вынужденно применяли русские. Этот вариант — отказ от обороны водного рубежа и отступление вглубь страны. В этом случае главная тяжесть борьбы пришлась бы на укрепленные пункты в глубине территории, прежде всего — на Москву. Рассредоточившись по Русской земле, татары подвергали себя риску поражений по частям, а успешная оборона Москвы могла обеспечить в конечном итоге успех всей кампании. Но принятие этого варианта означало бы в любом случае разорение большей части Русской земли, огромные материальные и людские потери и сильнейший удар по политическому престижу только что сложившегося государства.

Как показали события, стратегический план Ивана Васильевича был оптимальным. Он позволял с наименьшим риском обеспечить решение основной стратегической задачи — защитить Русскую землю от вторжения крупных масс вражеских войск как с юга (Орда), так и с запада (Казимир).

Приняв решение, Иван Васильевич последовательно и твердо проводил его в жизнь, не поддаваясь на уговоры ни сторонников наступления, ни сторонников отступления (о чем есть сведения в источниках). Великий князь проявил чрезвычайную предусмотрительность и осторожность, заблаговременно приведя в боевую готовность тылы, и прежде всего — саму столицу. Он сумел разгадать обходной маневр Ахмата и своевременно осуществить контрманевр, лишивший ордынцев всех преимуществ. Иван Васильевич нашел такую позицию, которая обеспечивала возможность твердого и непрерывного управления войсками. Контроль над войсками он не терял в ходе всей многомесячной кампании. Это позволяло своевременно реагировать на действия противника, в частности организовать преследование Ахмата и спасти от разгрома пограничные русские волости.

Стратегия Ивана Васильевича включала в себя и дипломатию. Переговоры с Ахматом были фактически частью реализации общего замысла оборонительной кампании.

Оборонительная кампания на берегах Оки и Угры может быть признана образцовой, а о ее руководителе можно сказать, что он проявил качества стратега, которым может гордиться военная история нашей страны.

Но никакие стратегия и тактика не могли бы принести успеха без основного элемента военного искусства, без самого материала, из которого произрастает победа или поражение. Этот материал — сами воины, которые фактически осуществляют замыслы полководца. И этот элемент в переломном для Русской земли 1480 г. оказался на высоте. Русский человек, землепашец и горожанин, сумел отстоять свою страну от страшного нашествия.

В истории есть события, которые своей яркостью сразу поражают воображение современников. Такой была, например, Куликовская битва. Но есть события, подлинное значение которых все больше и больше раскрывается с течением времени.

Когда столица Русской земли приветствовала воинов, возвращавшихся из похода, никто еще не представлял, что на самом деле произошло на берегах Угры. Поначалу казалось, что удалось отбиться от очередного нашествия, может быть самого крупного за последнее

столетие, но и только. И лишь впоследствии стало ясно, что воскресенье, 12 ноября 1480 г., первый день, когда на Угре не осталось ордынцев,— это и есть первый день возрожденной независимости Русской земли.

Ордынское иго пало. Это было основное событие за четверть тысячелетия русской истории, с той страшной зимы, когда Батый залил кровью Русскую землю.

Итак, общий характер событий 1480 г. более или менее ясен. Но есть и спорные вопросы.

Осенью 1480 г. все силы русского народа сплотились для борьбы с грозным нашествием. Даже удельные князья, прекратив мятеж, активно участвовали в преследовании Ахмата. Но некоторые летописи и «Послание на Угру» (повлиявшее на летописцев) говорят о «злых советниках» великого князя, настаивавших на капитуляции перед Ахматом. Уже известный нам успенский (софийско-львовский) летописец называет и имена этих «советников» — Иван Васильевич Ощера Сорокоумов-Глебов и Григорий Андреевич Мамон. Они якобы советовали великому князю не «против татар за крестьянство стояти и битися», а «бежати прочь, а крестьянство выдати». Летописец не скупится на эпитеты по адресу этих «богатых и брюхатых», «предателей христианских».

В какой степени эта картина соответствует действительности? Ответить на вопрос можно только предположительно. Вполне возможно, что в окружении великого князя действительно были сторонники уступок Ахмату и даже отступления вглубь страны. В прежние времена такой способ действий был привычным. Ко времени событий на Угре окольничий Иван Ощера был уже немолод и, возможно, действительно давал советы в духе старого мышления. Но можно ли назвать его предателем? В молодости он был одним из самых верных и деятельных сторонников Василия Темного. В преданности Ощеры великий князь, по-видимому, не сомневался. Ощера дожил до глубокой старости, а его сын был впоследствии видным дипломатом.

Григорий Мамон — сын боярина, служившего князю Ивану Можайскому. Его мать этот князь сжег «за волшебство». Сам Григорий Мамон ничем, по-видимому, не выделялся. Но великий князь доверял и ему. Уже в преклонном возрасте, через много лет после Угры, Мамон стал окольничим. Может быть, Ощера и

Мамон действительно советовали «смириться» перед ханом. Но никакого практического значения эти советы не имели и на ход событий отнюдь не повлияли. Откуда же такой обличительный пафос у летописца? Гневные филиппики он расточает не только по адресу Ощеры и Мамона. Он клеймит великую княгиню Софью за то, что она «бежала» из Москвы, и не находит достаточно сильных выражений для осуждения людей, ее сопровождавших. Эти люди известны: бояре Андрей Михайлович Плещеев и Василий Борисович Тучко Морозов и дьяк Василий Долматов. На них великий князь возложил важную задачу — охрану своей семьи и государственной казны при эвакуации на Белоозеро.

Почему же летописец говорит, что они «хуже татар», и называет их «кровопивцами хрестианскими»? Тот же успенский (софийско-львовский) летописец с большой симпатией относится к удельным князьям-мятежникам, вопреки известным из Псковской летописи фактам приписывает им заслугу в защите Пскова от магистра, всячески осуждает поведение великого князя в дни стояния на Угре. Напрашивается вывод: летописец выражает мнение консервативной оппозиции. Под огнем критики этой оппозиции оказались ближайшие советники великого князя и он сам. Оппозиция не носила характера национального предательства, но упорно защищала «старину» против тех крупных, необратимых перемен, которые несла с собой политика Ивана Васильевича. В той или иной степени в оппозиции находились удельно-княжеские и клерикальные круги. Уходящая удельная Русь сталкивалась с новым, единым Русским государством.

Появились и легенды, ставшие впоследствии очень популярными. Одна из них имеет корни в Типографской летописи, ведшейся при дворе ростовского архиепископа.

По словам летописца, при отходе от Угры русские и татары побежали друг от друга в разные стороны. Татарам казалось, что русские заманивают их в засаду; русские думали, что татары их преследуют.

Такой факт, конечно, мог иметь место. Люди, долгое время стоявшие в напряженном ожидании боя, могли поддаться внезапному чувству страха. Однако никакого практического значения этот эпизод не имел. Исход кампании был уже решен.

Тем не менее, как ни парадоксально, именно этот незначительный случай приобрел в позднейшей историографии чуть ли не хрестоматийное звучание. По тонкому наблюдению выдающегося историка А. Е. Преснякова, «легкой перестановкой фраз и небольшим изменением их редакции сообщение о конкретном факте обратилось в то „чудо", которое, вероятно, умиляло московских книжников, а... у более рассудочных книжников — историков XIX в. придало всему эпизоду несколько комический характер». Нелепая картина бегущих друг от друга войск отразилась в трудах Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, широко проникла в общие курсы, в школьные учебники, хрестоматии, популярные книжки XIX — XX в.

Другая легенда читается в «Казанской истории» — летописной повести, возникшей в середине XVI в. Автор повести красочно описывает, как Иван Васильевич «нимало убояся страха царева», «плевав» на басму, присланную ему ханом Ахматом, ее «на землю поверже и потопта ногами своима», а потом приказал умертвить послов Ахмата, кроме одного, «носяща весть ко царю»: «Тако же имам и тебе сотворити»[21]. Художники XIX столетия неоднократно возвращались к этому сюжету. Картинка с изображением этого эпизода попала недавно и в школьный учебник.

Беда, однако, в том, что этот эффектный (с точки зрения автора «Казанской истории») эпизод, о котором не упоминает ни один современник, едва ли имел место в действительности.. Как заметил еще Карамзин, он вовсе не соответствует характеру Ивана Васильевича, осторожного, хладнокровного и расчетливого, умевшего держать себя в руках при любых обстоятельствах и не любившего никаких «жестов». Как всякое подлинно великое событие, освобождение Руси от ордынского ига не нуждается в искусственной драматизации. Все было серьезнее, проще и сложнее.

Не выдерживает критики и третья легенда, нашедшая довольно широкое распространение в литературе. Согласно этой легенде, инициатором освобождения Руси от ига был не кто иной, как «царевна Софья», великая княгиня Софья Фоминишна. «Племянницу византийских императоров» (по выражению С. М. Соловьева) «оскорбляла зависимость от степных варваров», и она «уговорила» великого князя прервать эту зави-

симость. При этом она произносила гордые речи, вроде, например, такой: «Отец мой и я захотели лучше отчины лишиться, чем дань давать, я отказала в руке своей богатым и сильным королям... вышла за тебя, а ты теперь хочешь меня и детей моих сделать данниками»[22] и т. д. Как ни благородны эти речи, у них один недостаток — они, по всей вероятности, никогда не произносились в действительности. А реальность, как мы знаем, была гораздо менее романтичной. Нищая папская пенсионерка, бесприданница, нашедшая приют в Риме, не имела случая «отказывать» кому-либо в своей руке. У «племянницы императоров» не было особых оснований для надменности. Родной дядя ее, брат погибшего императора, служил турецкому султану и отдал ему в гарем свою дочь[23]. Став супругой одного из самых могущественных монархов Европы, Софья Фоминишна проявила достаточна реализма. Некоторые русские современники называли Софью римлянкой, а Берсень Беклемишев задним числом считал ее повинной в создании нового придворного этикета. Сам великий князь относился к своей жене, по-видимому, с достаточным уважением и допускал ее аудиенции иностранным послам. Но в источниках нет и намека на политическую роль Софьи. Совет «прервать зависимость», во всяком случае, был бы несколько запоздавшим — «зависимость» прервалась с момента вокняжения Ивана Васильевича.

Нет, не нуждается история ни в приукрашивании, ни в хитроумных домыслах. Реальные события куда значительнее и величественнее, чем услужливое воображение потомков.

Конец удельной системы

Отступление от Угры было последней акцией грозного хана. Утомленная долгим и бесплодным походом Орда отошла на зимние стоянки. Для зимовки Ахмат разделил свои силы. Этим воспользовался тюменский хан Ивак, которого Ахмат пытался подчинить своей власти. Ивак следил за всеми движениями своего врага. Соединившись с нагаями и перейдя Волгу, он с пятнадцатью тысячами воинов шел за Ахматом по пятам. Утром 6 января 1481 г. враги ворвались в стойбище Ахмата.

Ордынцы, захваченные врасплох, не сумели оказать сопротивления. Сам хан был убит в собственном шатре Иваком (по другим данным — мурзой Ямгурчеем). Сыновья Ахмата и его главный советник Темир бежали. Дочь была захвачена в плен, все имущество и полон перевезены за Волгу. Пять дней стоял Ивак «на костях» своего врага, торжествуя победу. Большая Орда получила смертельный удар, от которого уже не смогла оправиться. С Ахматом погибла и его империя.

Нет прямых данных о том, что тюменский хан подстрекался русскими,— у него самого было достаточно оснований для ненависти к Ахмату. Однако, победив соперника, Ивак послал радостную весть в Москву. И великий князь по достоинству оценил это известие — он «после Ивакова чествовал и дарил», и отпустил «с честию», а самому Иваку послал «тешь» (подарок)[1].

Гибель Ахмата в донских степях и разгром Орды были закономерным следствием поражения на Угре. Авторитет хана держался на его военных успехах. Неудача развеяла его славу и дала толчок центробежным силам в отжившей свой век империи Чингизидов.

Ахмат был мертв, и мертва была его империя. Сыновья Ахмата, повелители распавшейся Орды, были больше не опасны. За Диким Полем стала складываться новая ситуация.

Новая ситуация стала складываться и в Москве. Неудача феодального мятежа не могла не отразиться на положении удельных князей. В феврале 1481 г. с вчерашними мятежниками, князьями Андреем и Борисом, были заключены новые докончания. Согласно обещанию великого князя, удел Андрея Большого был увеличен — он получил Можайск, а князь Борис — суверенные права на села, завещанные когда-то ему его бабкой Марией Готляевой (матерью Марии Ярославны). При этом удельные князья должны были навсегда отказаться от каких-либо притязаний на Новгород и Новгородскую землю, как и на другие «примыслы» Ивана Васильевича, в том числе бывший удел князя Юрия. В остальном новые договоры воспроизводили условия докончаний 1472—1473 гг. со всеми их статьями, подчеркивавшими неполноправное положение удельных князей. Надежды братьев великого князя на соучастие в управлении всей Русской землей, которая казалась им не более чем увеличенным Московским

княжеством, совместным наследием потомков Ивана Калиты, были похоронены окончательно [2].

Разорение Псковской земли ливонцами требовало ответных действий. Целый месяц стягивались русские силы ко Пскову. В конце февраля 1481 г. начался поход — первый поход в Ливонию объединенных сил Русского государства. Лютой зимой по глубокому снегу («человеку в пазуху, аще у кого конь свернут в дорозе, ино двое али трое едва выволокут») шли колонны русских войск. С ними была и артиллерия — впервые в зимнем походе участвовали русские пушки.

Этот поход был не похож на все предыдущие. Воеводы князья Иван Васильевич Булгак и Ярослав Васильевич Оболенский (брат недавно умершего Ивана Стриги) не разделяли силы для действий по второстепенным объектам, как это бывало раньше. Русские войска наносили удар по главной цели. 1 марта войска впервые подошли к столице магистра Феллину (по русским летописям — Вельяд, сейчас — Вильянди). Накануне магистр бросил свою столицу и «побежал» к Риге. Русские преследовали его пятьдесят верст и захватили обоз. Началась бомбардировка Феллина и подготовка к штурму. Одно из внешних укреплений было разрушено, посад и окрестности сожжены. Жители откупились от штурма большой контрибуцией. Были взяты города Тарваст и Каркуз, передовые отряды доходили до Риги [3].

Впервые за всю историю войн с Ливонией русские войска перешли от стратегической обороны к стратегическому наступлению, проникли к самому сердцу владений магистра; впервые за двести лет над Орденом была одержана действительно большая победа. Времена безнаказанных нападений Ордена на Псков прошли безвозвратно.

Мирный договор 1 сентября 1481 г.— первый договор, заключенный единым Русским государством. В начальной статье договора впервые говорится о «великих государях... царях русских» (Иване Васильевиче и его сыне), о «челобитье» орденских властей о заключении мира. В самом тексте впервые оговариваются льготы русским купцам в Нарве и других ливонских городах, вводится специальная статья об охране чести и достоинства русского человека в Ливонии, о защите русской колонии в Юрьеве. Отстаивая интересы своей страны

и русских людей за рубежом, великий князь не посягал на независимость и территориальную целостность Ливонии. Безопасность на границе, прочный мир, благоприятные условия для торговли — вот цели, которые ставило перед собой Русское государство в отношениях с северо-западным соседом [4].

Договор 1481 г., как и все последующие договоры с Ливонией вплоть до ее падения, был формально заключен от имени Великого Новгорода: переговоры вели новгородские наместники князь Василий Федорович Шуйский и Григорий Васильевич Поплева Морозов, а крест на грамоте целовали «государей великих князей царей Русских бояре новгородские». Это навело некоторых исследователей на мысль о сохранении Новгородом особых привилегий как неизжитых черт феодальной раздробленности. Думается, однако, что эта мысль ошибочна. Ливонский орден, фактически самостоятельный, формально не являлся суверенным государством. С самого начала своего существования и до конца он имел сюзерена в лице германского императора. Так, в апреле 1481 г. фон дер Борх получил от императора Фридриха III права и регалии «великого магистра». По дипломатическому этикету международные договоры должны были заключаться только между юридически равноправными сторонами. Заключение договора с вассалом императора умалило бы престиж Русского государства.

В начале июля в Москве умер бездетный князь Андрей Меньшой. Весь свой Вологодский удел он завещал своему «господину брату старейшему». Так исчезло еще одно удельное княжество. Судя по духовной, Андрей Вологодский был несостоятельным должником: он должен был 30 тыс. руб. великому князю и около полутора тысяч — частным лицам. Можно представить масштабы этого долга, если иметь в виду, что деревня, т. е. возделанный крестьянский участок, продавалась обычно за 3—5 руб. Оказывается, великий князь платил за брата «выход» в Орду и содержание «царевичам», находившимся на русской службе, а также «поминки» казанскому хану. Владелец Вологодского удела был в полной финансовой зависимости от Русского государства. Не в этом ли одна из причин его лояльности? Ведь он не примкнул в 1480 г. к мятежу своих братьев...

Основными частными кредиторами вологодского князя оказались богатые московские гости —«сурожане», ведшие торговлю с Крымом. С ними он так и не успел расплатиться, возложив это на великого князя [5]. Экономика удельного княжества оказалась в новых условиях неэффективной. Старая экономическая система замкнутых феодальных мирков отживала свой век, так же как и политическая система «суверенных» удельных княжеств.

Наступала очередь удела старого князя Михаила Андреевича, последнего внука Дмитрия Донского. В апреле 1482 г. ему пришлось отказаться от наследственных прав на Белоозеро — главную, наиболее доходную часть своего удела. Теперь он стал только пожизненным владельцем Белоозера, без права передачи его наследнику, сыну Василию. В полном владении старого князя остались только Верея и Малый Ярославец [6]. Наступление на права верейско-белозерского князя показывало, как мало считается Иван Васильевич с исконной феодальной традицией, как невысоко ставит он авторитет и права удельных князей Московского дома. В его глазах эти князья из суверенных владельцев превращаются в подданных, землями которых он, глава Русского государства, может распоряжаться по своему усмотрению. Старая удельная система быстро тает в лучах новой государственности...

Во внешней политике на первый план стали выходить отношения с Литвой. В 1482 г. они заметно ухудшились.

Русские князья, вассалы Казимира, хотели отложиться от него и перейти под власть государя всея Руси. В случае успеха старые русские земли по самую Березину вернулись бы в состав Русского государства. Но заговор был раскрыт и заговорщики казнены. В их числе был и Михаил Олелькович, киевский князь, приглашенный когда-то новгородскими боярами. На волосок от смерти был и князь Федор Бельский, которому пришлось спасаться бегством прямо из церкви, где он венчался со своей молодой женой [7].

В чем причина заговора князей? Решающее значение имел вопрос конфессиональный — в державе Ягеллонов усиливалось влияние католичества. Это вызывало протест русского населения, которое все с большей надеждой смотрело на православную Москву. Другим

важным фактором были, несомненно, военные и политические успехи нового Русского государства. Русским князьям казалось (и не без основания), более выгодным и перспективным связать свою судьбу с могущественным единоверным и единоплеменным государем, чем раствориться в толпе польских вельмож и католических прелатов, составлявших ближайшее окружение Казимира Ягеллончика. Но заговор князей был только первым провозвестником того могучего народного движения, которое полтора века спустя вылилось в знаменитую войну Богдана Хмельницкого и привело к воссоединению Украины и Белоруссии с Московской Русью.

Князь Федор Бельский был приветливо принят великим князем и получил в вотчину несколько новгородских волостей. Этим было положено начало перехода русских князей с литовской на московскую службу.

Заговор князей и переход Бельского были серьезными политическими событиями. Со стороны Казимира последовали ответные шаги. Летом 1482 г. король через своего посла официально потребовал передачи ему Новгорода и Великих Лук. Конфликт с Литвой разрастался. Ягеллоны держали в своих руках значительную часть территории Древнерусского государства и претендовали на другие русские земли. Борьба с ними стала главной задачей внешней политики Ивана Васильевича на следующие десятилетия.

Дипломатическая подготовка этой борьбы началась, как мы видели, еще до падения Ахмата. Первым шагом в этом направлении был союз с Менгли-Гиреем. Хан — не очень надежный союзник. Он стремился лавировать между Вильно и Москвой, его люди систематически грабили русских купцов. Но Менгли боялся сыновей Ахмата, возглавивших осколки Большой Орды. Это заставляло его держаться в основном московской ориентации.

1 сентября 1482 г. под стенами Киева появилась крымская орда. Древняя столица Русской земли была охвачена пламенем, киевский наместник пан Хоткевич взят в плен [8].

Как свидетельствуют посольские книги, еще весной русский посол в Крым Михаил Васильевич Кутузов требовал от хана послать «рать свою на Подольские

земли или на Киевские места». Разорение и гибель русского населения, симпатизировавшего Москве, не отвечали интересам великого князя. Но, с другой стороны, он понимал, что назревает угроза большой войны с королем и что необходимо отвлечь его силы от русских границ и сковать их на южном направлении. В этом смысле набег Менгли достиг цели. Войну с Литвой удалось отсрочить на несколько лет. Дорогой ценой была куплена эта отсрочка.

Другим возможным союзником против Казимира мог быть молдавский господарь Стефан. Православная Молдавия вела тяжелую борьбу на два фронта — с католической Польшей и исламской Турцией. Господарь был женат на дочери киевского князя Олелько (Александра) Владимировича и Анастасии Васильевны, сестры Василия Темного. Жена Стефана, таким образом, была двоюродной сестрой государя всея Руси. Но главным было то, что Молдавия нуждалась в помощи против своих мощных врагов. Еще в конце 70-х гг. начались переговоры о династическом союзе Молдавии с Русским государством — дочь Стефана Елену предполагалось выдать за Ивана Молодого. В 1482 г. переговоры пришли к завершению — в Молдавию отправилось посольство за невестой для наследника Русского государства.

14 ноября будущая великая княгиня прибыла в Москву и поселилась в Вознесенском монастыре у инокини Марфы. Через два месяца состоялась свадьба — важное династическое и политическое событие, упрочившее одновременно и русско-молдавский союз, и перспективы Ивана Молодого. Наследник получил в управление Суздаль.

Князь Дмитрий, внук Ивана Васильевича, родился 10 октября 1483 г. Этому событию придавалось государственное значение — с известием о нем был отправлен посол к великому князю Тверскому. Казалось, династические права Ивана Молодого теперь обеспечены [9]. Но на самом деле все было далеко не так просто. От нового брака у Ивана Васильевича было уже три сына — кроме старшего Василия это были Юрий (родившийся 23 марта 1480 г.) и Дмитрий (6 октября 1481 г.). Каковы будут перспективы этих сыновей, если великокняжеский стол перейдет к Ивану Молодому, а после него — к новорожденному Дмитрию? Дина-

стическая проблема, всегда достаточно острая, вновь заявила о себе осенью 1483 г.

Когда Иван Васильевич, обрадованный появлением внука, захотел «одарить» сноху, оказалось, что предназначенное для этой цели «саженье» покойной великой княгини Марии Борисовны исчезло из казны, где хранились драгоценности. Выяснилось, что Софья Фоминишна относилась к порученным ей семейным (в сущности — национальным) великокняжеским драгоценностям очень своеобразно. Она раздавала их своим родичам — брату Андрею и его дочери, для которой она устроила брак с князем Василием Михайловичем, наследником Верейского удела [10].

Это было серьезнейшим нарушением обычаев русского двора, где все драгоценности были на строгом учете и перечислялись в княжеских духовных. Это было и показателем практической сметки «гордой племянницы византийских императоров». Семейство Палеологов стремилось как можно лучше использовать фортуну, вознесшую дочь изгнанного морейского «деспота» на головокружительную высоту. Но беспутный Андрей Палеолог, торговавший византийской «короной» (он по очереди продавал ее европейским государям, в том числе французскому королю), и его энергичная сестра все-таки совершили ошибку. Брак Марии Палеолог чуть не привел ее к гибели.

Великий князь приказал конфисковать у Василия Верейского все полученное им приданое, а его самого с женой «поимать», т. е. послать в заточение. В последнюю минуту Василию «и с княгинею» удалось бежать к королю. В Литве появился еще один русский князь-эмигрант.

Конфликт о «саженье» имел далеко идущие последствия. Он нанес последний удар угасавшему Верейскому уделу. Уже в декабре 1483 г. старик Михаил Андреевич должен был дать обязательство все свои владения (а не только Белоозеро) завещать великому князю [11]. Последний осколок удельной системы, созданной когда-то Дмитрием Донским, фактически прекратил свое существование.

Конечно, бегство Василия Верейского едва ли было вызвано только вопросом о приданом его жены. Да и сам этот вопрос, и особенно распоряжение великого князя «поимать» Василия, только отражает глубинный,

подлинный конфликт — трагедию удельного князя в условиях нового единого государства. Летописи изображают Василия Михайловича храбрым воином. Он сражался с татарами под Алексином, он стоял с войсками на Угре. Субъективно он не был изменником, в отличие от Шемяки и даже братьев Ивана Васильевича никогда не выступал против великокняжеской власти. Но на его глазах удел отца, его наследственное владение, на которое он имел все законные права, освященные вековой традицией, обращался в ничто. Перед последним удельным князем стояла дилемма — или полностью отказаться от своего политического бытия и превратиться просто в подданного государя всея Руси, как это случилось с многочисленными князьями Оболенскими, Ростовскими, Ярославскими и другими, или бежать в Литву к гостеприимному королю Казимиру. Слом старой феодальной традиции мучительной болью отзывался на судьбе удельного князя, выталкивая его за рубеж, в объятия врагов Русского государства.

На первых порах династического конфликта Софья Фоминишна потерпела серьезное моральное поражение, ее авторитет не мог не пострадать. Тем самым еще больше укреплялась позиция Ивана Молодого, признанного наследника, имевшего уже титул великого князя и собственную семью.

Пострадали и «мастера серебряные», и некий «фрязин», участвовавшие, по-видимому, в расхищении великокняжеских драгоценностей. Они были посажены в заточение.

Но конфликт в семье, как ни был он серьезен, не отразился внешне на поведении великого князя и еще меньше — на его политике. Софья Фоминишна оставалась великой княгиней. В Москву продолжали приезжать иностранные мастера разных специальностей. Государственные дела шли своим чередом, и именно они привлекали наибольшее внимание Ивана Васильевича. Летом 1483 г. русские войска совершили большой поход на Северо-Восток. Воеводы Иван Иванович Салтык Травин и князь Федор Курбский прошли тысячи километров по рекам и волокам. Впервые русские люди перевалили Уральский хребет и дошли до Оби, спустившись по ней до ее устья [12]. Местные князья признали свою вассальную зависимость от Русского го-

сударства. Так за сто лет до знаменитого похода Ермака началось освоение Северной Сибири.

Однако наиболее важные события происходили не на востоке, а на западе. Эти годы — время нового и последнего этапа борьбы с новгородским боярством. После включения Новгородской земли в состав единого Русского государства местное боярство сохраняло свои вотчины, богатства и политическое влияние в городе. Признав формально власть великого князя, бояре продолжали оставаться враждебной силой, опасной своими традиционными связями в среде новгородцев.

Новый архиепископ Сергий, выбранный в Москве, но по новгородскому обряду, приехав в Новгород в ноябре 1483 г., встретил там решительную оппозицию. Доведенный до психического расстройства, он через несколько месяцев должен был оставить кафедру и вернуться в московский монастырь.

Зима 1483/84 г. была в Новгороде очень тревожной. До крайности накалились политические страсти. Верхи новгородского общества раскололись на сторонников и противников Москвы. В столицу пошли взаимные «обговоры» — доносы. Несколько десятков человек были «поиманы» и привезены в Москву. Началось следствие по всем правилам средневековой юстиции — с широким применением пыток. Смертного приговора обвиненным удалось избежать, но тюремное заключение их не миновало. Трудно сказать, насколько основательны были «обговоры», но почва для них имелась. Боярин Иван Кузьмин, например, в январе 1478 г. в числе других целовал крест великому князю, но вскоре с тридцатью слугами оказался в Литве. По каким-то причинам король его «не пожаловал», и беглый боярин вернулся домой. Ясно, что такой человек не мог вызывать доверие и лояльность его была по меньшей мере сомнительна.

Вновь обнаруженная «коромола» дала повод для принятия радикальных, небывалых доселе решений. Обвиненные в измене бояре были заточены «в тюрмы по городам», а все остальные выселены из Новгорода. По выражению официозного московского летописца, великий князь «казны их и села все велел отписать на себе». Самим же боярам были даны «поместья на Москве под городом»[13]. Сохранив жизнь и свободу, но потеряв имущество, вчерашнее новгородские бояре ста-

ли подмосковными помещиками — служилыми людьми великого князя.

Впервые на страницах источников появилось это новое слово — «поместье». Проблема новгородского боярства была решена кардинально. Как социальная категория оно больше не существовало. В руках великокняжеского правительства скопилось много тысяч обеж, принадлежавших прежде боярам, монастырям и новгородскому владыке. Слом старого новгородского землевладения с необходимостью ставил вопрос о судьбах этих земель. Тут-то и появилось поместье — новая форма феодального землевладения. Именно в эти годы новгородские земли стали впервые раздаваться на основе нового поместного права. В отличие от вотчинника помещик не являлся собственником земли. Земля формально принадлежала государству («государю великому князю»). Помещик права распоряжаться землей не имел. Он был только владельцем земли, получающим ренту с крестьян. Великий князь мог в любое время отнять у него поместье и передать другому владельцу.

Это было принципиально новое явление в феодальном праве. Новая форма владения резко усиливала непосредственную зависимость служилого землевладельца от великого князя. Он получал полную возможность как поощрять, так и наказывать служилых людей. Земля превращалась теперь в своего рода жалование, которым великий князь мог распоряжаться по своему усмотрению, в зависимости от потребностей государства.

В исторической литературе до последнего времени бытовало мнение о резком социальном и политическом различии между вотчинниками и помещиками как между двумя слоями класса феодалов. Можно со всей определенностью сказать, что в XV в., да и позже, такой разницы не было. Правда, часть новых помещиков были прежде боевыми холопами-послужильцами московских и новгородских бояр. Взяв их на свою службу, Иван Васильевич наделил их поместьями и уравнял в правах со старыми, коренными феодалами. Но в подавляющем большинстве случаев вотчинник и помещик не только принадлежали к одному социальному слою класса феодалов, но и, как нередко случалось, вотчинник одного уезда был помещиком в другом.

Поместная система в целом укрепляла феодальное государство, прежде всего — его военную мощь, поскольку основной обязанностью помещика была военная служба. Особенностью феодального общества была тесная связь собственно военной службы с несением различных административных обязанностей — служилый класс феодалов был одновременно и господствующим классом, представители которого замещали все государственные должности. В лице помещиков создавался относительно надежный слой для службы вообще, для управления во всех звеньях государственного аппарата. Это было важнейшей социально-политической реформой класса феодалов. Из вольных слуг-вассалов феодалы превращались в служилых людей, жестко зависимых от государственной власти, от государственного аппарата, составной частью которого они сами являлись.

Крестьяне обязаны были выплачивать помещикам ренту, но в строго определенном размере. Для учета поместных земель и фиксации ренты стали производиться периодические описания земель и составляться писцовые книги. Наиболее ранние из сохранившихся писцовых книг относятся к концу 90-х гг. В них поименно перечислены все крестьяне-дворовладельцы и указан размер их платежей помещикам. До нас дошли описания десятков тысяч крестьянских дворов — ценнейший источник по социально-экономической истории нашей страны.

Итак, 1484 г., роковой для новгородского боярства, был в то же время годом фактического возникновения поместья как в Новгородской земле, так и в подмосковных уездах, где по поместному праву получали землю бывшие новгородские бояре.

Но далеко не вся земля, конфискованная у новгородских феодалов, светских и церковных, пошла в поместную раздачу. Большая часть конфискованных вотчин перешла во вновь созданную категорию «государевых оброчных земель». Крестьяне, бывшие новгородские смерды, жившие на этих землях, платили теперь доходы в казну великого князя через вновь учрежденную местную администрацию. Не имея над собой судебно-административной власти феодала-землевладельца, они по своему положению напоминали «черных» крестьян Северо-Восточной Руси — и те, и другие не-

посредственно подчинялись феодальному государству.

Создание обширной категории оброчных земель на месте бывших церковных и светских вотчин в значительной мере улучшало положение местных крестьян, повышало степень их свободы. Деньги и повинности с оброчных крестьян обогащали государственную казну. В то же время оброчные земли были резервом для дальнейшего роста поместной системы — великий князь, как глава феодального государства, мог в случае необходимости раздать их служилым людям. Так впоследствии и получилось. Но произошло это много позже, уже в XVI в., в других исторических условиях. А в конце XV в. вновь созданные оброчные земли, как и черные земли Северо-Восточной Руси, оберегались великокняжеской властью, стремившейся держать их под своим контролем. В этом заключалась важнейшая особенность аграрной политики Ивана Васильевича, отличающая ее как от предыдущей эпохи (когда великие князья охотно давали вотчинникам жалованные грамоты на черные земли), так и от последующего времени (когда черные и оброчные земли в основном пошли в поместную раздачу).

Основные черты этой аграрной политики проявились и по отношению к Пскову. В 80-х гг. Господин Псков был охвачен волнением — наместник князь Ярослав Оболенский провел по указанию великого князя важную реформу, касавшуюся псковских смердов. Здесь, как и в Новгородской земле, смерды несли все повинности в пользу главного города. Теперь, по новым «смердьим грамотам», эти повинности были ограничены. Реформа затронула интересы всего Пскова, особенно «черных людей» — горожан, на долю которых теперь выпали непривычные для них обязанности, лежавшие прежде на смердах. В 1483 г. началась «брань о смердах»: на псковском вече горожане выступили против смердов и потребовали отмены реформы. Трехлетняя борьба, сопровождавшаяся неоднократными посольствами к великому князю, ни к чему не привела. Иван Васильевич решительно поддерживал реформу. Над смердами Псковской земли установился, по существу, контроль великокняжеской власти, а традиционному укладу Господина Пскова был нанесен сильный удар. Был сделан важный шаг к сближению псковских порядков с общерусскими.

В январе 1483 г. умер великий князь Василий Иванович Рязанский. На рязанском столе оказался пятнадцатилетний Иван, племянник московского великого князя. В июне с ним был заключен новый договор. По старому докончанию 1447 г. Рязанское великое княжество сохраняло право самостоятельных (хотя и согласованных с Москвой) дипломатических сношений с Литвой. Теперь эти права были утрачены: великий князь Рязанский обязался ни с кем не «канчивати» — не вести никаких переговоров и не заключать соглашений [14]. Рязанская земля фактически вошла в состав Русского государства, сохранив только внутреннюю автономию — собственную феодальную иерархию, пока еще не слившуюся с московской.

Из всех русских земель формальную независимость к середине 80-х гг. сохраняла только Тверь. Но дни Тверского великого княжения были сочтены. Как мы видели, еще в 70-х гг. тверские феодалы в значительном числе переходили на службу Москве, разрывая свои старые вассальные связи с великим князем Михаилом Борисовичем.

По сообщению летописца, тверские бояре переходили на московскую службу не вполне добровольно: «не терпяше обиды от великого князя (Московского.— *Ю. А.*), зане же многи от великого князя и от бояр обиды, и от его детей боярских, о землях. Где межи сошлися с межами, где ни изобидять московские дети боярские, то пропало. А где тверичи изобядять, а то князь великий с поношением посылает и с грозами к Тверскому. А ответом его веры не иметь, а суде не дасть»[15]. Слова эти принадлежат оппозиционному софийско-львовскому летописцу. Но в данном случае им можно верить. Они раскрывают картину московско-тверских отношений в последние годы Тверского великого княжения.

Между Москвой и Тверью фактически шла своего рода малая пограничная война, в которой участвовали феодалы обеих сторон, спорящие о землях. Но за спиной московских землевладельцев стоял государь всея Руси, а тверские никакой реальной помощи от своего великого князя получить не могли. И не удивительно, что они стали переходить на службу к более могущественному сеньору.

Не располагая мощными внутренними ресурсами, не имея надежной поддержки даже у собственных феодалов, великий князь Тверской мог рассчитывать только на помощь короля Казимира. Зимой 1484/85 г. он принял решение жениться на внучке короля. Это означало вступление Твери в союз с Литвой. Фактически это было нарушением московско-тверского докончания, крутым поворотом в тверской политике, возвращением к традиционной ориентации на Литву. Союз с Казимиром был последним шансом для Михаила Борисовича, если только он не хотел разделить судьбу ярославских и ростовских князей и превратиться в вассала государя всея Руси.

Реакция Москвы последовала молниеносно. Войска великого князя вторглись в Тверскую землю. Михаил Борисович вынужден был просить мира. По новому договору ему пришлось признать себя «младшим братом» и «подручником» Ивана Васильевича [16]. Тверь впервые формально подчинилась Москве. Но Михаил Борисович не терял надежды на помощь Казимира и продолжал с ним тайные переговоры. В августе 1485 г. последовал новый поход великокняжеских войск. Тверь, «город святого Спаса», была обложена со всех сторон. В ночь на 12 сентября Михаил Борисович бежал в Литву.

«Како же мы не возвеселимся, и от всех земель славимому и похваляемому государю нашему, и защитнику Тверской земли, великому князю Борису Александровичу, в всех странах и языцех»,— еще недавно писал тверской инок Фома [17]. Сын Бориса Александровича заслужил у летописца другую характеристику: «Борисович Михайло. Играл в дуду. Бежал в Литву». Да, последний тверской князь не был, видимо, ни политиком, ни воином. Он был просто князем — последним настоящим удельным князем на Руси. Но время удельных князей миновало. Этим определяются и его место в русской истории, и его личная судьба.

С политической арены исчез давний, когда-то грозный соперник Москвы. В начале XIV в. тверской Михаил Ярославич был, несомненно, самым сильным из русских князей и носил титул великого князя Владимирского. Властный и прямолинейный Михаил Ярославич оказался плохим политиком. Прошло время, когда Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнез-

до, сидя на владимирском столе, диктовали свою волю другим князьям Русской земли. Время создания единого государства еще не наступило. Михаил Ярославич погиб мученической смертью в Орде. Сыновья пытались продолжить дело отца. Дмитрий Грозные Очи убил московского князя Юрия Даниловича, считая его виновником смерти отца, и сам пал жертвой ханских палачей. Его брат Александр бежал из Твери после стихийного народного восстания 1327 г., когда тверичи перебили баскаков хана Узбека. Владимирский великокняжеский стол перешел к московскому Ивану Даниловичу, знаменитому Калите.

Немало плохого написали о Калите историки-моралисты: хитрый, жадный, жестокий интриган, он наводил татар на Русь, и т. д. Но моральные сентенции далеко не всегда бывают справедливы, особенно когда не известны подлинные человеческие качества осуждаемого лица. Московские современники отзывались о своем князе иначе, подчеркивая его ум и справедливость. Несомненно одно: Калита превосходил современников-князей как политический деятель. Калита отлично разбирался в сложной обстановке противоречий между Москвой и Тверью, Тверью и Новгородом, Новгородом и Москвой, всей Русской землей и ханом Узбеком. В зыбкой действительности своего времени он умел находить верную линию поведения. Московская земля при нем не страдала от ордынских ратей. Закладывались первые камни в здание будущего величия Москвы.

Тверские князья все больше ориентировались на Литву. Там на время нашел приют Александр Михайлович. Его сын Михаил пытался соперничать с Дмитрием Донским, опираясь на союз с могущественным врагом Руси Ольгердом Литовским, женатым на его сестре. Но не помог Михаилу союз с шурином. Ольгерд был отражен от Москвы, а под стенами Твери появилась объединенная рать русских земель во главе с будущим победителем на Куликовом поле. Спор о первенстве на Руси был решен окончательно. Но еще целое столетие сохранялось мощное княжество на Верхней Волге, проводившее свою самостоятельную политику.

Понедельник, 12 сентября 1485 г. К великому князю Ивану Васильевичу, государю всея Руси, является тверская депутация во главе с епископом Вас-

сианом. В составе депутации — князь Михаил Дмитриевич Холмский «з братьею своею и с сыном», «инии мнози и бояре и земские люди все».

Город открыл ворота войскам великого князя Московского. Юрий Васильевич Шестак Кутузов и Константин Малечкин с дьяками Василием Долматовым, Романом и Леонтием Алексеевыми приводят горожан к целованию на имя государя всея Руси. Новые подданные попадают под защиту великокняжеской власти — эти же посланцы Ивана Васильевича должны «гражан... от своей силы беречи, чтобы их не грабили».

15 сентября, четверг. Торжественный въезд в Тверь государя всея Руси, обедня в патрональном храме святого Спаса... Вспоминал ли Иван Васильевич свой первый приезд в Тверь, в разгар феодальной войны, охватившей всю Русскую землю, когда он, шестилетним мальчиком, вместе со слепым, гонимым отцом искал прибежища у богатого и сильного Бориса Александровича Тверского?

Правителем Тверской земли (великим князем) был назначен Иван Иванович Молодой. Он «въехал в город Тверь жити», а великий князь вернулся 29 сентября в Москву [18].

Время феодальной раздробленности на Руси кончилось.

Тверская земля во главе со своим «великим князем» стала частью единого Русского государства. Правда, сохранились должность тверского дворецкого и служба феодалов по особому «тверскому списку». Но никакого принципиального значения это не имело. Московские писцы описывали Тверскую землю и клали ее по-московски «в сохи» (московские окладные единицы). Тверские служилые люди ходили в походы под начальством московских воевод. Титул «великого князя Тверского» носил чисто формальный характер — все отлично знали, что положение Ивана Молодого определяется вовсе не его «тверским княжением», а тем, что он — наследник государя всея Руси. Удельная система как основа политической структуры Русской земли была ликвидирована. Отныне речь могла идти только об осколках этой системы.

Падение последнего независимого от Москвы русского княжества совпало с важным событием в самой Москве. «Июля 19 заложена бысть на Москве на реке

стрельница. А под стрельницею выведен тайник. А ставил Онтон Фрязин»[19]. Так летом 1485 г. с закладки Тайницкой башни началось строительство нового Кремля — главной крепости объединенного Русского государства. Строительство Кремля имело прежде всего военно-оборонительное значение. На месте старой, обветшавшей белокаменной крепости Дмитрия Донского, выдержавшей столько осад и пожаров, по всем правилам европейского инженерного искусства создавалось фортификационное сооружение нового типа. Но строительство крепости под руководством итальянских мастеров свидетельствовало и о расширении культурных контактов с Европой. Приезд в Москву Аристотеля Фиоравенти был в свое время сенсацией и особо отмечался летописцем. Теперь, десять лет спустя, приезд итальянских инженеров уже не вызывает удивления. В сердце Русской земли теперь сооружается не отдельное здание, а целый архитектурный ансамбль. Воплощая новейшие достижения европейской инженерной мысли, новый Кремль в то же время символизирует единство и величие Русского государства.

Время больших перемен

По сообщениям русских летописей, летом 1486 г. резко осложнилась обстановка в Казани. Обострилась борьба за престол между сыновьями хана Ибрагима. Один из них, Мохаммед-Эмин («Махметаминь» русских летописей), был сторонником московской ориентации. Но власть в Казани захватил Алегам (Али-хан). Мохаммед-Эмину пришлось бежать в Москву, спасаясь от своего брата. Он «добил великому князю челом и назвал его отцом», т. е. совершил акт феодальной коммендации, признав свою зависимость от Русского государства. Взамен беглец просил у великого князя «силы на брата своего».

11 апреля 1487 г. под предводительством князя Даниила Дмитриевича Холмского начался поход русских войск на Казань — последний поход в XV в. 18 мая конная и судовая рати оказались под стенами ханской столицы. Али-хан сделал попытку отразить русских, но был обращен в бегство. Началась осада Казани.

Вокруг города был построен острог — контрвалационная линия, выражаясь терминами тогдашней западно-европейской фортификации. Казанцы действовали мужественно и активно. Один из князей, Аль-Гази, не ушедший со своими силами в осаду, совершал успешные нападения на русские войска, пока не был отогнан за Каму. Гарнизон самой Казани «по вся дни» делал вылазки.

Однако возможности сторон были далеко не равноценны. Сравнительно примитивное ханство, осколок распавшейся древней империи, не могло эффективно бороться против главных сил Русского государства. Казань не могла выдержать долгую осаду. Али-хан вынужден был выйти из города («неволею», т. е. по-видимому, по настоянию жителей) и сдаться воеводам великого князя. 9 июля русские войска впервые овладели грозной твердыней на Волге. Ханом в Казани стал Мохаммед-Эмин.

20 июля было солнечное затмение. Затмения в средневековье наводили страх на людей. Но в Москве торжественно гудели колокола — русская столица праздновала победу. Взятие Казани в 1487 г. было действительно важным событием. Глава Русского государства поставил казанского хана «из своей руки». Теперь дружественная, вассальная Казань — союзник Москвы, опора ее политики в Среднем и Нижнем Поволжье.

Али-хан был послан в заточение, его сторонники («коромольники» против нового хана) подверглись жестокой расправе. Часть казанских феодалов была «разсажена» по Русской земле, остальные приведены к роте (присяге), «что им государю хотеть великому князю добра», и оставлены в Казани[1]. Иван Васильевич не ограничился назначением дружественного ему хана, но и постарался упрочить свою опору в среде казанских феодалов.

Подчинение Казани — многозначительный факт в истории Восточной Европы. На развалинах империи Чингизидов стала складываться новая политическая система во главе с Русским государством. В истории малых народов Поволжья и Заволжья наступил новый этап — постепенного включения в состав Русского многонационального государства, этап возрастающих политических, экономических и культурных связей с русским народом.

Отделенная сотнями километров от основной части Руси, окруженная полуязыческими племенами, Вятская земля среди своих бескрайних лесов дольше всех сохраняла архаические раннефеодальные черты. Создание единого государства, объединившего все русские земли к востоку от литовского рубежа, с необходимостью ставило вопрос о дальнейших судьбах этого реликта старых времен. Правящие круги Вятки, как в свое время Новгорода, стремились сохранить монопольное положение в своей земле. Конфликт с Москвой был неизбежен, а исход его было нетрудно предугадать.

11 июня 1489 г. на вятчан «за их неисправление» великий князь посылает большую рать во главе с воеводой князем Даниилом Васильевичем Щеней. В числе воевод, перечисленных в разрядных записях, много тверичей — вчерашние вассалы тверского великого князя идут в поход во главе войск государя всея Руси. Полки со всех сторон окружают Вятскую землю. 16 августа рать подошла к Хлынову. Начались переговоры. «Большие люди» (от имени «всей земли Вятской») соглашались давать дань и служить службу, что означало, по существу, признание вассальной зависимости от Москвы — и только. Это совсем не удовлетворило московских воевод. Они потребовали от вятчан целования креста «за великого князя от мала до велика» и выдачи «коромольников». Речь шла не о вассалитете, а о полном и безоговорочном включении Вятской земли в состав Русского государства.

Воеводы начали готовиться к штурму. Каждый ратник должен был приготовить по беремени смол и берест: да на 50 человек по 2 сажени плетня, и к городу плетени поставляти».

Судьба города, взятого на щит, была всем хорошо известна. Вятчане не стали ждать штурма и его неотвратимых последствий — приняли все требования воевод. Трое «изменников», закованных в цепи, отправились на подводах в Москву, где были «биты кнутьем и повешены». «Иные вятчане» (видимо, «большие люди») были взяты на службу великого князя и пожалованы поместьями в Боровске, Алексине и Кременце. Военно-служилый корпус получил новое пополнение. «Торговые люди» из Вятки поселились в Дмитрове и вошли в состав торгового сословия Русского государства [2].

С особностью Вятской земли было покончено. Ее включение в состав Русского государства означало переустройство прежних социально-политических отношений. Суть этого переустройства — ликвидация городской общины старого типа. Такие общины оставались пока в Новгороде и Пскове. Именно в концу 80-х гг. относятся сведения о новых реформах, затронувших самые основы новгородской городской общины. Суть этих реформ — массовый перевод торговых людей из Новгорода в другие русские города — Москву, Владимир, Переяславль, Кострому, Нижний Новгород, где они, по сообщению летописцев, были «испомещены», т. е. получили поместья. На смену им в Новгород великий князь послал «много лутших гостей и детей боярских»[3].

«Выводы» конца 80-х г. принципиально отличались от того, что было раньше. Во-первых, они носили массовый характер. Во-вторых, они касались не землевладельцев, но были непосредственно связаны с поселением в самом Новгороде торговых людей из других частей Русской земли. Не только в политическом, но и в социально-экономическом отношении Новгород реально становился органической частью Русского государства. Исследователями отмечена переориентация новгородской торговли — от преимущественных связей с Западной Европой она обратилась к связям с русскими землями. Этот поворот, отчетливо проявившийся в XVI в., начался именно после реконструкции новгородской общины в результате «выводов» конца 80-х г. Старый город начинал новую жизнь.

В апреле 1486 г. умер Михаил Андреевич Верейско-Белозерский. Смерть старого князя прошла почти незамеченной — о ней упоминают далеко не все летописцы. Характерно, что в отличие от других потомков Калиты Михаил Андреевич был погребен не в Архангельском соборе Кремля, а в Пафнутьевом Боровском монастыре. Политическая жизнь его кончилась задолго до смерти — судьба его земель была уже давно решена. С последним внуком Дмитрия Донского уходила в прошлое целая эпоха.

Для бывшего Белозерского удела наступали новые времена. Великокняжескому дьяку Василию Долматову крупнейшие монастыри края — Кириллов и Ферапонтов — должны были предъявить документы на пра-

во владения своими вотчинами — подлинные жалованные грамоты прежних белозерских князей. Великокняжеские писцы провели размежевание монастырских и черных волостных земель. Они же рассматривали жалобы крестьян на монастырских старцев, захватывавших под тем или иным предлогом волостные земли. Монастырской экспансии за счет черной волости был положен конец — все земли были взяты под контроль великокняжеской власти. Еще бо́льшие изменения произошли в городе. Великий князь уже давно не давал монастырям дворов в городах. Теперь его писцы оставляли при городских дворах монастырей только маленькие приусадебные участки. Все остальное отписывалось «на государя» и передавалось городскому посаду[4].

Мартом 1488 г. датируется Белозерская уставная грамота — первый из дошедших до нас законодательных актов единого Русского государства. «Се яз, князь великий Иван Васильевичь всея Руси, пожаловал есми своих людей белозерцев, горожан и становых людей, и волостных, всех белозерцев: хто наших наместников у них ни будет, и они ходят по сей нашей грамоте».

Впервые точно устанавливаются «кормы» наместников и их людей — тиунов и доводчиков (полицейских агентов). Теперь нельзя было уже, как это делал когда-то Иван Лыко Оболенский, брать с жителей произвольные поборы: со всех «сох» княжих, боярских, монастырских, черных дважды в год наместник и его люди должны были получать строго фиксированные платежи — натурой или деньгами (по приведенному в уставной грамоте расчету). Не только ограничивался произвол наместников, но и отменялись льготы «грамотчиков» — привилегированных владельцев феодальных иммунитетных грамот: они приравнивались к прочим «белозерцам». Впервые точно определяется состав наместничьего аппарата: наместник может держать и «кормить» за счет местного населения двух тиунов и десять доводчиков (из них два — в городе).

Станы и деревни поделены между доводчиками. Но они могут ездить по деревням своего «розделу» только в одиночку, а не с «паробками» (слугами) и не с запасными («простыми») лошадьми. И «поборы» свои они отнюдь не могут получать непосредственно у жителей, а только у сотского (выборного главы крестьянской администрации), да и то в городе. Время пребы-

вания доводчика в деревне строго ограничено: «где доводчик почует, туто ему не обедати, а где обедает, туто ему не почевати». Наместник не может менять своих доводчиков чаще, чем раз в год. Все поборы с населения собирают сотские и привозят в город. Там они и расплачиваются с наместником и его людьми на Рождество (25 декабря) и на Петров день (29 июня). Таким образом, контакты наместника с жителями строго ограничены. Торговать по всему уезду разрешено только «городским людям, белозерским посажанам». Все прочие могут торговать только в самом городе Белоозере, да еще в волости Угле. Монастыри — Кириллов и Ферапонтов — лишаются всех торговых привилегий, и это особенно подчеркивается в грамоте.

Впервые законодательно устанавливается обязательность участия в суде сотских и «добрых людей» — без этих представителей местного населения «наместником... и их тиуном... не судити суд». Впервые заявляется о праве горожан и «становых людей» (сельских жителей) в любое время предъявлять иск наместникам, тиунам и доводчикам в случае «обиды» с их стороны.

Хотя уставная грамота непосредственно обращена к населению только одного уезда, перед нами документ принципиального значения. Грамоту можно рассматривать как типовую — недаром в одной из статей ее упоминаются волостели, которых, судя по той же грамоте, на Белоозере не было. Видимо, предполагалось подобные же грамоты дать и другим уездам Русского государства.

Значение грамоты в том, что она впервые четко отразила основные направления судебно-административной и социально-экономической политики великого князя Ивана Васильевича. Контроль над наместничьей администрацией, ограничение (иногда — ликвидация) привилегий светских и церковных феодалов — иммунитетчиков, внимание к городскому посадскому населению и поощрение его торговой деятельности — эти черты политики великого князя проявлялись и раньше. Но только теперь, после фактической ликвидации удельной системы, они приобрели характер крупной реформы. Первый законодательный акт Русского государства определял перспективы развития на десятки лет [5].

В облике столицы обновленного Русского государства новые черты переплетались со старыми. Быстро возводились каменные храмы и палаты, а вокруг них и в Кремле, и на посаде теснились деревянные дворы, где бесконечно полыхали пожары.

В апреле 1488 г., перед Пасхой, в сенях у великого князя некий чернец из Паисиева Галицкого монастыря «возопил, глаголя»: «Горети Москве на Велик день» (т. е. на Пасху). Кликушество привычно средневековью. Гости (богатые купцы) поверили «пророчеству» и стали выезжать из Кремля, «боящеся пожара». Но великий князь кликуше не поверил. Рациональное мышление возобладало над темным страхом. Он велел чернеца «яко урода поимати и на Угрище его послав в монастырь к Николе». Тем не менее пожар вспыхнул, хотя и не на Пасху и не в Кремле. В августе на посаде запылала деревянная церковь Благовещенья на Болоте. Огонь охватил дворы всех богатых гостей, весь посад к востоку от Кремля превратился в море пламени. Сгорело 30 церквей и 5 тысяч дворов, пострадала и Пушечная изба [6].

16 апреля 1493 г. пожар вспыхнул в самом Кремле. Сгорело все (т. е., надо думать, все деревянные здания), кроме нового двора великого князя. Но самый страшный пожар случился три месяца спустя. Еще не были отстроены дома после «вешнего пожара» и люди жили в «лачугах», как в воскресенье, 28 июля, около полудня от свечки загорелась церковь святого Николы на Песках в Замоскворечье. Сильный ветер перекинул огонь за реку. Мгновенно загорелось за Неглинной «во мнозех местех», запылало на Арбате и в Кремле, загорелись временные «лачуги» и житницы на Подоле. Каменные здания выгорели изнутри: и новый двор великого князя, и митрополичий двор, и алтарь Успенского собора, а старая церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот выгорела и рухнула. Снова запылал весь посад за Кремлем. Больше двухсот человек сгорело заживо. «Старые люди сказывают: как Москва стала, таков пожар не бывал на Москве». Великому князю с семейством пришлось приютиться за Яузой «в крестьянских дворех» [7].

В том же году последовало распоряжение Ивана Васильевича — сносить церкви и дворы за Неглинной на 110 саженей (230 м) от кремлевских стен. Это пер-

вая мера противопожарной защиты в истории Москвы.

Столица Русского государства приглашала и привлекала мастеров со всей Европы. Приезжали «мастеры стенные и полатные», пушечные и серебряных дел, приехал даже «органный игрец», августинский монах, вскоре женившийся в Москве и принявший православие. Приезжали из Милана, Венеции, Любека...

Уже работал на Москве Пушечный двор — первая на Руси казенная мануфактура, отливал бронзовые орудия для русского войска. Двор стоял на посаде севернее Кремля, примерно там, где сейчас Пушечная улица. Повсюду в Европе происходила замена старых, громоздких и ненадежных железных пушек на новые бронзовые. Русская артиллерия впервые сравнялась с европейской. 12 августа 1488 г. Павел Фрязин Дебоссис отлил «пушку велику», в тысячу пудов весом. Это важное событие было зафиксировано летописцем [8]. Создание огромного орудия свидетельствовало об успехах технологии бронзового литья. Сама пушка, поразившая современников своими размерами, до наших дней не сохранилась. Судя по весу (16 т), она предназначалась для вооружения крепостной артиллерии, как и отлитая Андреем Чоховым сто лет спустя знаменитая царь-пушка, украшающая ныне одну из площадей Кремля. Если орудие Дебоссиса по своим пропорциям было подобно царь-пушке Чохова (фактически — укороченная гаубица), то ее калибр должен был составлять около 600 мм, а вес ядра — около 900 кг. Таких громадных орудий в Европе было не много.

Новые явления в жизни Русской земли порождали новые потребности. Для литья орудий нужна была медь, для чеканки монеты — серебро. На протяжении веков серебро ввозилось на Русь главным образом из Западной Европы, из богатейших серебряных рудников в Богемских горах. Настоятельной потребностью стал поиск руды в собственной стране. Великая Русская равнина рудных месторождений не имела. Они могли быть только на северо-востоке, в предгорьях далекого Урала.

По распоряжению великого князя на поиски руды отправляются «немцы Иван да Виктор» в сопровождении сына боярского Василия Ивановича Болтина. 8 августа 1491 г. за три с половиной тысячи верст от Москвы «в великого князя отчине на реке Цылме» они на-

шли руду серебряную и медяную». Летописец точно зафиксировал место и время этого действительно знаменательного события. Большие надежды возлагал на отечественное рудное месторождение великий князь Иван Васильевич. Находка собственной руды давала возможность ликвидировать или хотя бы смягчить зависимость от импорта.

Весной на Цильму отправилась большая экспедиция «серебра делати и меди». Собственно техническую работу должны были делать «фрязы» во главе с греком Мануилом Иларьевым. На детей боярских Василия Болтина, Ивана Коробьина и Андрея Петрова возлагалась, видимо, общая организация и охрана экспедиции. Двести сорок «деловцев, кому руда копати», были набраны с Устюга, Двины и Пинеги. Сто человек «пермич, и вымич, и вычегжан, и усолич» должны были снабжать экспедицию продовольствием — «корм проводити в судех до места» [9].

Разработка цилемских рудников продолжалась до XVII в. Первый на Руси горно-металлургический промысел сыграл свою роль, хотя полностью обеспечить потребности страны в серебре и меди не удалось. Зависимость от иностранного импорта металлов сохранилась еще на века. Тем не менее первая в истории нашей страны геолого-разведочная экспедиция должна остаться в памяти потомков. Первая попытка изучения и разработки природных богатств Русской земли — показатель нового уровня культуры, нового представления о мире, нового, активного отношения к действительности.

В мае 1489 г. умер митрополит Геронтий — стойкий консерватор, упрямый враг политики великого князя. Не раз конфликт между главой государства и главой церкви обострялся до крайних пределов. То митрополит угрожал уходом в монастырь и великий князь уговаривал его остаться, то великий князь сам добивался ухода митрополита и подыскивал ему замену. Эту замену он увидел в лице игумена Паисия, настоятеля Троицкого Сергиева монастыря.

Паисий не был государственным человеком и не стремился к власти. Может быть, именно этим он и нравился великому князю, резко отрицательно относившемуся к притязаниям церковных иерархов на политическую роль. С трудом уговорил великий князь

Отправка экспедиции на Цильму (*Лицевой свод*).

Паисия стать игуменом. В своем монастыре, крупнейшем и авторитетнейшем на Руси, Паисий хотел наставить монахов на путь истинно иноческого жития — «на молитву, и на пост, и на воздержание». Но он встретил решительный отпор со стороны братии: «бяху бо там бояре и князи постригшеся, не хотяху повинится». Они даже «хотеша убити» своего игумена. Паисий отказался от игуменства и митрополитом не стал [10].

Оппозиция игумену в монастыре исходила от постригшихся князей и бояр — и это многозначительно. «Бояре и князи» при пострижении рассчитывали на спокойную, вольготную жизнь на монастырских хлебах, хотели пользоваться привычной властью и авторитетом. Традиции Сергия Радонежского были давно и прочно забыты. Троицкий монастырь превратился в крупнейшего и богатейшего землевладельца страны. Во всех частях Русской земли разбросаны были его села с тяготеющими к ним деревнями. Тысячи крестьянских хозяйств платили старцам феодальную ренту. Иван же Васильевич за десятки лет своего великокняжения не дал Троицкому монастырю почти никаких новых земель, а привилегии на старых постоянно ограничивал. Старцам была хорошо известна судьба новгородских монастырей, потерявших почти все свои вотчины. Они хорошо знали, как мало считается великий князь с неприкосновенностью церковных имуществ, провозглашенной «правилами 165 святых отец». Знали они и о начавшейся ревизии земельных владений своих собратьев на Белоозере. Опыт белозерских монастырей легко мог быть применен и к Троицкому. В этих условиях ставленник великого князя едва ли мог рассчитывать на популярность, а проповедь приоритета духовных ценностей над мирским стяжанием вряд ли находила благодатную почву. Конфликт в Троицком монастыре, без сомнения, был одним из проявлений консервативной клерикальной оппозиции.

Беспрецедентный случай — больше года кафедра митрополита всея Руси оставалась вакантной. Только в сентябре 1490 г. был избран новый митрополит Зосима, архимандрит Симонова монастыря.

Через месяц «повелением великого князя» состоялся собор на «еретиков». Перед церковным судом

предстало десять человек — протопоп, несколько священников и дьяконов и Захарий-чернец, шедший во главе списка. Все они — новгородцы, преданные суду по настоянию архиепископа Геннадия. Обвинялись они в том, что хотели «развратити честную и непорочную веру православную... и погубити Христово стадо, православное христьянство». По словам обвинителей, еретики отрицали божественную природу Христа, поклонение святым, почитание икон, церковные таинства, соблюдение постов. Им вменялось также преимущественное следование Ветхому Завету и празднование «июдейской Пасхи».

Неизвестно, насколько справедливы были эти обвинения. На соборе обвиняемые категорически «заперлись... тех своих словес скверных ересей и дел». Но это вряд ли убедило соборных старцев. Сами по себе обвинения были ужасны. По правилам благочестивой и человеколюбивой средневековой церкви, как католической, так и православной, за подобные деяния полагалась смертная казнь через сожжение (церковь крови не проливала). Но этого не последовало. «Обличенные» еретики были, правда, лишены сана, отлучены от церкви и сосланы в заточение [11]. Однако они остались живы. Сравнительная мягкость наказания отнюдь не соответствовала тяжести обвинений, и это не могло не навести на размышления. У «еретиков» нашелся сильный покровитель, спасший их от смерти. В этом покровителе обличители ереси единодушно видели самого великого князя.

Сама по себе «ересь» была, по-видимому, разновидностью рационалистического церковного вольнодумства, охватившего всю Европу в канун Реформации, на переломе от средних веков к Новому времени. Но позиция великого князя Ивана Васильевича весьма многозначительна. Видимо, «еретики» ему импонировали своей борьбой против клерикального консерватизма. Сам великий князь был в достаточной мере «вольнодумцем». Ведь он посягал на освященные веками устои церковной организации — на ее независимость от светской власти, на неприкосновенность церковных имуществ. И к святительскому сану он относился без должного почтения. Совсем недавно, зимой 1487/88 г., в Москве били кнутом на торгу архимандрита Чудова монастыря (летописец деликатно не

называет его имени) за подделку грамоты покойного князя Андрея Меньшого. Вольнодумцы (и даже еретики, с точки зрения воинствующих клерикалов) были и в ближайшем окружении великого князя, например дьяк Федор Курицын, глава Посольского ведомства. Не разделяя, по всей вероятности, взгляды «еретиков», за которые их обвиняли (а может быть, и не веря этим обвинениям), великий князь постарался смягчить их участь. Наиболее опасного врага он видел не в вольнодумцах, а в консерваторах-клерикалах.

Борьба с клерикальной оппозицией из года в год обострялась. Становилось все более ясным, что политическая программа великого князя включает секуляризацию церковных земель — полную или по крайней мере частичную. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1478 г., во время «Троицкого стояния». Явно усиливалось и вмешательство великого князя в церковные дела. По существу, назревал вопрос о крупной церковной реформе.

Такая перспектива не могла найти сочувствие даже у наиболее лояльных иерархов, таких как покойный архиепископ ростовский Вассиан и ставленник великого князя архиепископ новгородский Геннадий. В лице Иосифа, игумена Волоколамского монастыря, защитники церковной старины, неприкосновенности вековых политических, экономических и идеологических устоев нашли талантливого и энергичного проповедника. Но и у великого князя нашлись сторонники в церковно-монастырской среде. Они выступали против монастырского «стяжания» с морально-нравственных позиций. Кроме игумена Паисия таким «нестяжателем» оказался Нил Сорский — старец одного из северных монастырей. Он проповедовал нравственное самоусовершенствование монахов, «умную» (духовную, а не формальную) молитву, призывал иноков в соответствии с апостольскими текстами питаться от трудов рук своих. В отличие от Геннадия и Иосифа, настаивавших на жесточайшей расправе с «еретиками», Нил предлагал путь их «перевоспитания» — нравственного исправления.

Разумеется, Нил был весьма далек от теоретических исканий «еретиков». Но, оставаясь полностью в лоне православной церкви, он являл собой совсем

другой тип церковного деятеля, чем властный, честолюбивый игумен Иосиф. Гуманный, вдумчивый Нил вовсе не был политиком. Однако его отрицательное отношение к церковному «стяжанию» как нельзя более отвечало задачам политики великого князя. В еще большей мере, чем «еретики», он привлекал симпатии Ивана Васильевича и — сознательно или бессознательно — был его фактическим союзником в борьбе против воинствующего клерикального консерватизма.

Приближался 7000-й год по старому летосчислению — предполагаемый «конец мира». Этого конца ждали повсюду в Европе. По католическим городам ходили толпы призывающих к последнему покаянию перед неминуемо грядущим Страшным судом. В просвещенной Флоренции раздавались мрачные проповеди неистового Савонаролы. Древняя пасхалия была доведена только до семитысячного года — дальше она, как полагали составители, будет не нужна...

Митрополит Зосима оказался более дальновидным. Под его руководством была составлена новая пасхалия и разослана по русским церквам. В немедленный конец света митрополит не верил. Но на кафедре ему удержаться не удалось.

17 мая 1494 г. Зосима «остави митрополию не своей волею». Оказалось, что составитель новой пасхалии «непомерно пития держашеся и о церкви Божии не радяше».[12] Этому нельзя не подивиться. Ведь Зосима еще недавно был архимандритом и считался достойнейшим из кандидатов на митрополичий престол. Когда же это он успел пристраститься к «непомерному питию»? Загадка разъясняется, когда узнаем, что противники митрополита обвиняли его в ереси. Клерикальная оппозиция не простила ставленнику великого князя мягкого приговора новгородским еретикам. Под давлением консервативных иерархов митрополиту пришлось оставить кафедру.

Клерикальная оппозиция продемонстрировала свою силу. Но это было ее пирровой победой. Митрополитом стал Симон — игумен Троицкого монастыря, того самого, который еще недавно выступил против игумена Паисия. Новый митрополит просто-напросто боялся великого князя и ни в чем не смел ему перечить. Воинствующие клерикалы обманулись в своих

ожиданиях. Вопрос о церковной реформе продолжал оставаться весьма актуальным.

Великий князь Иван Иванович Молодой страдал «камчюгою в ногах» — видимо, тромбофлебитом. Приехавший из Венеции лекарь-«жидовин» Левон взялся вылечить наследника. По словам летописца, он сказал великому князю-отцу: «не излечу его яз — и ты вели мене смертию казнити».

Началось лечение. Леон давал своему пациенту «зелье пити», ставил банки — жег «сткляницами по телу», вливал какую-то горячую воду. Но медицина и в XV в. была не всесильна. В ночь на 8 марта 1490 г. молодой великий князь умер.

Нет оснований сомневаться в профессиональных качествах венецианского врача, еще менее — в его добросовестности. Берясь за лечение наследника главы Русского государства, Леон понимал, чем рискует. Казнь врачей-неудачников не была редкостью в Европе. Леон не был самоубийцей и, по всей вероятности, приложил все свое умение и старание. Но смерть пациента была приговором врачу. 22 апреля по велению великого князя Ивана Васильевича венецианскому лекарю «ссекоша» голову.[13]

Много десятилетий спустя князь Андрей Курбский, находясь в литовской эмиграции, обвинит в отравлении Ивана Молодого его мачеху и родного отца. Можно ли верить этому? Князь Курбский был яростным полемистом. Как и его державный корреспондент, он заботился не столько об истине, сколько об эффектности своих тезисов. Современники ни прямо, ни косвенно не говорят о каком-либо злоумышлении против Ивана Ивановича. Даже фрондирующий Берсень Беклемишев, достаточно сдержанно относившийся к великой княгине Софье, ни словом не упоминал о ее причастности к умерщвлению наследника. По-видимому, в Москве об этом ничего не было известно. Иностранцы, особенно соседи, всегда интересовались состоянием дел в Русском государстве и, как правило, фиксировали все крупные события. Но об отравлении наследника не писали ни в Ливонии, ни в Польше. Обвинения против «отравителей» лежат целиком на совести князя-эмигранта.[14]

Со смертью Ивана Молодого вновь обострился династический вопрос. Старшему сыну от Софьи Фоминишны пошел двенадцатый год. До совершеннолетия было ему далеко, и нет ничего удивительного в отсутствии сведений о каком-либо его участии в политической жизни страны. Дмитрию Ивановичу, сыну покойного наследника, было всего шесть лет. Вопрос о престолонаследии оставался открытым.

Само по себе наличие нескольких претендентов, ни один из которых не обладал, строго говоря, бесспорными правами на престол, делало обстановку при дворе неустойчивой и тревожной. Придворная среда редко отличается высокой моралью и принципиальностью. Значительно чаще она является благодатной почвой для интриг. Само положение придворного ставит его в полную зависимость от владыки. Не удивительно, что здесь образуются «партии», делающие ставку на того или иного будущего главу государства. Так, по всей вероятности, было и в данном случае. И Василий, сын великого князя от Софьи Фоминишны, и Дмитрий, внук государя всея Руси, сын Елены Стефановны, имели в придворной среде сторонников, связывавших с ними свои надежды. Можно говорить, как это делается иногда в литературе, о «партии» Софьи и о «партии» Елены. Но пока рельная власть была в руках государя всея Руси. В 90-х гг. политический курс оставался прежним. Борьба придворных «партий» на него не влияла.

Кроме вассальной Рязани, сохранялись еще два формальных удела — Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого.

Однажды придворный Андрея Большого сообщил своему князю, «яко хощеть князь великий» его «поимати». Шел 6996-й г. (1487/88). Позади была ликвидация Дмитровского удела, Ростовского и Ярославского княжеств, уделов Вологодского и Верейско-Белозерского, великого княжества Тверского... Позади были феодальный мятеж, его неудача, повинная и примирение на началах еще большей зависимости от старшего брата. Великая княгиня Мария Ярославна, инока Марфа, постоянная печальница за своих сыновей, особенно за Андрея, была уже в могиле. Андрей Васильевич, родившийся в углицком заточении родителей, хорошо понимал, к каким последствиям мо-

жет привести гнев великого князя, теперь государя всея Руси. Понимал князь Андрей и то, что сам он не безгрешен перед старшим братом. Много лет он боролся за права удельных князей, противопоставляя себя великому князю, и, хотя Иван Васильевич дважды мирился с ним и заключал «докончания», Андрей не мог рассчитывать на его симпатию.

Слова придворного встревожили его не на шутку. Первым побуждением было бежать в Литву по проторенной дороге русских князей, терявших уделы, но спасавших головы. Но, поразмыслив, князь Андрей Васильевич отверг этот вариант и решил объясниться со своим могущественным братом. За посредничеством он обратился к старейшему и авторитетнейшему боярину, князю Ивану Юрьевичу Патрикееву. Иван Юрьевич приходился двоюродным братом и государю всея Руси, и князю Андрею — это его мать Анна была родной сестрой Василия Темного. Но родственные связи и семейные воспоминания не играли решающей роли при московском дворе. Больше всего ценилась служба. А тридцатилетняя служба князя Патрикеева казалась безупречной. Тем не менее он «отречеся» от деликатной миссии посредничества между своими двоюродными братьями. Тогда князь Андрей решился поговорить со старшим братом сам.

По сообщению летописца, произошла эффектная сцена. Великий князь клялся «и небом и землею, и Богом сильным, творцом всея твари», что и в мыслях у него не было «поимать» брата. Необычная по форме клятва отдает церковным «вольнодумством» и подтверждает подозрения в близости главы Русского государства к «ереси» (если считать «ересью» всякое отступление от трафаретов, выработанных средневековьем на все случаи жизни). Но важнее другое — был ли искренним Иван Васильевич? Клятва — дело серьезное и опасное для души, но ведь он не поцеловал креста...

Вряд ли он симпатизировал князю Андрею. Перед ним был враг, носитель ненавистной удельной традиции, враг, поставивший Русское государство в труднейшее положение в годину смертельной опасности. И его отец имел дело с братьями (правда, двоюродными), и они клялись друг другу в верности и даже целовали крест. Иван Васильевич помнил страшную

сцену в Троицком монастыре, клятвопреступление Шемяки и Ивана Можайского, позор и унижение слепого отца... Да, он сломил удельных князей. В новом Русском государстве нет места их амбициям, их борьбе за власть, грызне за уделы. Государством он правит не с братьями, а с подобранными им самим советниками, самыми преданными, самыми мудрыми. Андрей и Борис сидят в своих уделах, в своих игрушечных княжествах — и только. Пусть ходят в походы со «своими» полками, но под знаменами всей Руси. Но можно ли им доверять?

Так или иначе, князь Андрей ушел от брата успокоенным. А великий князь учинил следствие и узнал, что виновник тревоги — сын боярский Мунт Татищев. Это он «сплоха пришед, пошутил» насчет «поимания» углицкого князя. Иван Васильевич тоже оценил шутку Мунта — он «хоте ему язык вырезати», и только по печалованию митрополита (тогда был еще жив строптивый Геронтий) ограничился «торговой казнью» (битье кнутом на торгу)[15].

«Шутка» Мунта бросает зловещую тень на судьбу углицкого князя. В то же время она приоткрывает завесу над жизнью людей той эпохи. Как безысходно быть удельным князем! Какое грозное расстояние отделяет его теперь от старшего брата, какое нужно иметь мужество, чтобы не бежать в Литву, как какой-нибудь Шемячич или жалкий Михаил Тверской...

Прошло три года. Шел май 1491 г. Государь всея Руси получил известие, что ордынские «цари», сыновья Ахмата, идут «с силою» на Менгли-Гирея Крымского. Развалившаяся Орда со своими «царями» была уже не опасна. Но Менгли-Гирей мог быть союзником против короля, борьба с которым как раз разгоралась. В силу русско-крымского договора, заключенного еще князем Иваном Звенцом Звенигородским в канун нашествия Ахмата, крымскому хану нужно было помочь.

Начался поход русских войск через Дикое Поле «под Орду». Во главе с князьями Петром Никитичем (еще недавно он служил Андрею Большому) и Иваном Михайловичем Оболенскими пошли дети боярские двора великого князя. Пошли и татарские вассалы — «царевич» Сатылган со своими уланами и князьями. Казанский хан Мохаммед-Эмин получил

распоряжение послать своих воевод. Такое же распоряжение было дано и удельным князьям Андрею и Борису. «И князь Борис воеводу своего послал с великого князя воеводами». А вот князь Андрей «воеводы и силы своея не послал...».

Поход был недолгим. Узнав о движении русско-казанских войск, «цари» Ахматовичи поспешили от Перекопа домой. Воеводы великого царя и его вассалы «возвратися в свояси без брани»[16].

Наступил сентябрь. Начался год ожидаемого конца света — «лето семитысячное». Князь Андрей Васильевич получил приглашение приехать из Углича в Москву. 19 сентября он прибыл в столицу. На следующий день на подворье углицкого князя явился великокняжеский дворецкий князь Петр Васильевич Шестунов, по прозвищу «Великий». «Великий» Шестунов от имени своего государя пригласил князя Андрея «хлеба ясти».

Иван Васильевич, «посидев с ним и поговоря мало», оставил брата одного, «повелев» себя ждати. Вошел князь Семен Ряполовский «со многими князми и бояры». «Государь князь Андрей Васильевич, поиман еси... государем великим князем... братом твоим старейшим»,— сказал князь Ряполовский и заплакал... В «поимании» оказалась и вся свита Андрея Углицкого — бояре, дьяки, казначей, дети боярские «от больших до меньших».

Тотчас помчались сотни детей боярских в Углич — «поимати» детей Андрея Васильевича. Десятки лет просидели в темницах княжичи Иван и Дмитрий. Младший из них умер только через полвека, монахом Спасо-Прилуцкого Вологодского монастыря. Жена Андрея Углицкого Елена Романовна (урожденная княжна Мезецкая) успела умереть на свободе. Дочерей, вышедших замуж, не тронули.

Два года и полтора месяца просидел князь Андрей Васильевич Большой под стражей на Казенном дворе. 6 ноября 1493 г. его не стало. Князь Андрей (иногда прозываемый «Горяй») умер, как и родился,— в темнице.[17]

Зловещая пелена лежит на средневековом Угличе. Но ни судьба мятежного Шемяки, ни загадочная смерть царевича-эпилептика не могут быть поставлены в сравнение с трагедией последнего носителя

старой традиции княжеского «одиначества», последнего осколка уходящей в прошлое удельной Руси.

Заточение противников в темницу — обычный (и далеко не самый жестокий) метод политической борьбы в эпоху средневековья. Борьба за власть не знала компромиссов, и ставкой каждый раз была жизнь. Не знала компромиссов и борьба за пути развития стран и народов. Переплетаясь с личными судьбами, она была не менее беспощадной.

Судя по сообщению официозного летописца, великий князь предъявил брату обвинение в измене. Оно состояло из шести пунктов: 1) князь Андрей «думал» на брата своего старейшего с князьями Юрием, Борисом и Андреем Меньшим; 2) он привел братьев к целованию — совместно стоять против великого князя; 3) он посылал грамоты к королю Казимиру, «одиначась» с ним на великого князя; 4) он сам с братом Борисом отъезжал от великого князя; 5) он посылал грамоты к хану Ахмату, приводя его на Русскую землю с ратью; 6) он не послал свои силы в поход на ордынского «царя».

Три из шести пунктов (третий, четвертый и шестой), несомненно, основательны. Один (пятый) весьма сомнителен: Андрей сам ходил в поход на Ахмата, спасая заокские волости. Второй пункт очень правдоподобен. Первый — сомнителен в отношении участия князя Юрия (но не самого Андрея). По формальному счету оказывается, что великий князь почти во всем прав...

А фактически, по существу дела? Субъективно князь Андрей не был изменником, как не были изменниками новгородские бояре, стоявшие за свою «старину», как не был изменником и герцог Бургундский, воевавший против своего сюзерена. Они оказались жертвами неотвратимого хода истории. Главное, в чем можно их упрекнуть, — это узость кругозора и статичность мышления. Они жили нормами вчерашнего дня и тем самым изменяли дню сегодняшнему. Их социальные и политические идеалы оказались в безвозвратно ушедшем прошлом. Как герцог Бургундский не мог себя представить покорным вассалом короля Людовика XI, как новгородские бояре не сомневались в своем праве выбирать князя, так и Андрей Васильевич не мог забыть, что он —

родной правнук Дмитрия Донского и подлинный, законный государь своего маленького удела. Он не мог понять, что время уделов и межкняжеских докончаний миновало навсегда, что он может сохранить свободу и хотя бы титулярную власть над уделом, только отказавшись от какой-либо политической самостоятельности, только осознав и признав себя не более чем подданным государя всея Руси.

Отказ послать воевод «под Орду» сыграл в судьбе Андрея Васильевича роковую роль. Колебавшийся до этого, великий князь окончательно понял, что на Андрея рассчитывать нельзя,— он не подданный, а только союзник, притом ненадежный. Участь углицкого князя была решена.

Прошло три года после смерти Андрея Горяя. 26 октября 1496 г. в Москву съехались епископы Русской земли: ростовский Тихон, суздальский Нифонт, тверской Вассиан. Не на выборы митрополита приехали они, не для решения церковного спора. Митрополит Симон и епископы услышали покаяние великого князя Ивана Васильевича, государя всея Руси. Он «начаша бити челом пред ними с умилением, и с великими слезами, а прося у них прощения о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом и неосторожею его уморил в нужи»[18].

Чужая душа — потемки. Был ли искренен великий князь, оплакивая трагическую кончину своего брата? Или это был (как обычно считают историки) не более чем политический маневр? У нас нет ответа на эти вопросы. Но если покаяние было искренним (что вполне возможно), то ведь великий князь сожалел только о смерти брата. В его захвате обманом, в заточении его и его сыновей Иван Васильевич, судя по словам летописца, не раскаивался. В судьбе княжичей, оставшихся в темнице, ничего, видимо, не изменилось. Перед митрополитом и епископом каялся человек, «неосторожею» уморивший родного брата. Этот человек мог быть искренним. Государь всея Руси, железной рукой стерший с лица земли Углицкий удел, не каялся ни в чем. И в этом тоже был искренним. Прав был Иван Васильевич, прав. За его спиной стояла Русская земля, избавленная от княжеских усобиц и ордынских ратей. Правоту его подтверждал весь ход истории. Но «правда» без милости

мучительство есть»,— записал свою мысль окольничий Федор Иванович Карпов, прошедший школу жизни во времена первого государя всея Руси. «Правда» была. Была ли «милость?» Привычное, но изжившее себя прошлое уходило в небытие, омытое слезами и кровью.

Через несколько дней после «поимания» князя Андрея великий князь вызвал к себе и Бориса Волоцкого. 7 октября он приехал в Москву «в великой тузе». Тужить было отчего — Борис уже хорошо знал судьбу своего брата и имел все основания ожидать того же. Но великий князь был с ним милостив. Последние десять лет, после мятежа, Борис не был ослушником. Покорный волоцкий князь был не опасен — в отличие от Андрея, он знал свое место. И через три дня, отпущенный великим князем, он «выехал на Волок с радостью великою». В мае 1494 г. Борис умер своей смертью [19]. Своей смертью умирал и его удел, разделившийся между двумя наследниками и потерявший всякое политическое значение. Ничтожество последних волоцких князей, Борисовичей Ивана и Федора, ростовщиков и неоплатных должников собственным подданным, подчеркивало изживание удельной системы.

Внутри Русского государства угасали последние уделы. А на его рубежах готовилась война за русские земли, захваченные в свое время Литвой. Мы видели, как дипломатия великого князя настойчиво искала союзников против Ягеллонов. Кроме крымского Менгли-Гирея и молдавского Стефана таким союзником был и король Венгрии Матвей Корвин, враг Казимира и его сына Владислава, короля Чешского. В 80-х гг. с Венгрией велись оживленные переговоры, происходил обмен послами и было заключено докончание «о братстве и любви». Так к середине 80-х гг. оформилась коалиция против Казимира Ягеллончика. Это был крупный успех русской дипломатии, впервые вышедшей на широкую европейскую арену. Но король Матвей, занятый борьбой с императором, чехами и турками, не мог оказать активной помощи Русскому государству. Молдавия и Крым могли в лучшем случае отвлечь часть сил Казимира. В борьбе за возвращение пограничных земель приходилось рассчитывать главным образом на себя.

В 1486 г. очередной посол к Менгли-Гирею сообщил хану, что люди великого князя «беспрестанно емлют королеву землю»,— между Русью и Литвой шла непрерывная пограничная война.

Объективным содержанием и целью этой войны со стороны Русского государства было возвращение русских земель из-под власти короля. Сама война заключалась во взаимных нападениях на порубежные волости. При этом русские князья, вассалы Казимира, один за другим переходили на сторону Руси — если удавалось, то со своими землями, если нет — то получая новые вотчины на территории Русского государства. «Литовские люди», в свою очередь, грабили русское порубежье и владения князей, перешедших от Казимира. Одной из форм борьбы против Руси были утеснения русских торговых людей, ехавших через земли Казимира в Крым и другие страны. Купцов систематически задерживали, грабили, подвергали разным издевательствам и неоднократно сажали в застенки. На широком фронте от Великих Лук до Калуги год за годом кипела пограничная война, горели деревни, уводились в плен люди. Но официально война не объявлялась.

Между Москвой и Вильно шел оживленный обмен посольствами, пересылались грамоты с взаимными жалобами, упреками, претензиями и угрозами. К большой войне ни та, ни другая сторона не стремилась. Король Казимир готовился к войне с Турцией и к борьбе за венгерский престол для своего сына. Великий князь Иван Васильевич, отвоевывая волость за волостью, не хотел вести большую войну без сильных союзников.

Летом 1490 г. королевскому послу Станиславу Петряшковичу были переданы многозначительные слова великого князя: «А нам от короля великие кривды делаются: наши городы и волости и земли наши король за собою держит»[20]. Это первое официальное заявление Русского государства о непризнании захвата русских земель Литвой и Польшей, первый шаг в выработке перспективной политической программы борьбы за эти земли.

7 июня 1492 г. в Гродно умер старый король Казимир IV. Уход со сцены опытного и искусного политического деятеля и наступившее «бескоролевье»

создавали благоприятные условия для активизации русской политики. К тому же династическая уния между Литвой и Польшей оказалась прерванной — польским королем стал старший сын Казимира Ян Альбрехт, великим князем Литовским — младший сын Александр.

В августе 1492 г. русские войска предприняли первый крупный поход на Литву. Наступление велось в двух направлениях. На юго-западе были заняты Мценск, Любутск, Мезецк и Серпейск (при участии русских князей, перешедших на сторону Москвы). На западном направлении были развернуты, по-видимому, главные силы под водительством князя Данила Васильевича Щени. Им удалось достичь крупного успеха — овладеть Вязьмой. Как и в других городах, «земские люди черные» были приведены к целованию на великого князя, а князья и паны признали себя вассалами Русского государства.

Осенне-зимний поход 1492/93 г. имеет принципиальное значение. Впервые в двухсотлетней борьбе с Литвой удалось занять ряд городов и положить начало освобождению русских земель. Великий князь Александр Литовский к войне был не готов. Брат, король Польши, фактически отказал ему в помощи. Александр Казимирович начал переговоры о мире.

Мирный договор с Литвой, заключенный в феврале 1494 г., подводил итоги порубежной войны и отражал новое соотношение сил между Русью и Литвой. За Русским государством остались земли перешедших из Литвы князей, и главное — Вязьма. Граница с Литвой теперь была отодвинута далеко на запад от Москвы, до самого Дорогобужа (оставшегося в литовских руках)[21].

Докончание февраля 1494 г. важно как первый этап возвращения Руси утраченных ею земель. Впервые в договоре с Литвой великий князь Иван Васильевич был официально назван «государь всея Руси». Этот титул, употреблявшийся на Руси с начала 70-х гг., уже фигурировал, как мы видели, в договоре 1481 г. с Орденом. А теперь не только вассал императора, но и суверенный великий князь Литовский признал новый титул главы Русского государства. Титул этот для Ивана Васильевича не

был пустым звуком. Он отражал политическую доктрину единства Русской земли, исторической преемственности русской государственности.

Но пока за Литвой и Польшей оставались обширные русские земли, прочного мира на западной границе быть не могло. Договор 1494 г. при всем своем значении был фактически не более чем перемирием.

В Литве возлагали большие надежды на брак великого князя Александра с княжной Еленой, дочерью Ивана Васильевича. Династический брак, как считали в Вильно, предохранит от предъявления дальнейших требований возвращения русских земель. Переговоры о браке шли параллельно с мирной конференцией. 6 февраля 1494 г. состоялся формальный обряд обручения: невеста и представлявший особу жениха староста Жмудский Станислав Янович обменялись перстнями и крестами. В январе следующего года в сопровождении пышной свиты княжна Елена навсегда покинула родную землю. В Вильне ее ожидали торжественный прием и бракосочетание по двойному — католическому и православному — обряду[22]. Впервые за полтораста лет, после Юлианы Александровны Тверской, выданной в свое время за Ольгерда, русская княжна стала супругой главы Литовского государства. Но если тверские князья заискивали перед могущественным Ольгердом и искали в нем союзника, то теперь государь всея Руси оказывал честь великому князю Литовскому, соглашаясь на брак своей дочери.

Через дочь Иван Васильевич надеялся в той или иной мере оказывать влияние на политику зятя и получать информацию из Литвы. Главным условием брачного договора было поставлено неукоснительно строгое соблюдение православия русской княжной, ставшей теперь супругой католического государя. В Литве, где едва ли не большинство населения составляли православные русские, это имело огромное политическое значение. Православная великая княгиня, дочь могущественного государя всея Руси, могла стать знаменем православия при католическом дворе, идейной опорой для всех русских, отстаивавших свою веру от натиска католицизма. «Яз чаял того, что... тобою всей Руси, греческому закону, окрепление бу-

дет»,— писал впоследствии Иван Васильевич дочери в Вильно.

Литовские послы, впервые видевшие княжну Елену, сообщают, что она была очень красива. Но, как говорит народная мудрость, «не родись красивой, а родись счастливой». А счастливой княжна Елена, дочь одного из самых могущественных государей, не родилась. В далеком, чужом Вильно она оказалась между молотом и наковальней, разрываясь между политическими интересами мужа и отца. Пережив на несколько лет их обоих, оторванная от родины и не прижившаяся на чужбине, она умерла полуузницей в одном из литовских замков.

Не только литовские дела интересовали великого князя. В поле его зрения попадали все более широкие международные проблемы.

Путь в Европу через Белое море и Северный океан был труден, опасен и еще мало исследован. Только бесстрашные поморы ходили в океан на рыбный промысел на своих мореходных, но маловместительных суденышках. Возможность прохода по суше через Литву и Польшу полностью зависела от благорасположения короля, от него же зависел путь по Днепру к Черному морю, а выход из самого этого моря был в руках султана. Торговлю, независимую от иностранного контроля и вмешательства, можно было вести только через Балтийское море. Для экономического и культурного развития Русского государства, для его политических отношений с европейскими странами балтийский торговый путь приобретал первостепенное значение.

Уже в 80-е гг. великий князь дает своим послам в Литву наказ подробнее разузнать о гаванях на Балтийском море. А весной 1492 г., в разгар Литовской войны, «повелением великого князя Ивана Васильевича заложиша град на немецком рубеже, против Ругодина (Нарвы.— *Ю. А.*) города немецкого на Нарове, на Дивичьи горе на Слуде, четвероуголен, и нарече ему имя Ивангород»[23].

Новый город, заложенный на крайнем северо-западе Русской земли, на берегу глубоководной Наровы, недалеко от впадения ее в море, город, овеваемый балтийскими ветрами, должен был стать первым

морским портом Русского государства и одновременно — крепостью па Балтике. Россия начала становиться балтийской морской державой.

Молодой город быстро рос. Уже через несколько лет в нём насчитывались сотни дворов ремесленников и торговцев. Город стал конкурентом старой Нарвы. Русские суда из Ивангорода плавали по всей Балтике, заходили и в Копенгаген. Замышлялось и создание военного флота — русский посол в Венецию Дмитрий Ралев должен был пригласить мастера для строительства галер. Первое «окно в Европу» было прорублено.

Борьба за выход на балтийские торговые пути означала прежде всего борьбу против Ганзы. Ганза пользовалась покровительством императора и была тесно связана с Ливонией. В XIV в. Ганза безраздельно господствовала на северных европейских морях. Союз немецких торговых городов во главе с Любеком насчитывал десятки членов, располагал могущественным флотом и широко разветвленными торговыми связями. Но во второй половине XV в. Ганза уже прошла зенит своей славы. С образованием национальных государств все труднее становилось купцам отстаивать свою монополию. В борьбу с Ганзой вступила Англия Тюдоров. Против ганзейской монополии выступило и Русское государство.

Для борьбы с Ганзой нужен был союзник, обладавший достаточно сильным флотом. Таким союзником явился датский король — старый враг Ганзы. С Данией впервые завязываются переговоры, происходит обмен посольствами и в 1493 г. заключается договор о «братстве, любви и союзе». Союз с Данией не только означал помощь Русскому государству в борьбе против Ганзы, но и возлагал на Русь обязательство помогать датскому королю против его вассала — правителя Швеции Стена Стуре. Так завязался новый сложный дипломатический узел с участием всех балтийских государств.

Осенью 1494 г. великий князь «повелел поимати в Новгороде гостей немецких колыванцев, да и товар их переписати и запечатати». Ганзейский двор в Новгороде был закрыт, а имущество ганзейских купцов конфисковано. Началась русско-ганзейская торговая война.

Поводом к разрыву с Ганзой послужили издевательства над русскими купцами в Ревеле[24]. При укоренившемся отношении к русским в Ливонии как к неравноправным (договор 1481 г. был только первым шагом в борьбе против этого неравноправия) найти повод было нетрудно. Важнее была причина — вековая монополия Ганзы, несовместимая с интересами Русского государства.

Разрыв с Ганзой обострил отношения с Ливонией. Ливонские города с тревогой смотрели на укрепление Ивангорода, на рост русской морской торговли. Появили упорные слухи о намерении русских напасть на Ливонию. Но слухи эти были лишены основания. Великий князь стремился не к войне, а к миру на северо-западной границе. Только мир с Ливонией (при условии соблюдения ею условий договора с Русским государством) мог дать возможность беспрепятственно развивать русскую морскую торговлю.

По-другому складывались отношения со Швецией. Как и Ганза, Швеция была встревожена появлением на Балтике новой морской державы. Начиная с XII в., когда Швеция шаг за шагом захватила земли народов сумь и емь (теперешнюю Финляндию) и приблизилась к берегам Ладоги и Невы, на обширных пространствах от Финского залива до Северного океана между Русью и Швецией накопилось немало спорных вопросов. Союз Русского государства с Данией предопределил русско-шведскую войну.

Вторник, 20 октября 1495 г. Великий князь Иван Васильевич отправляется в свою четвертую и последнюю поездку в Новгород. Летописец подробно описывает отъезд великого князя. С ним отправились сын Юрий (14 лет) и внук Дмитрий (12 лет). Из Успенского собора великий князь шел «пешь» через весь Кремль — мимо своей большой палаты, мимо митрополичьего двора, мимо конюшенного дворца. Иван Васильевич «всел на конь», только выйдя за ворота, против Богоявленской стрельницы (ныне Троицкая башня). Разрядная книга перечисляет поименно свиту великого князя. В Новгород с ним шли бояре, окольничьи, дьяки, дети боярские — более 150 чел.

17 ноября великий князь прибыл в Новгород. Архиепископ Геннадий с архимандритами и игуменами, «со всем освященным собором Великого Новгорода»,

наместники новгородские — Даниил Александрович Пенка и Семен Романович (оба — из рода ярославских князей) «со всем народом града того» встречали великого князя «за градом». «И бысть тогда в Великом Новгороде радость велика».[25]

Впервые государь всея Руси въезжал не в мятежный боярский город, клокочущий глухой ненавистью, а в свою «отчину», неотъемлемую часть Русской земли. Впервые его приезд не сопровождался опалами, конфискациями и «пойманиями». С боярской оппозицией, с новгородским сепаратизмом было покончено навсегда. Не враждебные бояре и озлобленные жители, а мирные горожане — гости, купцы, ремесленники, многие из которых еще недавно жили в Москве, встречали Ивана Васильевича при въезде в Великий Новгород. Отсюда, из Новгорода великий князь руководил действиями своих войск против Швеции.

Поход начался еще в августе. Из Москвы, Новгорода и Пскова стягивались силы к северному рубежу. В сентябре 1495 г. русские подошли к Выборгу. Артиллерийским огнем были разрушены две башни, в третьей образовался большой пролом. 30 ноября войска бросились на приступ, впервые используя штурмовые лестницы. Им удалось овладеть частью городской стены. Но шведы во главе с комендантом Кнутом Поссе оказали мужественное и искусное сопротивление. Захваченная русскими башня запылала. Штурм в конечном итоге оказался отбит. Под стенами Выборга пал Иван Андреевич Суббота Плещеев, внук и сын известных бояр, брат первого русского посла в Константинополе. 25 декабря войска вернулись в Новгород.

Неудаче под Выборгом не следует удивляться. Случаи удачного штурма сильных крепостей были тогда чрезвычайно редки. Крепости обычно брались измором, в результате длительной осады.

Война продолжалась. Зима 1495/96 г., по свидетельству летописца, «велми люта бысть, мрази быша велици и снеги». Тем не менее в январе 1496 г. был начат новый поход «на Свейское государство, на Гамскую землю». Рать князя Василия Ивановича Косого Патрикеева и Андрея Федоровича Челядкина наносила удар севернее Выборга. Шведский отряд, послан-

вый навстречу, был уничтожен. Разрушив несколько шведских крепостей в глубине Финляндии, русские войска в феврале достигли побережья Ботнического залива в районе Або (Турку). Правитель Швеции Стен Стуре, находившийся в Або, объявил всеобщее ополчение. По данным шведских хроник, ему удалось собрать до 40 тыс. чел. Но русские не приняли сражения с превосходящими силами противника и отступили в свою землю. Зимний поход 1496 г. проводился по классическим правилам средневековой войны — вражеская территория разорялась, население уводилось в плен, «яко же бо обычаи есть ратным».

6 марта войска вернулись в Новгород. Через четыре дня великий князь выехал в Москву. Зимняя кампания против Швеции закончилась. В целом она была успешной, хотя и не привела к решительному результату.[26]

Следующий удар последовал на неожиданном для шведов направлении. В июне по распоряжению великого князя воеводы князья Иван Ляпун и Петр Федорович Ушатые (из рода ярославских князей) во главе ополчения устюжан, двинян, онежан, вожан, пермичей совершили морской поход. Пройдя через Белое море, они обогнули Кольский полуостров, захватили три шведских буса (корабля) и вторглись в северную часть Финляндии. Парусно-гребные суда русских проникали по северным рекам вглубь территории противника. Жители Каянской земли, «кои живут на Илменге-реке», «били челом за великого князя», а их предводители поехали в Москву для принесения формальной присяги. Часть Северной Финляндии признала свою вассальную зависимость от Русского государства. Это был важный политический результат.

Несколько скупых строчек в летописи — вот все, что нам известно о походе князей Ушатых и их войска. Тем не менее северный поход 1496 г. (продолжавшийся с июня по октябрь) смело может быть назван одним из самых выдающихся военных предприятий эпохи. Впервые целая рать отправилась в дальний морской поход, впервые в водах Северного океана были захвачены суда противника, впервые суда русских поморов проявили высокие качества как морские транспортные средства. Северный океан и его моря

начали осваиваться не только в хозяйственных, но и в государственных интересах Русской земли. В том же году из устья Двины была отправлена морским путем дипломатическая миссия в Данию — толмач великого князя Григорий Истома на четырех судах дошел до Тронхейма и далее ехал сухим путем через Норвегию. Северный путь в Европу вокруг Скандинавии начал функционировать более чем за полвека до того, как корабль англичанина Ченслера был случайно прибит штормом к русским берегам.[27]

Последний эпизод шведской войны был неудачен для русских. В конце августа шведская флотилия из 70 бусов, вооруженных артиллерией, пересекла Финский залив и врасплох напала на Ивангород. Крепость была не готова к обороне (возможно, вообще не окончена постройкой). Наместник и воевода князь Иван Бабич, проявив нераспорядительность и преступное малодушие, бежал из крепости. Взяв город штурмом, шведы разорили его до основания и истребили всех жителей поголовно, не взирая ни на пол, ни на возраст.[28]

Захват Ивангорода был эффектным успехом шведов. Но удержать город они и не пытались. Узнав о подходе русских войск, шведы поспешно вернулись в Выборг. Что до судьбы Ивангорода, то он был быстро восстановлен, укрепления его значительно усилены, а торговое и военное значение города продолжало возрастать по мере развития русской торговли на Балтике.

Итак, обе стороны обменялись сильными ударами. Но война шла к концу. В марте 1497 г. в Новгороде было заключено перемирие на шесть лет. Вопрос об уточнении границ предстояло еще решить. Но главная цель русских — свободная торговля между подданными обеих стран — была достигнута. Балтийская торговля Русского государства расширялась.

80—90-е гг.— время установления дипломатических отношений Русского государства со странами Востока и Запада.

По некоторым сведениям, еще в 1483 г. в Москву прибыли послы грузинского царя Александра, повелителя Кахетии. В 1492 г. в летописи зафиксировано другое посольство Александра Кахетинского — от его

имени прибыл посол Мурат. Содержание русско-кахетинских переговоров нам не известно, но важен и показателен сам факт установления контактов с православной Грузией, впервые за триста лет после Андрея Боголюбского (чей сын был женат на царице Грузии Тамаре).

Дошли до нас некоторые сведения и о сношениях с другими восточными странами. Так, по летописному сообщению, 28 сентября 1490 г. в Москву прибыл посол властителя Хоросана, султана Хуссейна-мирзы. Могущественный потомок Тимура и покровитель великого поэта Алишера Навои предлагал Русскому государству «любовь и дружбу».

Но еще большее значение, чем контакты с далекими странами Востока, имело установление отношений с крупнейшими и сильнейшими державами тогдашнего мира — Германской империей и Османским султанатом. Еще в январе 1489 г. в Москву приехал немецкий рыцарь Николай Поппель, представитель императора Фридриха III. От имени императора он предложил государю всея Руси королевскую корону. Но щедрый дар, двести лет назад пленивший Даниила Галицкого, был отвергнут великим князем. В своем ответе, переданном через дьяка Федора Курицына 31 января 1489 г., Иван Васильевич заявил, что не нуждается ни в чьем покровительстве и поставлении: «Мы... государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей. А поставление имеем от Бога, как наши прародители. ...А поставления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»[29]. Так в терминах средневекового миропонимания была впервые сформулирована доктрина полной суверенности Русского государства и исторической преемственности его традиций. Это имело и практическое, и теоретическое, принципиальное значение. Русское государство, выходя на широкую международную арену, подчеркивало свою полную независимость и равноправие с Империей. Ведь по средневековым стандартам император считался светским главой европейских государей (как папа — церковным). Короли Англии, Франции, Испании, Польши были ниже его по рангу. Отказ Ивана Васильевича от королевской короны означал его нежелание признать приоритет императора и поставить Русское

государство хотя бы формально в подчиненное положение.

Иван Васильевич продолжал настойчиво и последовательно проводить в жизнь свою концепцию русской государственности — официальную политическую доктрину объединенной Русской земли. Эта концепция имела реальный исторический характер и не была связана ни с какими мифическими теориями, распространявшимися в последующее столетие, — вроде родства русских князей с императором Августом и т. п. Не имела ничего общего его доктрина Русского государства и с теорией «Москвы — третьего Рима», зарождавшейся именно в это время в церковных кругах. (Свой окончательный вид эта теория получила несколько позже, в послании псковского монаха Филофея великому князю Василию III.) Официальная доктрина носила чисто светский характер и имела историческое, а не баснословное обоснование.

Несмотря на неудачное предложение королевской короны, миссия Поппеля в Москву имела важное политическое значение. Впервые в русской столице появился посол императора. Имели значение и намеки Поппеля о возможности союза с Империей. Поппель передал предложение маркграфа Альбрехта Баденского, племянника императора, жениться на одной из дочерей великого князя. Но попытки посла выступить посредником между Псковом и ливонским магистром были категорически отвергнуты с самого начала.

22 марта 1489 г. из Москвы отправилось ответное посольство во главе с Юрием Траханиотом. Великий князь изъявлял готовность продолжить переговоры «для приятельства и любви». В посольском наказе решительно отвергалось сватовство маркграфа из-за его несоответствия рангу русского государя. Иван Васильевич в принципе соглашался выдать свою дочь только за сына императора. Действительно, сын императора, носивший титул короля Римского (будущий император Максимилиан I), в то время вдовел — его первая жена, Мария Бургундская, дочь горцога Карла Смелого, умерла в 1482 г., разбившись при падении с лошади. Родство с наследником императорского престола отвечало, по мнению Ивана Васильевича, его положению как равноправного с императором главы суверенного государства.

Переговоры привели к заключению союза с королем Максимилианом против Ягеллонов и к соглашению о выдаче за него замуж дочери государя всея Руси. В марте 1491 г. условия, выработанные в Москве, были приняты королем. Но договор не вступил в силу. Максимилиан увлекся другими вопросами европейской политики, а сделанное им приглашение вступить в антитурецкую лигу не отвечало интересам Русского государства. Первый опыт переговоров с Империей принес пользу в том смысле, что значительно расширил политические горизонты Русского государства, уточнил ориентировку в европейских делах.

Еще в 1486 г. Иван Васильевич извещал своего союзника Менгли-Гирея, что «салтан турской» предложил ему дружбу. Посольство, отправленное из Кафы сыном султана, Мохаммедом, было задержано Александром Литовским и до Москвы не добралось. Однако сам факт этого посольства стал известен великому князю и дал повод к отправке в Кафу и Стамбул первого русского посла — Михаила Андреевича Плещеева. Он выехал в октябре 1496 г., держа путь в обход литовских владений, прямо на Перекоп.

Посольский наказ был, как всегда, тщательно продуман и изложен в точных, недвусмысленных выражениях. Русский посол должен был соблюдать честь и достоинство своей страны. На приеме у султана ему предписывалось «поклон правити стоя, а на колени не садитися». В присутствии послов других держав представитель России не должен был садиться ниже ни одного из них. В речи к султану послу следовало уделять главное внимание торговым вопросам и изложить предложение о торговле «без всяких зацепок».[30]

Посольство Плещеева и его манера поведения произвели сильное впечатление в Стамбуле. Михаил Андреевич Плещеев — тот самый «московит», из уст которого султан, по выражению К. Маркса, услышал «гордые речи». Впервые перед султаном непобедимой Османской империи, внушавшим трепет всей Европе, стоял посол государства, хотя и готового к дружественным переговорам, но не склонного ни к какому унижению и заискиванию. Как и с Германской империей, с Османским султанатом Русское государство готово было вести переговоры только на равных.

В своей ответной грамоте Баязид II обещал прекратить утеснение русских купцов и предлагал продолжать и расширять торговлю. Начало прямым дипломатическим контактам между Москвой и Стамбулом было положено. Это открывало новые перспективы в восточной политике Русского государства.

К середине 90-х гг. XV в. создание единого Русского государства стало фактом международного значения. Россия превратилась в силу, с которой нельзя было не считаться на всем пространстве от Урала до Средиземного моря, от Северного океана до Средней Азии. С ее позицией связывались надежды и опасения, реальные расчеты и фантастические замыслы. Корабль обновленной русской государственности уверенно выходил в океан мировой политики. Наступало новое время.

На заре нового века

Людовик XI, по словам своего биографа, мечтал о том, «чтобы все кутюмы (обычаи.— *Ю. А.*), переложенные на французский язык, были сведены в одну хорошую книгу». Могущественный и мудрый король Франции, победивший в многолетней борьбе всех своих врагов, на закате жизни хотел создать судебное законодательство, единое для всего королевства, но ему не хватило «пяти или шести лет жизни». «Хорошо поступает тот, кто делает добро, пока есть возможность»,— заключает по этому поводу Филипп де Коммин.[1]

...И вот перед нами — единственный сохранившийся до нашего времени список судебного кодекса великого князя Ивана Васильевича. Это копия, близкая по времени к оригиналу.[2]

«Лета 7006 года месяца септемвриа уложил князь вел[ик]ий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде» — таков заголовок этого уникального памятника. Долгое время составителем Судебника считался Владимир Гусев, и только сравнительно недавно распространилось мнение, что этот сын боярский (когда-то посол к тверскому Михаилу Борисовичу, впоследствии казненный за участие в за-

говоре) не имеет, скорее всего, к Судебнику никакого отношения — просто в одном из списков летописи по невнимательности переписчика известие о Судебнике оказалось соединенным с упоминанием Гусева в следующей за тем фразе. Это мнение, впервые обоснованное Я. С. Лурье и Л. В. Черепниным, в настоящее время разделяет большинство исследователей. По всей вероятности, оно справедливо. Владимир Гусев — весьма незначительный деятель, и трудно представить, что именно ему было поручено составление основного закона государства — первого после Русской Правды общерусского кодекса. Кроме того (и это главное), средневековье не знало авторского права. Кто бы ни был «составителем» Судебника, его имя не могло попасть на страницы официозного источника. Поиски «автора» Судебника (а на этот счет высказаны остроумные гипотезы) столь же увлекательны, сколь и безнадежны. Скорее всего (но это тоже гипотеза), Судебник составляла комиссия из наиболее квалифицированных и доверенных лиц — дьяков, руководителей складывавшихся центральных ведомств, накопивших достаточный опыт в судебных и административных делах. Трудно оспорить мысль, что Судебник составлялся не по чьей-либо частной инициативе, а по поручению главы государства и отражал правовые и социальные идеи великого князя Ивана Васильевича и основное направление его политики.

Так или иначе, составление Судебника стало важнейшим государственным делом, а его утверждение — актом большого политического значения. Нет сомнений, что в этом деле действительно принимали участие высшие чины государства — дети великого князя (совершеннолетними были к тому времени Василий, Юрий и Дмитрий) и бояре. Скорее всего, в утверждении Судебника участвовал и внук великого князя Дмитрий Иванович, которому было уже почти 14 лет.

Судебник впервые конституирует центральный суд Русского государства — это суд бояр и окольничих, в котором непременное участие принимают дьяки — секретари, а фактически руководители ведомств. Впервые было узаконено, что суд — не только право, но и обязанность боярина. Только в особых случаях он мог отказывать «жалобнику» в суде и посылать его к великому князю. Впервые же были официально

запрещены взятки — «посулы», на которые до сих пор феодальная юстиция смотрела сквозь пальцы, фактически допуская их. Впервые точно фиксируется размер судебных пошлин — в большинстве случаев шесть процентов боярину, четыре процента дьяку. Сто лет назад, по уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле, пошлина составляла 50 % — снижение ее в пять раз делало суд гораздо более доступным и тем самым способствовало укреплению феодального правопорядка. Впервые вводился принцип опроса представителей местного населения в случае, когда против подозреваемого в преступлении не было бесспорных улик. В такой ситуации показание под присягой пяти-шести детей боярских или такого же числа «добрых христиан» решало судьбу обвиняемого. (Голоса феодалов и крестьян пока еще равноценны. Через 60 лет, при Иване IV, показание одного сына боярского будет приравниваться к показаниям нескольких крестьян.)

Судебник зафиксировал важную дифференциацию в правах местной администрации. Только наместники «с судом боярским» могли судить уголовные дела и дела о холопах. Наместники и волостели без боярского суда в соответствующих случаях должны были обращаться в Москву.

Важнейший момент: наместники теперь не могли судить «без дворского и без старосты и без лутчих людей» — норма обязательного участия представителей местного населения в наместничьем суде, впервые зафиксированная в Белозерской уставной грамоте 1488 г., теперь была распространена на все Русское государство. Ограничение произвола наместников предполагало контроль не только сверху, из центра, но и снизу, со стороны самого населения. Это имело принципиальное значение. Делался первый шаг к превращению Русской земли в сословно-представительную монархию. Через полвека из этого положения Судебника 1497 г. выросла система сословного представительства на местах, вытеснившая наместничье управление.

Нововведения касались не только судебно-административной системы, но распространялись и на сферу социальных отношений. Они коснулись, в частности, древнего института холопства — личной

зависимости от господина. Издавна холоп не считался гражданином государства, его жизнью и имуществом бесконтрольно распоряжался господин. Развитие феодальных отношений вносило свои коррективы в старые порядки. Со времен Мономаха были известны формы ограниченного, неполного холопства. К XV столетию выделилась категория привилегированных «холопов», аналогичных западно-европейским министериалам, фактически — феодалов, владевших селами и управлявших целыми волостями.

Крупные изменения в фактическом положении холопов начались в последние десятилетия XV в. Уже в 1478 г., после включения Новгородской земли в состав Русского государства, поземельная (обежная) дань была распространена на всех без исключения земледельцев, в том числе и на «одерноватых» (холопов) — в этом смысле они были впервые приравнены к крестьянам. В 80—90-е гг. многие холопы-министериалы (послужильцы) были верстаны поместьями и превратились в феодалов — служилых людей великого князя. Судебник 1497 г. пошел еще дальше и впервые внес заметные изменения в юридическое положение и социальный статус холопов.

Уже само по себе ограничение числа инстанций, которые могли выдавать грамоты на владение холопами («полные») — такое право сохранялось только за наместниками с боярским судом,— свидетельствовало об усилении контроля государственной власти над сферой отношений холопства.

Впервые в государственный закон была введена статья о холопе, бежавшем из плена: такой холоп «слободен, а старому государю не холоп». Бегство из татарского плена требовало мужества и искусства. Наградой была свобода — не только от плена, но и от прежней зависимости.

Еще более важным было освобождение от холопьей зависимости служащих у господина «по городскому ключу». Русская Правда когда-то установила обельное (полное) холопство для всех, работающих в хозяйстве господина («по ключу»). Теперь в этом старом законе была пробита важная брешь — в городском хозяйстве господина отныне работали свободные люди. Прежняя жесткая форма похолопления «по тиунству и по ключу» оставалась только

в деревне. Это показательно — и на Руси, как и в Европе, развивались городские отношения, складывался новый облик горожанина — свободного (разумеется, в феодальном смысле) человека. Имело важное значение и постановление Судебника о том, что самостоятельно живущие дети сохраняют свободу и после похолопления отца.

Институт холопства как таковой сохранялся еще более двух веков. Но Судебник сделал важный шаг в приспособлении этого института к новым потребностям развивающегося феодального общества.

Значительно консервативнее был Судебник в отношении крестьян. В литературе широко распространено мнение, что соответствующая статья Судебника (по принятому в печатных изданиях счету — 57-я) была важным шагом на пути крестьянского закрепощения. Но это утверждение весьма сомнительно. Статья 57 (в рукописи ей соответствуют две статьи, обозначенные киноварными инициалами,— 75-я и 76-я) устанавливала единый для всей Русской земли срок крестьянского «отказа» (ухода от землевладельца) — «за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего» (т. е. с 19 ноября по 3 декабря). В этом, собственно говоря, и заключалась вся «новизна» ее. Право и возможность ухода крестьянина от землевладельца после окончания сельскохозяйственного года — один из устоев системы феодальных отношений в русской деревне на протяжении веков. «Новизна» Судебника только в том, что вместо разных сроков в разных местностях (в Псковской земле, например, временем «отказа»-«отрока» было 14 ноября) он устанавливал единый срок для всей Русской земли. Это не усиление закрепощения. Это еще одно подтверждение достигнутого политического единства страны.

Трудно сказать, новой ли была норма, устанавливавшая дифференцированный размер «пожилого», выплачиваемого крестьянином феодалу при «отказе». Размер «пожилого» по Судебнику зависел, во-первых, от природных условий (в лесистой местности оно было вдвое ниже), во-вторых, от срока пребывания крестьянина в вотчине феодала. Полный размер пожилого (соответственно рубль или полтина) платился, если крестьянин жил в вотчине не менее четырех

лет. За один год платилась четверть полной суммы, за два — половина, за три — три четверти. Подобные выплаты были в принципе известны повсюду в Европе. По Псковской судной грамоте, например, крестьянин (изорник) при «отроке» выплачивал четверть урожая. Плата за уход от феодала — не что иное, как форма феодальной ренты.

Насколько велика была эта сумма для крестьянского бюджета? Иными словами, насколько реальна была возможность крестьянского отказа с выплатой пожилого? Конечно, все зависело от конкретных условий — весьма разнообразных в соответствии с урожаем, реальными возможностями данного крестьянского хозяйства, величиной ренты и т. д. Подсчеты, проделанные группой исследователей под руководством А. Л. Шапиро на материалах новгородских писцовых книг 1490—1500-х гг., позволили прийти к выводу, что валовой годовой доход среднего крестьянского хозяйства в денежном выражении составлял около 4 руб.[3] Из этого дохода выплачивались рента (обычно в размере, близком к четверти урожая), государственные налоги, откладывались семена для посева и т. д. Для такого хозяйства выплата пожилого в максимальном размере была задачей далеко не легкой. Но неразрешимой ее назвать тоже нельзя — за несколько среднеурожайных лет крестьянское хозяйство могло накопить требуемую сумму.[4] «Отказ» крестьянина в соответствии с нормами ст. 57 был вполне нормальным явлением, и актовый материал подтверждает это. Основная масса русского крестьянства имела не только право, но и возможность перемены владельца. Это обстоятельство, накладывавшее отпечаток на весь строй аграрных отношений в стране, было обусловлено не только политическими причинами (стремлением правительства использовать поддержку крестьян), как справедливо отмечают некоторые исследователи, но и общим уровнем социально-экономических отношений в стране, еще далеких от жесткого крепостничества.

Судебник — первый законодательный памятник, упоминающий о новой форме феодального землевладения — поместье. В нем различаются земли вотчинные (боярские и монастырские) и государственные («великого князя земли»). Последние, в свою оче-

редь, включают поместья и черные земли. По определению Судебника, помещик — это тот, «за которым земли великого князя» (ст. 63).

Принципиально важным было положение той же статьи, ставившее государственные (черные и помещичьи) земли в привилегированное положение по сравнению с боярскими и монастырскими вотчинами: иск о вотчинной земле можно было предъявлять в течение трех лет, иск о государственной — в течение шести. Статья допускала и земельный иск черных крестьян к помещику. В этом постановлении отразилась сложившаяся практика великокняжеской политики последних десятилетий — охрана черных земель от захвата феодалами.

Крестьянская масса, уловившая эту тенденцию, чутко на нее реагировала. От 1490—1505 гг. сохранилось гораздо больше судебных дел, отражавших борьбу крестьян за землю, чем за все предыдущие и последующие десятилетия. Формы этой борьбы были разными — от возвращения явочным порядком своих земель, захваченных прежде феодалами, до обращения в суд наместника. До нас дошел, разумеется, только очень небольшой процент земельных тяжб, возбужденных в этот период. Сохранившиеся грамоты обнаруживаются в составе монастырских архивов и относятся обычно к делам, выигранным монастырями. Но так было, очевидно, далеко не всегда. Прямые указания источников свидетельствуют об отписании вотчинных земель «на государя» и о раздаче их крестьянам. Наиболее ярким примером такого рода было превращение вотчин новгородских феодалов в «оброчные земли». Да и сам факт резкого возрастания крестьянских попыток вернуть утраченную ранее землю говорит о том, что борьба волости за землю находила на данном этапе поддержку со стороны великокняжеского правительства.

Охраняя волостные земли, великий князь исходил, разумеется, из государственных интересов. Иван Васильевич, видимо, достаточно хорошо понимал, что черные и оброчные земли и сидящие на них крестьяне — материальный и моральный резерв проводимой им политики создания централизованного государства и укрепления его могущества. Статья 63 Судебника, установившая право крестьянского земельного иска

к феодалу, была одним из проявлений этой политики.

Итак, Иван Васильевич успел издать кодекс законов, отразивший основные итоги его политики. В XVI век Русская земля вступала как единое централизованное государство, в котором старые удельные порядки сохранялись только в виде реликтов. Издание Судебника подводило прочную базу под всю дальнейшую законодательную деятельность в грядущем столетии.

Тем не менее в самом верхнем эшелоне власти назревали трагические события. С годами все более обострялся династический вопрос — после кончины Ивана Молодого не было бесспорного и официально признанного наследника главы государства. Старшему сыну от Софьи Фоминишны было уже 18 лет, и он мог считаться вполне взрослым и дееспособным человеком. Дмитрию, сыну Ивана Молодого, шел пятнадцатый год. До осени 1497 г. ни тот, ни другой активной роли в управлении страной не играли и не фигурировали в качестве наследников. Правда, Василий уже выполнял отдельные поручения отца. Возможно, он формально считался наместником Тверской земли: от его имени в начале 90-х гг. было выдано несколько грамот. (О реальной власти в Тверской земле двенадцатилетнего Василия не могло быть, разумеется, и речи). В 1490 г. он с братом Юрием присутствовал при приеме посла короля Максимилиана, двумя годами позже князь Василий упомянут — после отца и матери — в грамоте, посланной тому же Максимилиану. Зимой 1495/96 г., во время пребывания Ивана Васильевича в Новгороде, он оставался в Москве за старшего при матери «с меньшею братиею». Тем более показательно, что он и по этому случаю не был назван «великим князем» — наследником отца: таковым он, видимо, и не считался. Это наводит на мысль, что Иван Васильевич собирался назначить своим наследником не старшего сына от второго брака, а внука от Ивана Молодого. Неопределенность вопроса о престолонаследии обостряла борьбу придворных «партий».

В конце 1497 г. грянул первый удар. Пять детей боярских (первым в списке назван Владимир Гусев) и дьяк Федор Стромилов подверглись опале и 27 декабря были обезглавлены на льду Москвы-реки.

В одной из летописей есть сведения, что наказанию подверглись и другие лица, но они отделались тюремным заключением.

В чем причина этих опал и казней? Подробнее всего об этом рассказывает текст, сохранившийся в новгородской Уваровской летописи. Оказывается, дьяк Федор Стромилов сообщил князю Василию Ивановичу, своему господину, что его отец хочет «пожаловати великим княжением Володимерским и Московским внука своего, князя Дмитрия». Князь Василий составил заговор, к которому привлек группу своих сторонников. По данным летописца, заговорщики хотели бежать в Вологду и на Белоозеро, захватить там казну, а над князем Дмитрием «израда учинити» (расправиться с ним). Если верить этому сообщению, речь шла ни больше и ни меньше, как о государственном перевороте. Странно только, что в планах заговорщиков не упоминается судьба самого главы государства,— как будто его вовсе не было на свете. Возможно, что заговорщики готовили свою акцию на случай действительного прихода Дмитрия к власти, т. е. после смерти Ивана Васильевича. К заговору оказалась причастной и великая княгиня Софья —«к ней приходиша бабы с зелием». Сразу возникают мысли о проекте отравления или «порчи» великого князя, вспоминается отравленный пояс, погубивший его первую жену... Возникают и другие ассоциации — слухи об отравлении Шемяки, позднейшая версия Курбского об отравлении Ивана Молодого. И в далекой Франции в скоропостижной смерти Карла Гиенского, брата короля Людовика XI, подозревались близкие к нему люди — духовник и повар...

Великий князь принял свои меры. Дети боярские были казнены, «баб лихих» велено «потопити», князь Василий взят под стражу — посажен «за приставы на его же дворе». Опала постигла и великую княгиню — она была фактически удалена от великого князя.[5]

Возможно, заговор князя Василия только ускорил ход событий. 4 февраля 1498 г. в Успенском соборе состоялась торжественная церемония, подробно описанная летописцем. В присутствии митрополита Симона и всего освященного собора великий князь Иван Васильевич благословил внука «при себе и после себя великим княжением Владимирским и Московским, и

Новгородским» и возложил на него шапку Мономаха. В своей речи митрополит назвал Ивана Васильевича «православным царем и самодержцем», а к Дмитрию обратился с призывом иметь «послушание к своему государю и деду». Иван Васильевич, в свою очередь, увещевал внука: «Люби правду и милость и суд праведен». При выходе из храма князь Юрий Иванович, старший из дядьев Дмитрия (не считая Василия, сидевшего под стражей), трижды осыпал будущего главу Русского государства дождем золотых и серебряных монет... Поистине — не дан человеку дар предвидения. Кто мог предполагать, что и дядя, и племянник кончат свои дни в темнице? Но в феврале 1498 г. Дмитрий и его сторонники могли торжествовать: первый этап династического кризиса принес им победу.

Торжественное венчание в Успенском соборе было важным политическим событием. Церемония подчеркивала величие Русского государства и его главы. По мнению некоторых исследователей, с этой церемонией связан публицистический памятник «Сказание о князьях Владимирских», выводивший происхождение русской княжеской династии от императора Августа. Так или иначе, эта версия отнюдь не носила характера официальной доктрины. В официальных документах эпохи нет никаких признаков подобного баснословия. В переговорах с иностранными государями Иван Васильевич неизменно выступает как наследственный глава исконно суверенного Русского государства. В апелляциях к «Августу-кесарю» он не нуждался.

Прошел год, и Москва увидела новые удивительные события. В январе 1499 г. были «поиманы» бояре князь Иван Юрьевич Патрикеев с сыновьями и его зять князь Семен Иванович Ряполовский. 5 февраля, во вторник, князю Ряполовскому «отсекоша... главу на реце на Москве, пониже мосту». Такая же участь угрожала, как утверждает летописец, и князьям Патрикеевым, но «упросил их от смертные казни митрополит Симон да владыки». Закованные в «железа», они были пострижены в монахи и разосланы по монастырям: князь Иван Юрьевич — к Троице, его сын Василий — в Кириллов монастырь на Белоозеро.

Произошел крутой поворот и в судьбе князя Василия Ивановича: он был не только выпущен из-под стражи, но и «наречен» титулом великого князя и

получил «во княжение» Новгород и Псков. Освобождение и «пожалование» Василия означали второй этап династического кризиса.

Династический кризис конца 90-х гг. и опала Патрикеевых и Ряполовского привлекали внимание исследователей со времен Карамзина и Соловьева. Предлагались самые разные гипотезы. Долгое время считалось, что Дмитрия поддерживало консервативное боярство, тогда как Василий опирался на детей боярских и дьячество. Сравнительно недавно эта точка зрения стала пересматриваться — по мнению ряда новейших исследователей, на консервативные силы (связанные с удельными традициями) опирался как раз Василий, а сторонниками Дмитрия были прогрессивные элементы феодальных верхов. Высказывались и мнения о связи событий 1497—1499 гг. с внешней политикой — отношениями с Молдавией и Литвой.

Каждая из этих гипотез имеет свои достоинства и недостатки, но их общей чертой является в значительной мере спекулятивный, умозрительный характер. Что делать — источники не всегда дают прямой ответ на вопросы исследователей.

Следует признать, что мы слишком мало знаем о событиях конца 90-х гг., чтобы делать широкие построения социально-политического характера. Например, из того более или менее достоверного факта, что в заговоре Василия в 1497 г. участвовали его дьяк и группа детей боярских, нельзя заключить, что дети боярские и дьяки как таковые, т. е. как социальная прослойка, поддерживали притязания Василия. С другой стороны, родственные связи некоторых заговорщиков с бывшими удельными дворами, установленные новейшими исследователями, тоже не могут быть достаточным аргументом для утверждения об их консервативной настроенности. До последних десятилетий XV в. служилые люди зачастую переходили (или переводились) из одного княжеского двора в другой и нередко служили попеременно удельным и великим князьям. Да и другие родственники тех же заговорщиков верно служили великому князю и ценились им.

Не менее труден вопрос об опале Патрикеевых и Ряполовского. Прежде всего не ясно, связана ли эта опала с династическим кризисом. Новейшие иссле-

дователи в этом сомневаются — о такой связи говорит только Степенная книга середины XVI в., источник поздний, публицистический и достаточно тенденциозный. Сейчас больше склоняются к мысли, что опала была связана с литовской ориентацией Патрикеевых и Ряполовского. Но опять-таки об этой ориентации нам ничего не известно. Мы знаем только, что будущие опальные участвовали в переговорах, приведших к заключению мира 1494 г., а Василий Патрикеев и Семен Ряполовский, кроме того, входили в свиту княжны Елены во время ее поездки в Вильно в 1495 г. Но в переговорах участвовали и многие другие лица (например, бояре Яков Захарьич и Борис Васильевич Кутузов, казначей Дмитрий Владимирович Ховрин, дьяк Федор Курицын и др.). В свиту Елены входили десятки людей. Из этого никак нельзя вывести заключение о каких-либо их литовских «симпатиях». Правда, в наказе 1503 г. послам в Литву П. М. Плещееву и К. Г. Заболотскому сказано, чтобы они не «высокоумничали», как Семен Ряполовский и Василий Патрикеев, но в чем заключалось это «высокоумничанье» — остается не известным.

Князь Иван Юрьевич, двоюродный брат государя всея Руси, на протяжении сорока лет был виднейшим боярином, наместником Москвы, выполнял ответственнейшие поручения. Что он или его сын могли сделать такого, чтобы над их головами вознесся топор палача? Ответа на этот вопрос у нас, к сожалению, нет.

С династическим конфликтом связано загадочное известие, обнаруженное Я. С. Лурье в одном из кратких неофициальных летописцев (Погодинском) под 7008 г. (т. е. между сентябрем 1499 г. и августом 1500 г.), о бегстве князя Василия (Ивановича) в Вязьму со своими «советники»: он «хоте великого княжения» и «хотев его (кого? — *Ю. А.*) истравити на поле на Свинском у Самьсова бору». Настойчивые попытки ряда историков расшифровать эту криптограмму к однозначному результату не привели. Вряд ли можно ожидать иного — известие слишком запутанно и противоречиво. Трудно увидеть в этом тексте (как делают Я. С. Лурье, С. М. Каштанов, английский историк Дж. Феннел) отражение реального конкретного события — бегства Василия Ивановича к литов-

ской границе в канун или в начале большой войны с Литвой, т. е. акта государственной измены. Подобный факт не мог бы остаться не замеченным иностранными наблюдателями, внимательно следившими за событиями в России. Прежде всего об этом узнали бы в Литве — ведь именно на ее границу якобы бежал Василий. Но литовские источники молчат.

Молчат и ливонские источники, довольно подробно описывающие русские дела. В Ливонии знали, например, о заговоре Василия 1497 г. В известиях ливонцев о России за 1499—1505 гг. есть сведения о назначении Василия «государем Новгорода и Пскова» (1499 г.), об антиеретической деятельности Василия в последние месяцы жизни великого князя Ивана (февраль 1505 г.). Доходили до магистра слухи и о «распре» между сыновьями Ивана III (февраль 1505 г.). Полученное в январе 1503 г. от перебежчика известие о заговоре Василия с целью убить отца и о наказании виновных в этом заговоре сами ливонцы считали недостоверным (их осведомитель, по-видимому, изложил события шестилетней давности). Но ни в одном ливонском известии мы не найдем и намека на «измену» Василия в 1500 г., на его бегство в Вязьму и т. п. Едва ли можно согласиться с А. А. Зиминым, пытающимся найти компромиссное решение вопроса — княжич Василий-де явился на Свинское поле с великокняжескими войсками, но был разбит литовцами и бежал в Вязьму. Об этом нет ни слова ни в литовских известиях, ни в летописях, ни в разрядных книгах, для 1499—1500 гг. достаточно подробных и надежных.

Известие Погодинского летописца, таким образом, не находит ни малейшего подтверждения. Более того, оно прямо противоречит известным фактам. С февраля 1499 г. Василий был уже не просто князем, но великим князем, титулярным правителем Новгорода и Пскова. Опала его кончилась, бежать не было оснований. Скорее всего, данный текст краткого Погодинского летописца просто-напросто дефектен. Возможно, в нем в искаженном виде отразились какие-то другие известия — о планах Василия и его окружения 1497 г., о начале войны с Литвой в 1500 г. (ни того, ни другого известия в отдельном виде в кратком Погодинском летописце нет). Серьезным источником такой текст, по-видимому, служить не может[6].

Пожалуй, только одно утверждение более или менее достоверно: династический кризис не влиял на основную линию внутренней и внешней политики Русского государства. Отсюда можно заключить, что борьба придворных «партий», как это по большей части бывало в феодальных монархиях, носила верхушечный, конъюнктурный характер. Она не касалась принципиальных политических вопросов и была борьбой не идей и не социальных групп, а конкретных лиц за свое благополучие.

И до, и после «переворотов» 1497 и 1499 гг. реальная власть в стране принадлежала не какой-либо придворной группировке, а великому князю Ивану Васильевичу, который был далек от мысли отказаться от управления государством или разделить это управление с кем бы то ни было. Вся его политическая практика исключала возможность такого «многовластия». Принципиальные воззрения государя всея Руси на этот счет были им изложены в устном послании к дочери, великой княгине Елене Литовской, в мае 1496 г. Речь шла о проекте передачи Киева брату великого князя Александра Сигизмунду. «Слыхал яз, каково было нестроение в Литовской земле, коли было государей много. А и в нашей земле, слыхала еси, каково было нестроенье при моем отце. А опосле отца моего каковы были дела и мне с братьею, надеюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь. И только Жыдимонт будет в Литовской земле, ино вашему которому добру быти?»[7] При таких установках (подкрепленных огромным опытом) любой наследник, как бы он ни именовался, мог быть только помощником великого князя, исполнителем его воли, в лучшем случае советником, но отнюдь не самостоятельным правителем — ни в своем титулярном «уделе» (вроде Новгорода и Пскова), ни, тем паче, во всей стране.

Думается, именно потому, что династический вопрос не имел в глазах Ивана Васильевича принципиального политического значения (речь шла о подборе исполнителя и продолжателя, а не правителя с собственной политической линией), «перевороты» совершались так легко. Впрочем, эту легкость тоже не следует преувеличивать — при дворе шла глухая борьба, с которой великий князь не мог не считаться. Это не ускользнуло от внимания иностранных наблю-

дателей — в январе 1500 г. ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг писал о «вражде» великого князя с его сыновьями из-за того, что он хотел «своего внука иметь наследником в качестве великого князя». Возвращение Василия весной 1499 г. не означало отстранения и падения Дмитрия, но было уступкой сыновьям: великий князь хотел по возможности избежать конфликта в своей семье накануне крупных политических событий — готовилась большая война с Литвой.

Однако династический кризис на этом не кончился, да и не мог кончиться. Личные интересы Василия и его окружения, с одной стороны, Дмитрия и поддерживавших его лиц (кто бы они ни были) — с другой, были несовместимы. Каждый претендент знал, что его ждет в случае, если соперник придет к власти. Компромиссы в такой борьбе, где ставкой была собственная жизнь (в лучшем случае — свобода), были малореальны. Благочестивое средневековье не знало милости к павшим. Великий князь, без сомнения, понимал это. Рано или поздно приходилось делать роковой выбор.

Несмотря на свое венчание в Успенском соборе, Дмитрий Иванович никогда не был, по-видимому, реальной политической фигурой — не обладая властью и ответственностью, он оставался титулярным великим князем. В посольских делах он только один раз — в марте 1498 г.— назван непосредственно после Ивана Васильевича. В последующие годы он не упоминается вовсе, а в феврале 1501 г., хотя и с титулом великого князя, оказывается уже на шестом месте,— не только после великого князя Василия, но и после его братьев — князей Юрия, Дмитрия и Семена. Последний из них родился 21 марта 1487 г., т. е. был на три с половиной года моложе великого князя Дмитрия. К этому времени, по-видимому, Иван Васильевич уже сделал свой окончательный выбор, и этот выбор был отнюдь не в пользу Дмитрия.

По сообщению официозной летописи, 11 апреля 1502 г. «князь великий Иван положил опалу на внука своего, великого князя Дмитрия, и на его матерь Елену, и от того дни не велел их поминати в октениах и литиах (церковных службах.— *Ю. А.*), ни нарицати великим князем. Посади их за „приставы"». А через

три дня, «на память преподобного отца нашего Мартына, папы Римского», Иван Васильевич «благословил и посадил на великое княжение Владимирское, и Московское, и всея Русии самодержцем» сына своего Василия[8] —«по благословению Симона, митрополита всея Руси» (того самого митрополита, который четыре года назад в Успенском соборе прочувствованно говорил Дмитрию, сидевшему теперь «за приставы»: «Здравствуй, господине и сыну мои, князь великий Дмитрий Иванович всея Руси... самодержец, на многа лета»).

На этот раз все действительно было кончено, и династический вопрос перестал быть вопросом. Василию Ивановичу предстояло скоро стать настоящим великим князем и двадцать восемь лет нести бремя власти и ответственности за Русскую землю, а его несчастливому сопернику — угаснуть в темнице после семилетнего заключения (последние три года, после смерти деда,— в оковах). Еще раньше ушла из жизни его несчастная мать, дочь молдавского господаря, жена одного и мать другого наследника русского престола,— она умерла 18 января 1505 г., еще при жизни своего грозного свекра, и была погребена в Вознесенском монастыре, рядом с другими женами, вдовами и дочерьми русских великих князей. Но недолго торжествовала ее удачливая соперница. Не прошло и года после провозглашения ее первенца «великим князем», как 7 апреля 1503 г., «в пяток, на 9 часа дни, преставися благоверная великая княгиня Софиа». Прах «римлянки» занял свое место в той же усыпальнице Вознесенского монастыря, в которой меньше чем через два года оказались останки «побежденной» ею «волошанки».

Конкретные причины «отставки» Дмитрия и замены его Василием остаются тайной. Боярин Петр Михайлович Плещеев и дворецкий Константин Григорьевич Заболотский, посланные в мае 1503 г. в Литву, должны были ограничиться таким философским ответом на соответствующий вопрос: «Который сын отцу служит и норовит, ино отец того боле и жалует. А который сын родителем не служит и не норовит, ино того за что жаловати?» А если сама великая княгиня Елена Ивановна спросит о внуке и снохе своего отца, отвечать: «Внук его, госпоже, и сноха живут ныне

у великого князя потомуж, как наперед того жили».

Еще большую сдержанность было предписано соблюдать по отношению к вопросам Стефана Молдавского о судьбе его дочери и внука. Господарь наводил справки о них окольным путем — через Менгли-Гирея. В сентябре 1502 г. Алексей Заболотский в ответ на запрос Менгли заявил, что Василий Иванович получил великое княжение только в Великом Новгороде, но не Московское. Через полгода тот же посол уверял хана, что известие о «поимании» Елены и Дмитрия, полученное Стефаном от Александра Литовского (теперь — уже и Польского, после смерти в 1501 г. брата Яна-Альбрехта), не что иное, как «лжина»,—«все король собою затеял, недруг... на недруга чего не взведет?». Только в сентябре 1503 г. новый посол, Иван Иванович Ощерин, получил возможность изложить новую версию: «Внука было своего государь наш пожаловал, и он учал государю нашему грубити. Ино ведь жалует того, кой служит и поровит, а который грубит, того за что жаловати?»[9]

Итак, информация русских послов была, мягко выражаясь, не очень содержательна. Удивляться этому не приходится. Сознательное искажение истины, называемое в житейской практике ложью («лжиной», по терминологии Алексея Григорьевича Заболотского), входило в прямую обязанность дипломатов — в тех случаях, когда в интересах государственной политики нужно было сохранять тайну. В данном случае для этого были веские основания. Династический кризис — источник слабости феодального государства. Не одна война средневековья вспыхивала на династической почве. Так, поводом для войны между королем Максимилианом и Карлом VIII Французским был отказ последнего выполнить свое обещание жениться на дочери Максимилиана Маргарите. Стефан Волошский мог быть полезным союзником, и, во всяком случае, следовало по возможности избегать разрыва с ним. Что поделать — дипломатия имеет свои законы...

Не зная внешнего повода для отстранения Дмитрия, внутреннюю причину предположить можно. Сохранение его наследником способно было вызвать трагический, кровавый конфликт если не при жизни великого князя, то после его смерти. Не только Василий, но и его братья никогда бы не примирились с пре-

вращением в изгоев. Вслед за Василием пришлось бы взять под стражу Юрия, а затем Дмитрия, Семена... А при новом великом князе их ожидала еще более печальная участь — в этом можно было не сомневаться, исходя из всего опыта феодальных монархий. И это было бы еще не самое плохое — могла снова вспыхнуть феодальная война. Защищая свою жизнь, сыновья Софьи Фоминичны дрались бы на смерть, а в случае проигрыша бежали бы в Литву. Ведь у Дмитрия над дядьями не было силы власти и авторитета их отца. Его победа означала физическое уничтожение соперников, его поражение — смертельную угрозу государству. Сам факт междоусобной войны, почти неизбежной в таких условиях, привел бы к резкому ослаблению Русской земли.

Судя по тому, что Иван Васильевич решал долго, можно считать, что решение далось ему нелегко. Он выбрал путь «наименьшего зла» — пожертвовал внуком. Василий и Юрий, Дмитрий, Семен и самый младший Андрей (родился 5 августа 1490 г.) были (на данном этапе) спасены от участи Андрея Горяя. (На следующем этапе, после смерти Василия, двое из них погибли в заточении.) Остались княжичи, следовательно, возникла проблема их княжений. Было найдено решение и этой проблемы — по духовной Ивана Васильевича, все сыновья (кроме старшего) стали титулярными владельцами игрушечных «уделов», лишенными реальной власти. В условиях сильного централизованного государства такие «уделы» были не опасны.

Мир 1494 г. с Литвой не мог быть прочным именно из-за своего компромиссного характера. Освобождение русских земель еще только началось — под властью литовского великого князя оставались почти все захваченные прежде русские земли.

В конце 90-х гг. в Литве наметились явные признаки усиления католической конфессиональной экспансии. Они были связаны с деятельностью смоленского епископа Иосифа, ревностного сторонника унии и подчинения православной церкви римскому папе. В 1498 г. Иосиф стал митрополитом Киевским. К этому времени относятся и сведения о давлении на великую княгиню Елену с целью склонить ее к переходу в «латынскую проклятую веру».

Усиление католического влияния вызвало ответную реакцию — русские князья со своими православными подданными стали переходить под власть Русского государства. Били челом в службу Ивану Васильевичу даже потомки князей-эмигрантов — внук Шемяки и сын Ивана Можайского.

Отношения между Литвой и Русью снова стали стремительно ухудшаться. В апреле 1500 г. из Вильно прибыло последнее посольство: Александр Литовский в категорической форме требовал выдать князей, перешедших на сторону России. В ответе Ивана Васильевича, переданном литовским послам через казначея Дмитрия Владимировича Овцу-Ховрина и дьяков Федора Курицына и Андрея Майко, подчеркивались гонения на православное население в Литве. Дальнейшие переговоры были, очевидно, бесполезны. С разметной грамотой (об объявлении войны) к Александру отправился Афанасий Шеенок, служилый человек из Вязьмы.

Судя по разрядным книгам, для борьбы против Литвы были созданы три группы войск. На северо-западном направлении, от Волока Ламского и Великих Лук, была развернута рать во главе с Андреем Федоровичем Челядниным, наместником новгородским, «с великого князя знаменем». При нем в Большом полку должны были находиться волоцкие князья Федор и Иван Борисовичи со своими дворами. Назначение воевод в другие полки (Передовой, Правой и Левой руки и Сторожевой) в случае «какова дела» (т. е. сражения) было возложено на Челяднина. На западном направлении, от Вязьмы па Дорогобуж, действовала рать воеводы Юрия Захарьича, возглавлявшего Большой полк. На юго-западе в общем направлении па Путивль должны были действовать войска во главе с Яковом Захарьичем. Кроме этих трех ратей па основных направлениях была создана еще одна — под начальством князя Даниила Васильевича Щени, с включением в нее войск только что перешедших па сторону России князей из-за литовского рубежа. По-видимому, эта рать была своего рода стратегическим резервом [10].

Поход начался в мае. По данным летописи, 3 мая двинулись войска Якова Захарьича. Они освободили Брянск, а 6 августа заняли Путивль. Население

всюду переходило на сторону Русского государства; князья Трубецкие и Мосальские били челом в службу великого князя. Войска северо-западной группы 9 августа овладели Торопцом.

Но главные события кампании 1500 г. развернулись на центральном (западном) направлении. Именно здесь был расположен Смоленск — основной стратегический опорный пункт Литвы в русских землях. В начале кампании Юрий Захарьич овладел Дорогобужем, выйдя таким образом на подступы к Смоленску, до которого оставалось два перехода. Одновременно над Смоленским плацдармом с севера и северо-запада нависали войска Андрея Федоровича Челяднина, собранные у Великих Лук.

В этих условиях Александр Литовский принял решение сосредоточить свои главные силы под командованием гетмана князя Константина Острожского в районе Смоленска и в первую очередь разгромить группировку Юрия Захарьича. По сведениям литовской стороны, он занимал Дорогобуж небольшими силами.

Выступив из Смоленска, гетман Острожский атаковал и потеснил русский передовой отряд. Начальный этап сражения развивался для литовцев как будто благоприятно. Но они не знали, что на помощь Юрию Захарьичу уже подошла резервная рать князя Даниила Щени, своевременно выдвинутая великим князем.

По новой диспозиции Щеня возглавил Большой полк (т. е. стал командующим армией), а Юрий Захарьич стал новым воеводой Сторожевого полка, т. е. начальником арьергарда. По этому поводу в разрядах сохранилась любопытная переписка. Обиженный своим понижением, Юрий Захарьич писал великому князю, что не хочет быть в Сторожевом полку: «То де мне стеречь князя Данилова полка Щенятева». На это он получил ответ, присланный с князем Константином Ушатым: «Гораздо ль так чинить, говоришь, что не хочешь быть в Сторожевом полку? И тебе стеречь не князя Даниила, стеречь тебе меня да моего дела. А каковы воеводы в Большом полку, таковы воеводы чинят и в Сторожевом полку, ино не сором тебе быть в Сторожевом полку»[11].

Впереди было почти два века местнических споров, проходящих через всю историю военной, административной и придворной службы феодальной Руси.

И Иван IV, и другие цари тщетно пытались бороться с этим явлением. Не помогали ни казни, ни увещевания. Но на самой заре эпохи местничества слышен твердый голос первого государя всея Руси, умеющего видеть взаимоотношение частей и целого и указать воеводе его место и значение в общем строю.

Гетман Острожский пытался, видимо, обойти русские войска и ударить им в тыл. Передовой отряд, отступая, заманил литовцев на восточный берег реки Ведроши, где они были атакованы главными силами русских. В сражении, развернувшемся 14 июля, в памятный день победы на Шелони, войска гетмана были окружены русскими (уничтожившими в их тылу мост) и разбиты наголову. Среди тысяч пленных — сам гетман и длинный список вельмож, «людей именитых»...[12]

В дорогобужских лесах, на берегах речек Тросны и Ведроши, произошло одно из самых замечательных сражений эпохи. Столкнулись главные силы двух армий; с каждой стороны билось, по-видимому, несколько десятков тысяч человек. Полный разгром литовского войска и пленение его предводителя — крупнейшая победа со времен Куликовской битвы. Впервые за всю историю борьбы с Литвой ее войска на Русской земле потерпели полное, сокрушительное поражение.

Основная причина победы русских — в превосходстве стратегического и тактического руководства. Крупнейшую роль сыграла заблаговременно созданная резервная рать, весьма искусно использованная великим князем. Своевременное сосредоточение этой рати на направлении главного удара создавало основную предпосылку успеха в сражении. Тактическое руководство князя Даниила Щени тоже было, видимо, на высоте. Он твердо держал в своих руках управление войсками, умело применил излюбленные в русском войске приемы, ведущие к окружению противника.

Победа на Ведроши означала крушение стратегичесткого плана Александра Казимировича — нанести поражение русским армиям по частям. С этого времени литовские войска стали избегать сражений в открытом поле, ограничиваясь обороной городов и крепостей.

Через три дня после сражения в Москву прибыл с радостной вестью Михаил Андреевич Плещеев. От

него великий князь получил первое известие о победе своих войск. «И бысть тогда радость велика на Москве».

Пятнадцать русских городов были освобождены к середине августа. Чернигов, Стародуб, Гомель, Новгород Северский... Почти вся Северская земля по Десне и ее притокам вернулась в состав Русского государства.

Но война затягивалась. Александр Литовский проявил большую дипломатическую активность, пытаясь создать коалицию против Русского государства.

Посредническая миссия братьев Александра, польского короля Яна-Альбрехта и венгерского Владислава, направивших зимой своих послов в Москву, успеха не имела. Припугнуть Русское государство совместным выступлением трех Ягеллонов не удалось. Великий князь в принципе от переговоров не отказывался, но категорически заявил, что освобожденные в ходе войны города и волости составляют исконную русскую территорию («из старины все наша отчина»).

Значительно большего успеха дипломатия Александра Казимировича добилась в Ливонии — магистра Вальтера фон Плеттенберга было нетрудно склонить на войну с Русью.

Весной 1501 г. немцы захватили 200 русских судов с товарами и 150 купцов, которые были посажены в погреб. Магистр нарушил мир 1481 г. и напал на Русское государство.

Сосредоточение главных сил Руси на литовском фронте позволило ливонцам на первых порах добиться известных успехов. Они одержали победу под Изборском на реке Серице, обратив в бегство московские полки и псковское ополчение. Это было крупное и горестное поражение: «Бысть во Пскове туга и плач»,— замечает летописец. Но Изборск устоял, несмотря на артиллерийский обстрел, и от бродов через Великую под Псковом немцы тоже были отбиты. Двигаясь вверх по Великой, они 8 сентября захватили и сожгли Остров, причем, по сведениям летописца, погибло до четырех тысяч человек —«овы згореша, а иные истопоша, овые мечю предаша, и иныа в плен поведоша».

Главным театром войны продолжал оставаться литовский. В сентябре из Стародуба на Мстиславль была послана рать во главе с князем Александром Владимировичем Ростовским. 4 ноября под стенами Мстиславля произошло сражение. Князь Михаил Иже-

славский, командовавший литовскими силами, был разбит и «едва утече в град». Потери литовцев доходили до семи тысяч человек. Мстиславль русские брать не стали, но «землю учиниша пусту». Победа под Мстиславлем имела большое стратегическое значение. Она означала выход русских войск на южные подступы к Смоленску. Недаром разряды сохранили «речь» великого князя к воеводам: «Мы, оже даст Бог, за то вас жаловать хотим». Жаловать было за что: смоленский плацдарм с трех сторон окружался русскими войсками.

Осенью под предводительством князя Даниила Щени был предпринят большой поход в Ливонию. Выдержав упорный бой с немцами 24 ноября под Гельмедом, недалеко от Юрьева (когда был убит воевода Передового полка князь Александр Владимирович Оболенский), русские дошли до Ревеля (Колывани) и вернулись к Ивангороду, «а землю Немецкую учинили пусту». Ливонская хроника сообщает об огромном уроне, причиненном этим походом.

Великий князь понимал, что атаке со стороны немцев может подвергнуться любой участок протяженной русско-ливонской границы. Особое внимание он уделял защите Ивангорода. Вот почему в инструкции новгородскому наместнику Лобану Колычеву было велено занять позицию у Ямы, в двадцати верстах от Ивангорода, а к самому городу послать Передовой полк князя Ивана Темки Ростовского.

Атака немцев на Ивангород последовала весной 1502 г., в «великое говение». Лобан Колычев успел выдвинуться от Ямы, и на Нарове произошел упорный бой. Иван Андреевич Лобан Колычев пал на поле сражения, но немцы были отбиты от Ивангорода и атак не возобновляли.

Осенью магистр совершил нападение на псковские земли. 2 сентября немцы появились под Изборском, но были отражены. На рассвете 6 сентября магистр подошел к Пскову и встал на Завеличье. Начался артиллерийский обстрел города. Псковичи переправились через реку и атаковали немцев. Любопытно, что в этом бою приняли участие с русской стороны «жолныри с пищальми», т. е. пехота, вооруженная огнестрельным оружием («пищальники», как они именуются в документах). Немцы, в свою очередь, форсировали

Великую выше Пскова и вышли к Полонищу, где стояли два дня. Как и в 1480 г., у них не хватило сил для овладения хорошо укрепленным городом.

Последовал ответный удар русских войск. Во главе Большого полка из Новгорода шел князь Даниил Щеня. После боя у озера Смолина немцы отступили в свою землю. Дальнейшее преследование и вторжение в Ливонию не входило в планы русских — главной задачей оставалась борьба на литовском фронте [13].

В этой борьбе великий князь не переставал надеяться на помощь Менгли-Гирея. Два года хан был поглощен борьбой с Ахматовичами в Большой Орде. В июне 1502 г. Менгли нанес им окончательное поражение. Это, казалось бы, давало ему возможность для активного выступления против Литвы. Великий князь предлагал хану двинуться по маршруту Киев — Слуцк — Туров — Пинск — Минск, т. е. в тыл смоленской группировке литовцев, и непосредственно поддержать русскую рать, которая во главе с князем Дмитрием Ивановичем вела боевые действия под Смоленском. Это позволило бы добиться решительных результатов.

Однако Менгли преследовал собственные цели. В начале августа он послал своих сыновей с 90-тысячным войском в большой набег в направлении на Краков через Луцк, Львов, Люблин. В течение трех месяцев крымцы грабили русские и польские земли. Под Рождество (25 декабря) их отряды появлялись и под Киевом. Нет сомнения, что татары захватили большую добычу. Но реальной помощи войскам, сражавшимся под Смоленском, они не оказали никакой. В известном смысле набег сыновей Менгли был даже вреден — разорялись русские земли, из-за которых шла война.

Борьба за Смоленск продолжалась с июля по сентябрь. Город взять не удалось, «понеже крепок бе». Молодой князь Дмитрий, третий из сыновей Ивана Васильевича от Софьи (прозванный почему-то Жилкой), не сумел организовать твердое управление войсками: по его собственному признанию, «многие дети боярские подступали под град» и отъезжали грабить волости без его ведома, «а его не послушаша». От Смоленска пришлось отступить [14].

Главной причиной неудачи был, видимо, недостаток сил. Показательно, что лучший воевода, князь Даниил

Щеня, действовал не на смоленском, а на ливонском направлении.

Тем не менее война шла к концу. Было достигнуто относительное равновесие сил, не дававшее ясной стратегической перспективы.

Зимой возобновились переговоры о мире. Посредниками выступили папа Александр VI и венгерский и чешский король Владислав. Как и его предшественники на папском престоле, Александр VI склонял Русское государство к союзу против турок в содружестве с Польшей, Литвой, Венгрией, Чехией, Ливонией и Пруссией. Владислав Ягеллончик, поддерживая это предложение, требовал возвращения своему брату земель, занятых русскими войсками.

13 января 1503 г. посол Владислава Сигизмунд Сантай услышал ответ на эти предложения. От имени великого князя говорили бояре Яков Захарьич и Григорий Федорович и казначей Дмитрий Владимирович Овца. Предложение об участии в антитурецкой лиге Иван Васильевич обошел молчанием, подчеркнув только, что он и так стоит за христианство. Гораздо больше внимания он уделил конкретному вопросу о русских землях. Его представители заявили послу: «Ведомо гораздо самим королем, Владиславу и Александру, что они вотчичи Полского королевства да Литовские земли от своих предков. А Русская земля от наших предков из старины наша отчина». Одно из основных политических положений доктрины великого князя — принцип исконности русской государственности — получило в этом ответе свое дальнейшее развитие. Иван Васильевич выразил готовность отстаивать территориальные права Русской земли, даже если венгерский и чешский король придет на помощь своему брату. При этом он соглашался продолжать мирные переговоры [15].

Результатом их было заключение перемирия на шесть лет, начиная с 25 марта 1503 г. (день Благовещенья). В состав Русского государства вернулась вся территория, освобожденная в ходе войны,— десятки городов и волостей на тысячекилометровом фронте от верховьев Западной Двины до среднего течения Донца. Граница теперь выходила к Днепру в районе Любеча и, пересекая низовья Десны, проходила в пятидесяти километрах от Киева. Перемирие

на шесть лет было заключено и с Ливонией — от имени Новгорода и Пскова[16].

Перемирие 1503 г.— крупнейший успех внешней политики Русского государства. Впервые было положено начало широкомасштабному освобождению русских земель. Принцип единства Руси, преемственности от киевских князей начал обретать свое материальное воплощение. Впервые была одержана настоящая, большая победа на Западе — над сильным врагом, над крупной европейской державой, еще недавно безнаказанно захватывавшей русские земли и угрожавшей самой Москве.

Заря нового, шестнадцатого века озарила славу русского оружия и успехи обновленного государства. Триумф на Ведроше, победа под Мстиславлем, освобождение Северской земли... Торжество стратегии и дипломатии, военного и государственного строительства великого князя Ивана Васильевича — итог его политики за долгие десятилетия.

Наступило лето 1503 г. В Москве состоялся церковный собор. Сохранились его постановления о невзимании платы («мзды») за поставление в священники и о лишении вдовых попов права церковного служения. Решено также запретить проживание монахов и монахинь в одном и том же монастыре. Собор 1503 г., без сомнения, занимался весьма важными вопросами, связанными с внутренним устройством русской церкви. Но еще важнее был вопрос о церковных землях. Сохранился «Соборный доклад» по этому вопросу, направленный великому князю митрополитом Симоном (по мнению исследователей, выписка из подлинного протокола собора), сохранилось и несколько публицистических произведений современников на эту тему. Особое значение имеет «Слово иное» — памятник, сравнительно недавно введенный в научный оборот советским исследователем Ю. К. Бегуновым. Эти источники в своей совокупности позволяют в общих чертах реконструировать события, связанные с обсуждением на соборе вопроса о церковном землевладении.

На рассмотрение собора великий князь предложил проект коренной реформы: «У митрополита и у всех владык и у всех монастырей села поимати и вся к своим соединити». Это означало секуляризацию ос-

Кончина Ивана III (*Лицевой свод*).

новных категорий церковных земель — передачу их в ведение государственной власти. Взамен великий князь предлагал «...митрополита же и владык и всех монастырей из своея казны издоволити и хлебом изоброчити из своих житниц». Лишенные собственных земель, иерархи и монастыри должны были получать ругу — своего рода государственное жалование. Феодальная церковь лишалась всякой экономической самостоятельности и ставилась под полный контроль государственной власти.

Не удивительно, что проект реформы вызвал ожесточенную полемику, в которую оказались втянуты и сыновья великого князя. По свидетельству «Слова иного», проект секуляризации поддержали наследник Василий и третий сын великого князя Дмитрий. Второй сын, Юрий Иванович, видимо, не одобрял реформу. За секуляризацию высказались дьяки введенные — руководители государственных ведомств. Из церковных деятелей на стороне реформы были Нил Сорский и епископы — тверской Вассиан и коломенский Никон. Против секуляризации выступили митрополит Симон (несмотря на свой постоянный страх пред великим князем), архиепископ новгородский Геннадий, епископ суздальский Нифонт, а также игумен Троицкого Сергиева монастыря Серапион. Идейным вдохновителем оппозиции реформе был Иосиф, игумен Волоколамского монастыря [17].

Полемика на соборе закончилась победой Иосифа и его сторонников, т. е. большинства иерархов. Ссылаясь на церковные постановления и исторические прецеденты, собор в своем ответе великому князю решительно подчеркнул незыблемость положения о неприкосновенности церковных имуществ: «...не продаема, не отдаема, ни емлема ником никогда ж в веки века, и неруⷯима быти».

Не исключено, что исход прений был в окончательном счете связан с чисто случайным, но фундаментально важным фактом. По сообщению Никоновской летописи (более поздней, но хорошо информированной), «того же лета (1503 г.— *Ю. А.*) месяца июля в 28 день... князь великий Иван Васильевич всеа Руси начат изнемогати». Болезнь, видимо, была внезапной (о чем свидетельствует точная дата) и очень

серьезной (иначе о ней бы не написал летописец). Степенная Книга уточняет: великий князь «и ногама своима одва ходити можаше, подержим от неких». Значит, Иван Васильевич потерял возможность самостоятельно передвигаться — скорее всего, его постиг удар (по теперешней терминологии — инсульт)[18].

Автор «Слова иного» прямо связывает внезапную болезнь великого князя с борьбой за монастырские земли. По его словам, в очередном конфликте между монахами и черными крестьянами по поводу земель в селе Илемне великий князь встал на сторону крестьян и велел оштрафовать троицких старцев. Более того, Иван Васильевич повелел властям Троицкого монастыря предъявить все грамоты на монастырские вотчины. Несомненно, речь шла о пересмотре владельческих прав крупнейшего на Руси церковного землевладельца. В ответ на это игумен Серапион подготовил эффектное зрелище — он велел к великому князю «з грамотами быти старым старцем, которые и с келей не исходят». Дряхлые отшельники тронулись в путь на колесницах, а кто и на носилках... Но в ту же ночь у великого князя отнялись рука, нога и глаз. Он был наказан за свое «святотатство»...

Легенда — одна из форм отражения реальной действительности. Несмотря на легендарную окраску, рассказ «Слова иного» правдоподобен.

Внезапное заболевание Ивана Васильевича и бурные прения о церковных землях совпали по времени. Болезнь главы государства могла способствовать победе клерикальной оппозиции на соборе.

Только через двести лет, при Петре Великом, была осуществлена аналогичная реформа, но лишь в 60-е гг. XVIII в. проект секуляризации был действительно проведен в жизнь.

Трудно сказать, как сложились бы дела на Руси, если бы секуляризацию удалось осуществить в начале XVI в. В странах Западной Европы секуляризация первой половины XVI в. была тесно связана с Реформацией и носила объективно прогрессивный характер — она способствовала развитию буржуазных отношений. Во всяком случае, можно предполагать, что на Руси секуляризация привела бы к усилению государственной власти и светских тенденций в культуре и идеологии. Но проект секуляризации не был принят собором.

Это означало победу консервативной клерикальной оппозиции и имело далеко идущие последствия.

Великий князь Иван Васильевич потерпел политическое поражение — первый и последний раз в жизни. Поражение на соборе и по крайней мере частичная утрата дееспособности вследствие тяжелой, неизлечимой болезни знаменовали конец реального правления первого государя всея Руси.

«Путь бо сей краток есть, им же течем. Дым есть житие сие»,— учил мудрый Нил Сорский. Жизнь шла к концу.

21 сентября Иван Васильевич «с сыном своим, великим князем Василием и с прочими детьми» выехал из Москвы в дальний путь. Они объезжали монастыри. Побывали они и у Троицы в Сергиеве монастыре, и в Переяславле, и в Ростове, и в Ярославле, «всюду молитвы простирая». Только 9 ноября великокняжеский поезд вернулся в Москву. Иван Васильевич никогда не отличался демонстративной, показной набожностью, а монастырских старцев определенно недолюбливал. Резкое изменение настроения и поведения — косвенное свидетельство тяжелой болезни [19].

Как когда-то слепой отец, Иван Васильевич нуждался теперь в реальном соправителе. Власть ускользала из рук. Великий князь временами еще принимал участие в делах. 18 апреля 1505 г. «по его слову» белозерский писец В. Г. Наумов судил суд о тамошних землях. Это последнее упоминание имени Ивана III в судебных актах [20]. Великого князя продолжало интересовать каменное строительство, особенно в его любимом московском Кремле. Летописец сообщает о его распоряжениях по этому поводу. Последнее — 21 мая 1505 г. В этот день Иван Васильевич велел разобрать старый Архангельский собор и церковь Иоанна Лествичника «под колоколы» и заложить новые храмы.

Не терял он из вида по мере возможности и другое свое любимое детище — посольскую службу. 27 февраля 1505 г. датируются последние известные нам слова Ивана Васильевича. Обращаясь к послам Менгли-Гирея, «князь великий большой» велел передать хану: «...чтобы и меня для учинил так, при мне бы сына моего Василья учинил себе прямым другом и братом,

да и грамоту бы ему свою шертную дал, а мои бы то очи видели. Зане же царь ведает сам, что всякой отец живет сыну...»[21]

В декабре 1504 г. запылали костры: «сожгоша в клетке диака Волка Курицына, да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова, декабря 27. А Некрасу Рукову повелеша язык урезати и в Новгороде Великом сожгоша его». Сожжены были архимандрит Кассиан и его брат, и «иных многих еретиков сожгоша». Первый раз (и едва ли не последний) на Руси было совершено аутодафе, излюбленный католической церковью бескровный и радикальный метод борьбы с еретиками[22].

Кто был инициатором этого «гуманного» распоряжения? По сообщению летописца, это «князь великий Иван Васильевич и князь великий Василий Иванович всея Руси со отцем с своим с Симоном митрополитом и с епископы, и с всем собором обыскоша еретиков, повелеша их лихих смертною казнию казнити». На Руси теперь два великих князя. Кто из них сказал решающее слово? Так или иначе, декабрьские костры — прямое, неизбежное следствие победы клерикальной оппозиции на соборе 1503 г., тех сдвигов в политическом климате страны, которые были вызваны неудачей проекта секуляризации и тяжелой болезнью великого князя Ивана Васильевича.

Далеко ушел новый собор от мягкой политики 1490 г.... Сила, спасшая тогда жизнь еретиков, теперь исчезла. Сожжен Иван Волк Курицын — сотрудник посольского ведомства, брат Федора Курицына, фактического руководителя этого ведомства на протяжении многих лет (последний раз упоминался в 1500 г.). В зловещем пламени зимних костров просвечивали контуры новой эпохи. Кончалось время Ивана Васильевича, начиналось время Василия Ивановича.

«Всякой отец живет сыну...». Духовная грамота первого государя всея Руси сохранилась только в списке, хотя и близком по времени к подлиннику. Духовная была составлена в первые месяцы болезни великого князя — в июне 1504 г. она была уже действующим документом, знаменуя отход от дел ее составителя[23].

Как отец и дед, прадед и прапрадед, Иван Васильевич «при своем животе, в своем смысле» дает «ряд своим сыном». Юрий, Дмитрий, Семен, Андрей

приказываются своему «брату старейшему» — они должны держать его «вместо своего отца» и слушать его «во всем». Правда, и Василий должен держать «свою братью молодшую... во чти, без обиды». Василий — великий князь. Впервые за всю историю дома Калитичей он получает Москву целиком, без всякого деления на трети, «с волостьми, и с путми, и з станы, и з селы, и з дворы городцкими со всеми, и з слободами, и с тамгою...». Он единоличный повелитель столицы. Только он здесь держит постоянных наместников — большого и на бывшей «трети» серпуховских князей.

В непосредственное управление нового великого князя переходят почти все города и земли великого княжения Московского. Он получает великое княжение Тверское и великое княжение Новгородское, до самого океана, «Вятскую землю всю» и «всю землю Псковскую», часть Рязанской земли — жребий в Переяславле Рязанском, в городе и на посаде, и Старую Рязань, и Перевитск.

Что же получают другие братья? Раз в несколько лет — право на часть московских доходов. Каждому из них новый великий князь ежегодно выплачивает по сто рублей. Каждому из них отводится по несколько дворов в Кремле и по паре подмосковных сел. Получают они и земли в других местах. Юрий — Дмитров, Звенигород, Кашин, Рузу, Брянск и Серпейск. Дмитрий — Углич, Хлепень, Зубцов, Мезецк и Опаков. Семен — Бежецкий Верх, Калугу, Козельск. Андрей — Верею, Вышгород, Любутск и Старицу.

Итак вновь появились княжества. Но как они не похожи на старые уделы...

Уделы новой формации разбросаны по лицу всей Русской земли. Они состоят из городов, городков, волостей и сел, там и сям вкрапленных в государственную территорию на большом расстоянии друг от друга. Они нигде не образуют сомкнутых, сколько-нибудь связанных между собой территориальных комплексов.

Новые князья «опричь того... ни во что не вступаются» — мысль о возможности какого бы то ни было «передела» отвергается с самого начала. Князья «по своим уделом ...денег делати не велят, а деньги велит делати сын мой Василий... как было при мне», — устанавливает завещатель.

В своих городских дворах в Москве и подмосковных селах князья «торгов не держат, ни житом не велят торговати, ни лавок не ставят, ни гостей с товаром иноземцев, и из Московские земли, и из своих уделов, в своих дворех не велят ставити»: вся торговля в Москве ведется только на гостиных дворах, как было при самом Иване Васильевиче, а все торговые пошлины идут в казну великого князя. Князьям можно торговать только мелким «съестным товаром» — при условии выплаты полавочной пошлины.

В княжеских московских дворах и подмосковных селах уголовный суд принадлежит наместнику великого князя, и только татьбу с поличным между княжескими крестьянами судят их приказчики, да и то с обязательным докладом великокняжескому наместнику (т. е. с его утверждением). И холопьи грамоты, полные и докладные, на Москве оформляет только великокняжеский дьяк ямской, как было при Иване Васильевиче, «а опричь того... не пишет никто» — никакой князь не может принять на службу ни одного холопа. «А которого моего сына не станет, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удел весь... сыну моему Василью, и братья его у него в тот удел не вступаются»,— произносит завещатель окончательный, бесповоротный приговор удельной системе. И дополняет: «А останутся у него дочери, и сын мой Василей, те его дочери наделив, подает замуж» — княжеские земли не переходят в женские руки. «А которой мой сын не учнет сына моего Василья слушати во всем...» — тому угрожает проклятие «и в сей век и в будущий».

Бесправные в своих московских дворах и полуправные в разрозненных княжествах, братья Василия Ивановича поступали в зависимость от старшего брата, от его наместника и дьяка. Подданные государя всея Руси — вот кто они такие, эти титулярные князья, фактические вотчинники без права распоряжения своими землями. Их новое положение, установленное духовной, ярче всего отразило те фундаментальные, необратимые изменения в политическом строе Русской земли, которые были результатом долгого великокняжения Ивана Васильевича.

Наступили последние месяцы жизни старого великого князя. Еще в январе 1505 г. немцы сообщали, что он «смертельно болен». Это не было секретом и на

Востоке. Летом Мохаммед-Эмин, казанский вассал, русского посла и людей торговых «поимал», а «иных секл, а иных, пограбив, послал в Ногаи». В сентябре он появился под Нижним Новгородом. Впервые за несколько десятков лет русские люди увидели врага на своей земле. Войска хана были отбиты, «граду не сотвори ничто же», но новая эпоха с новыми людьми наступала неумолимо [24].

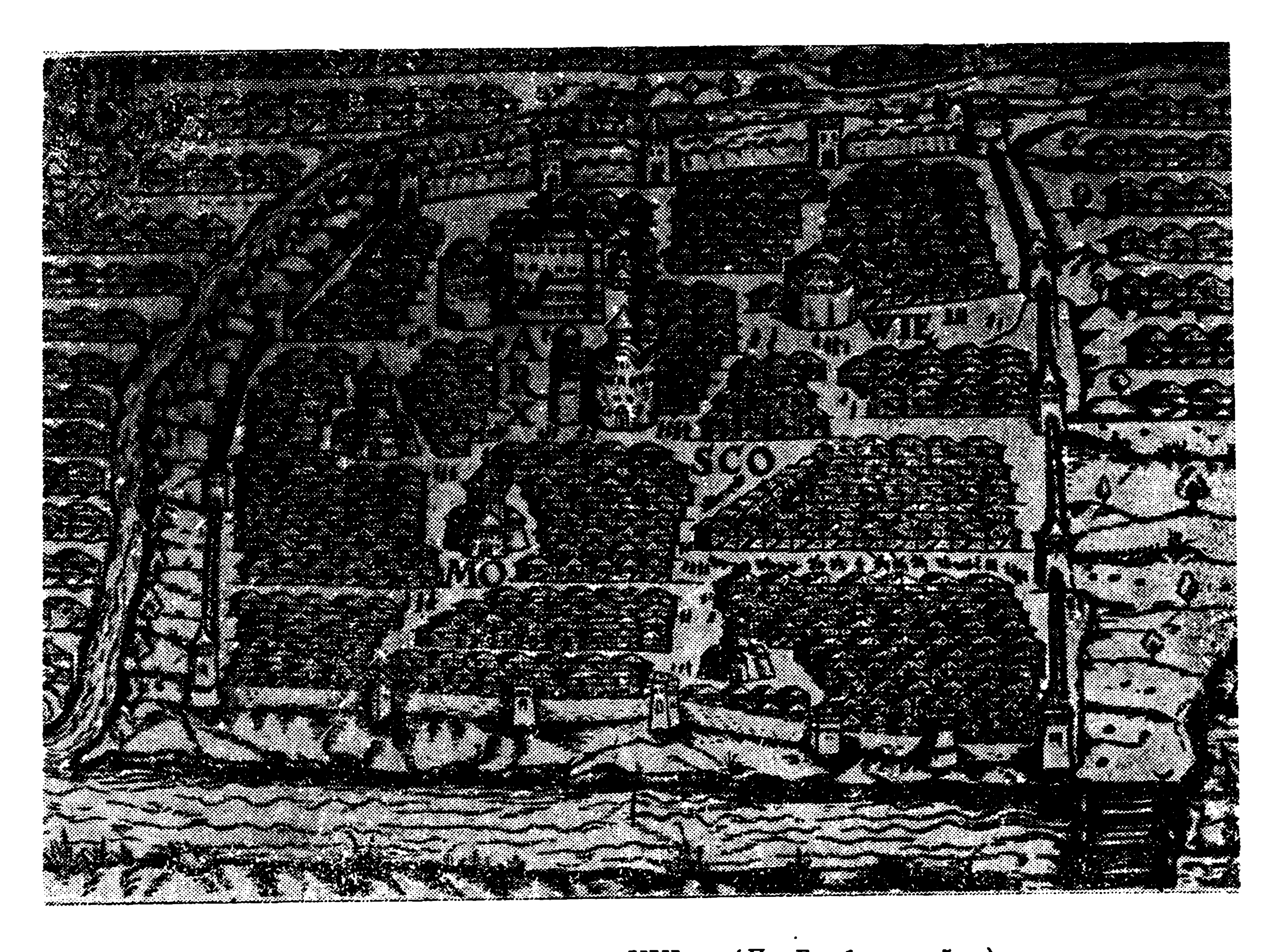
8 сентября была отпразднована свадьба нового великого князя. Женой его стала Соломония, дочь Юрия Константиновича Сабурова, отпрыска одного из старейших боярских родов. Обряд венчания совершал митрополит Симон. А о присутствии старого великого князя летописи ничего не сообщают. Ему оставались последние расчеты с жизнью [25].

«Путь бо сей краток есть...» Осенние сумерки сгущаются быстро. Понедельник, 27 октября. «В 1 час нощи» (по теперешнему счету времени около 7 часов вечера) «преставись благоверный и христолюбивый князь великий Иван Васильевич, государь всея Руси»[26].

Как и отец, и дед, и прадед, он не принял перед смертью схиму и умер, как жил,— светским человеком, великим князем Иваном, а не монахом. Много лет спустя, лежа на смертном одре, великий князь Василий Иванович вспоминал вместе с братом Юрием, что отца их «немощь томила день и нощь», и повелел стряпчему своему, Федору Михайловичу Кучецкому, встать около себя, «занеже бо Федец видел когда преставление его отца, великого князя»[27]. Кто еще был при последних минутах Ивана Васильевича — не знаем.

Погребение состоялось «во церкви новои... архангела Михаила, ее же заложиша при животе своем». Прах первого главы обновленного Русского государства нашел пристанище в новом, заложенном им соборе.

Прошло много лет. Уже давно великим князем всея Руси был Василий Иванович. Удачно закончилась война с Литвой: освободили Смоленск. Хуже обстояли дела с Крымом и Казанью. Но государство росло, крепло и развивалось. Один за другим сходили со сцены деятели, знавшие и помнившие первого государя всея Руси. Один из последних таких деятелей — Иван Никитич Берсень Беклемишев, сын первого русского посла к Менгли-Гирею. В трудное для себя время

План Москвы начала XVI в. (*По Герберштейну*).

он вспоминал прежнего великого князя: «Добр деи был... и до людей ласков. И пошлет людей на которое дело, ино и Бог с ними. А нынешний государь не по тому, людей мало жалует... упрям, и встречи против себя не любит, кто ему встречю говорит, и он на того опаляется. А отец его, князь великий, против себя стречю любил, и тех жаловал, которые против его говаривали»[28]. Опальный сановник дорого заплатил за это сравнение двух государей, как и за другие свои высказывания. Но для поздних потомков его слова драгоценны как единственное, пожалуй, свидетельство русского современника о личных чертах великого князя, при правлении которого Русская земля вновь обрела свою независимость, достоинство и единство.

«...По каким признакам судить нам о *реальных* „помыслах и чувствах" *реальных* личностей? ...Такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей»...[29]

Приукрашивать облик Ивана III нет ни необходимости, ни возможности. Его образ не окружен поэтическим ореолом. Перед нами — суровый прагматик, а не рыцарственный герой. Каковы бы ни были личные переживания и чувства великого князя Ивана Васильевича, он умел их держать при себе, и они навсегда остались тайной для потомков, как, возможно, и для современников. Его послания к дочери в Вильно — не более чем политические инструкции, не несущие никаких эмоций. Величественная и грозная фигура «господаря» заслоняет образ реального человека с его страстями и слабостями. Он был стратегом, дипломатом, законодателем, но прежде всего строителем нового Русского государства. История Ивана III — история его политической деятельности. В этой деятельности, в ее итогах — квинтэссенция его натуры, смысл и оправдание его долгой жизни.

Он был прежде всего «разумный самодержец», как определил его величайший русский поэт. Сын своего времени, беспощадный с врагами, он был чужд изощренной жестокости Людовика XI и религиозного фанатизма Фердинанда Арагонского. Не романтическое вдохновение, а трезвый расчет, не сердечные влечения, а работа ума руководили им в главном деле его жизни — возрождении единства и независимости Русской земли. В психологическом облике первого государя

всея Руси на первый план выступают такие черты, как осмотрительность, проницательность и дальновидность в сочетании с широким кругозором, стратегической масштабностью мышления и исключительной твердостью и последовательностью в достижении поставленных целей. Он не поражал воображения современников ни личной воинской доблестью, как его прославленный прадед, ни кровавыми театральными эффектами, как печально знаменитый внук. Он не отличался ни традиционным благочестием хрестоматийного князя русского средневековья, ни нарочитым новаторством Петра Великого. Сила ясного ума и твердость характера — вот его главное оружие в борьбе с многочисленными врагами. Его можно назвать неутомимым тружеником, шаг за шагом идущим по избранному пути, преодолевая все преграды.

Реализм был едва ли не важнейшей чертой Ивана Васильевича. Ему никогда не изменяло чувство меры — драгоценнейший дар практического деятеля. Он не проявлял никакого интереса к возникавшей в церковных кругах теории «Москвы — третьего Рима», не обращая внимания на так называемое византийское наследство и тому подобные умозрительные конструкции. Его политической целью и вместе с тем опорой была Русская земля и ее народ. Он первым осознал эту землю не собранием княжеских уделов, а единым великим государством, связанным исконной исторической традицией. В духе феодального миропонимания он видел себя наследственным главой, а русский народ — подданными этого великого государства.

Развивающееся сознание исторического единства и суверенности Русской земли, все более ясное и четкое, проходит красной нитью через всю самостоятельную политическую жизнь Ивана Васильевича и принципиально отличает его от всех предшественников. И его политика, труд его жизни, принесла свои плоды. История знает не многих деятелей, добившихся таких прочных и масштабных успехов, так повлиявших на судьбы своей страны. Обновленная, возрожденная великая Русская держава (в феодальном ее понимании) — главный итог многолетнего великокняжения первого государя всея Руси. «Он представляет собою одного из наиболее замечательных людей, которых русский народ должен всегда вспоминать с благодар-

ностью, которыми по справедливости он может гордиться»[30]. К этой оценке Ивана III, данной автором биографической статьи о нем, едва ли можно не присоединиться.

Глядя на события прошлого через многовековую даль, исследователь видит прежде всего явления наиболее крупные, замечает наиболее яркие, выдающиеся фигуры. Но следует помнить, что во всякую эпоху самые великие события — не что иное, как результат неуловимых для наблюдателя процессов, происходящих в огромной народной толще. Народ никогда не бездействует. Русские люди, наши предки, жившие пятьсот лет назад, отнюдь не были только свидетелями и современниками великих исторических событий. Объединение и освобождение Русской земли совершалось их руками, их потом и кровью. Непрестанный труд и борьба сотен тысяч и миллионов пахарей, ремесленников, строителей, воинов, чьи имена не найти ни в одном источнике,— вот истинный фундамент и главное содержание любой исторической эпохи. Именно им, этим безвестным героям, активным творцам истории, обязана в конечном итоге наша страна своей независимостью и величием, а самым талантливым деятелям нашего прошлого — своей славой.

Примечания

[1] *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 406—416.

В кольце врагов

[1] *Полное* собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). М.; Л., 1949. Т. 25. С. 260.

[2] *Духовные* и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950. С. 35, № 12.

[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 252.

[4] Там же. С. 260; Пг., 1921. Т. 24. С. 183.

[5] Там же. Т. 25. С. 261.

[6] Там же. С. 394—395; СПб., 1889. Т. 16. Стб. 186.

[7] Там же. Т. 25. С. 262—263.

[8] Там же. С. 263.

[9] Там же. С. 264.

[10] *Духовные* и договорные грамоты... С. 119—121, № 40.

[11] *Коммин Ф. де.* Мемуары. М., 1986. С. 58.

[12] ПСРЛ. Т. 25. С. 264—266.

[13] Там же. С. 268.

Начало пути

[1] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 269.

[2] Там же. С. 270.

[3] Там же. С. 270—271.

[4] Там же. Спб., 1889. Т. 16. Стб. 192.

[5] Там же. Л., 1982. Т. 37. С. 89.

[6] Там же. Т. 25. С. 271—272.

[7] Там же. Т. 37. С. 89.

[8] Там же. М.; Л.; 1963. Т. 28. С. 112.

[9] *Духовные* и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950. С. 186, № 59.

[10] Там же. С. 160, № 53; с. 163, № 54.

[11] ПСРЛ. Спб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 262; Т. 23. С. 155.

[12] *Коммин Ф. де.* Мемуары. М., 1986. С. 111.

[13] *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 106—112, 210—227.

[14] ПСРЛ. Т 20. С. 273.

[15] *Коммин Ф. де.* Мемуары. С. 111—112.

[16] ПСРЛ. Т. 25. С. 273—274.

[17] *Грамоты* Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 39—43, № 22—23.
[18] ПСРЛ. Т. 25. С. 275.
[19] Там же. М.; Л., 1962. Т. 26. С. 275.
[20] Там же. Т. 25. С. 275—276.
[21] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 264; Т. 23. С. 156.
[22] Там же. Т. 25. С. 276; *Псковские* летописи. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 58—60.
[23] ПСРЛ. Т. 23. С. 156.
[24] *Духовные* и договорные грамоты... С. 199, № 62.
[25] ПСРЛ. Т. 23. С. 157.
[26] Там же. Т. 25. С. 277.
[27] *Духовные* и договорные грамоты... С. 193, № 61.
[28] Там же. С. 33, № 12.
[29] ПСРЛ. Т. 25. С. 218.

На московском столе

[1] ПСРЛ. Спб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 277.
[2] Там же. Спб., 1910. Т. 23. С. 158.
[3] *Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (Далее: АСВР). М., 1952. Т. 1. С. 245, № 338.
[4] *Псковские* летописи. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 63.
[5] Там же. С. 65—67.
[6] ПСРЛ. Спб., 1889. Т. 16. Стб. 214.
[7] *Псковские* летописи. Т. 1. С. 69—70.
[8] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 277; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 278.
[9] Там же. Т. 25. С. 279.
[10] Там же. С. 282.
[11] Там же. Л., 1982. Т. 37. С. 92.
[12] Там же. С. 92.
[13] Там же. Пг., 1921. Т. 24. С. 186.
[14] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 277.
[15] *Пирлинг.* Россия и папский престол. М., 1912. С. 161—167.
[16] ПСРЛ. Т. 25. С. 281.
[17] Там же. С. 284; *Псковские* летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 175.
[18] *Грамоты* Великого Новгорода и Пскова. М.: Л., 1949. С. 129—132, № 77.
[19] *Псковские* летописи. Т. 2. С. 174—175, 179—180.
[20] ПСРЛ. Т. 25. С. 395.
[21] Там же. С. 284.
[22] Там же. С. 285.
[23] Там же. С. 212—213.
[24] *Русская* историческая библиотека. Спб., 1881. Т. 6. Стб. 721—732, № 102.
[25] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 189; Т. 25. С. 286—287; *Псковские* летописи. Т. 2. С. 180.
[26] ПСРЛ. Л., 1922. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 446—447; Т. 25. С. 288—289.
[27] Там же. Т. 25. С. 290.
[28] Там же. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 447—448.

[29] Там же. Т. 37. С. 93.
[30] *Грамоты* Великого Новгорода... С. 45—51, № 26—27.

Государь всея Руси

[1] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 292.
[2] Там же. С. 293.
[3] Там же. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 132—133.
[4] Там же. Т. 25. С. 297.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] *Псковские* летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 179.
[9] ПСРЛ. Т. 25. С. 297—298. *Псковские* летописи. Т. 2. С. 188.
[10] ПСРЛ. Т. 25. С. 298.
[11] *Духовные* и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950. С. 225—249, № 69—70.
[12] ПСРЛ. Т. 25. С. 298—299.
[13] *Пирлинг.* Россия и папский престол. М., 1912. С. 194—195.
[14] ПСРЛ. Спб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 299.
[15] Там же. Т. 25. С. 300.
[16] *Псковские* летописи. Т. 2. С. 195.
[17] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 301—302; Т. 25. С. 303.
[18] *Памятники* дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Спб., 1884. Т. 1. С. 1—9.
[19] Там же. С. 11, № 2.
[20] ПСРЛ. Т. 25. С. 304.
[21] *Псковские* летописи. Т. 2. С. 200.
[22] Там же. С. 199—200.
[23] ПСРЛ. Т. 25. С. 304—308.
[24] Там же. С. 308.
[25] Там же. С. 308—309.
[26] *Барбаро, Контарини.* О России/Пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 210—235.
[27] ПСРЛ. Т. 25. С. 309.
[28] Там же. С. 309—310; *Псковские* летописи. Т. 2. С. 209.
[29] ПСРЛ. Т. 25. С. 318.
[30] *Псковские* летописи. Т. 2. С. 214.
[31] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 196.
[32] *Коммин Ф. де.* Мемуары. М., 1986. С. 58—59.
[33] ПСРЛ. Т. 25. С. 319—323.
[34] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 112.
[35] *Памятники* дипломатических сношений... С. 14, № 3.
[36] *Памятники* дипломатических сношений... С. 15—16, № 4.
[37] *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 42.
[38] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 339.
[39] Там же. Т. 25. С. 323.
[40] Там же. Т. 24. С. 197.

Стояние на Угре

[1] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 198.
[2] *Псковские* летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 58—59, 218—220.
[3] ПСРЛ. Спб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 336.
[4] Там же. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 326.
[5] *Псковские* летописи. Т. 2. С 60.
[6] Там же. С. 59.
[7] *Памятники* дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Спб., 1884. С. 19—20, № 5.
[8] ПСРЛ. Т. 24. С. 198; Т. 25. С. 326.
[9] Там же. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 267.
[10] *Псковские* летописи. Т. 2. С. 60—61.
[11] Там же. С. 61—62.
[12] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.
[13] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 345.
[14] Там же. С. 345—346; Т. 25. С. 327—328; М.; Л., 1962. Т. 26. С. 266—273.
[15] Там же. Т. 26. С. 264; М., 1965. Т. 30. С. 137.
[16] Там же. Т. 26. С. 265—266.
[17] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 346; Т. 26. С. 265.
[18] Там же. Т. 25. С. 328.
[19] Там же. См. также: Т. 26. С. 273; Т. 30. С. 137.
[20] Там же. Т. 30. С. 137; Т. 25. С. 328.
[21] Там же. Спб., 1903. Т. 19. С. 7.
[22] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. С. 76—77.
[23] *Пирлинг.* Россия и папский престол. М., 1912. С. 148.

Конец удельной системы

[1] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 95.
[2] *Духовные* и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950. С. 252—274, № 72—73.
[3] *Псковские* летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 62, 222—223.
[4] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 163—170; *Акты*, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. С. 95—97, № 75.
[5] *Духовные* и договорные грамоты... С. 275, № 74.
[6] Там же. С. 277, № 75.
[7] ПСРЛ. Спб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 348.
[8] Там же. М.; Л., 1962. Т. 26. С. 274—275.
[9] Там же. С. 275; Т. 25. С. 330; Спб., 1863. Т. 15. Стб., 499.
[10] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 350.
[11] *Духовные* и договорные грамоты... С. 293, № 78.
[12] ПСРЛ. Т. 37. С. 95.
[13] Там же. Т. 25. С. 330; Пг., 1921. Т. 24. С. 203.
[14] *Духовные* и договорные грамоты... С. 283, № 76.
[15] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 352.
[16] *Духовные* и договорные грамоты... С. 295, № 79.

[17] *Лихачев Н. П.* Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. Спб., 1908. С. 1.
[18] ПСРЛ. Т. 25. С. 330.
[19] Там же. Спб., 1913. Т. 18. С. 271.

Время больших перемен

[1] ПСРЛ. Спб., 1913. Т. 18. С. 271—272; Л., 1982. Т. 37. С. 96.
[2] Там же. Т. 37. С. 96—97; Спб., 1913. Т. 18. С. 272; М.; Л., 1962. Т. 26. С. 279.
[3] Там же. Спб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 353; М., 1965. Т. 30. С. 137; Т. 37. С. 97.
[4] АСВР. М., 1958. Т. 2. С. 210, № 290; с. 311, № 332.
[5] Там же. М., 1964. Т. 3. С. 38—40, № 22.
[6] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 353.
[7] Там же. Т. 18. С. 278, 279.
[8] Там же. С. 272; Т. 26. С. 279.
[9] Там же. Т. 18. С. 274—275; Т. 26. С. 288.
[10] Там же. Пг., 1921. Т. 24. С. 203.
[11] Там же. Т. 26. С. 281; М., 1977. Т. 33. С. 125.
[12] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 361.
[13] Там же. Т. 18. С. 273.
[14] Русская историческая библиотека. Спб., 1914. Т. 31. Спб. 271—272.
[15] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 353.
[16] Там же. Т. 25. С. 332.
[17] Там же. Т. 37. С. 97—98; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 325.
[18] Там же. Т. 28. С. 160.
[19] Там же. М., 1965. Т. 30. С. 138.
[20] *Памятники* дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Спб., 1882. Т. 1. С. 50, № 12.
[21] Там же. С. 125. № 24.
[22] ПСРЛ. Т. 28. С. 326.
[23] Там же. Т. 18. С. 276.
[24] Там же. Т. 28. С. 325—326.
[25] Там же. Т. 26. С. 289—290; Т. 28. С. 327; РК. С. 43—47.
[26] Там же. Т. 28. С. 327.
[27] Там же. Т. 37. С. 98.
[28] *Псковские* летописи. Л., 1941. Т. 1. С. 82; ПСРЛ. Т. 28, С. 329.
[29] *Памятники* дипломатических сношений с империею Римскою. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 12.
[30] *Памятники* дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Спб., 1884. Т. 1. С. 231, № 50.

На заре нового века

[1] *Коммин Ф. де.* Мемуары. М., 1986. С. 238.
[2] *Судебники* XV — XVI вв. М., 1952. С. 19.
[3] *Аграрная* история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 205.
[4] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV — XVI вв.). Л., 1987. С. 210.

[5] ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 330.

[6] *Лурье Я. С.* Краткий летописец Погодинского собрания // Археографический ежегодник. 1962 г. М., 1963. С. 443; *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники о внутриполитической истории России в конце XV — начале XVI в. // Вспомогат. истор. дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 148—157.

[7] *Памятники* дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Спб., 1882. Т. 1. С. 224—225, № 43.

[8] ПСРЛ. Т. 28. С. 336.

[9] *Памятники* дипломатических сношений... Т. 1. С. 430, № 76; *Памятники* дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Спб., 1884. Т. 1. С. 432—433, № 85; с. 470, № 89; с. 492, № 92.

[10] *Разрядная* книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1, ч. 1. С. 57—60.

[11] Там же. С. 61—62.

[12] Там же. С. 62; ПСРЛ. Т. 28. С. 334; М., 1975. Т. 32. С. 100.

[13] *Псковские* летописи. Л., 1941. Т. 1. С. 81—88; М.; Л., 1955. Т. 2. С. 252—253.

[14] ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 26. С. 336; *Памятники* дипломатических сношений... с Крымскою и Ногайскою ордами... С. 422, № 84; с. 469, № 89.

[15] *Памятники* дипломатических сношений... с Польско-Литовским. Т. 1. С. 354, № 73.

[16] Там же. С. 398—402, № 75.

[17] *Казакова Н. А.* Очерки истории русской общественной мысли: Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 68—86; *Бегунов Ю. К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // Тр. отд. древнерусской литературы. Л., 1964. Т. 20. С. 351—352.

[18] ПСРЛ. Спб., 1904. Т. 13. С. 257; Спб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 577.

[19] Там же. Т. 28. С. 387.

[20] АСВР. Т. 1. С. 581, № 658.

[21] *Памятники* дипломатических сношений... с Крымскою и Ногайскою ордами... Т. 1. С. 556, № 101.

[22] ПСРЛ. Т. 28. С. 337.

[23] *Духовные* и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950. С. 353, № 89.

[24] ПСРЛ. Т. 28. С. 338.

[25] Там же. М., 1965. Т. 30. С. 140.

[26] Там же. Т. 28. С. 338.

[27] Там же. Т. 13. С. 416—417.

[28] *Акты*, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Спб., 1836. Т. 1. С. 142—144, № 172.

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423—424.

[30] *Чечулин Н. Д.* Иоанн III Васильевич // Русский биографический словарь. Спб., 1897. Том «Ибак — Ключаров». С. 228.

Литература

Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М., 1952.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. М., 1974.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV — XVI вв. М., 1982.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1983.

Казакова Н. А. Очерки истории русской общественной мысли: Первая треть XV века. Л., 1970.

Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб., 1892. Т. 6.

Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1980.

Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV — XVI вв.— М.; Л., 1951.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960.

Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV — XV вв. М., 1959.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV — XVI вв. М., 1957.

Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. XIV — XVI вв. Ч. 1. М., 1948. Ч. 2. М., 1951.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства: Очерки социально-экономической и политической истории. М., 1960.

Хронологическая таблица

1440. Январь, 22. Рождение княжича Ивана.
1445. Июль, 7. Битва под Суздалем. Пленение Василия Темного.
Октябрь, 26. Возвращение Василия Темного из плена (встреча в Переяславле).
1446. Февраль, 14. Захват Василия Темного в Троицком монастыре и последующее ослепление.
Осень. Обручение княжича Ивана с Марией Тверской.
1447. Февраль, 17. Въезд в Москву Василия Темного.
1448. Март. Князь Иван с войском во Владимире.
1451. Июль, 2. Набег Мазовши на Москву.
1452. Январь — февраль. Первый поход князя Ивана от Ярославля до устья Ваги.
Июнь, 4. Брак князя Ивана с Марией Тверской.
1453. Июль, 18. Кончина Дмитрия Шемяки.
1454. Поход князя Ивана с войсками на Оку против орды Сеид-Ахмета.
1456. Февраль. Яжелбицкий мир с Новгородом. Иван Васильевич назван великим князем наравне с отцом.
1458. Февраль, 15. Родился князь Иван («Молодой»).
1459. Победа на Оке. Великий князь Иван отражает орду Сеид-Ахмета.
1460. Август. Нападение хана Ахмата на Рязань.
1462. Март, 28. Начало самостоятельного великокняжения Ивана III.
1463. Конфликт с Новгородом. Обращение новогородских властей к королю Казимиру.
Включение ярославских земель в состав Московского великого княжества.
Март. Нападение ливонских войск на псковские земли.
Июль. Прибытие великокняжеских войск под Псков.
Сентябрь. Перемирие с Ливонией.
1464. Сентябрь, 13. Отставка митрополита Феодосия.
Ноябрь, 13. Избрание митрополита Филиппа.
1467. Апрель, 22. Кончина великой княгини Марии Борисовны.
Сентябрь. Начало «первой Казани»: поход «царевича» Касыма с русскими войсками под Казань.
1469. Февраль. Начало переговоров с папой Павлом II о браке с Зоей Палеолог.
Сентябрь. Мир с Казанью. Освобождение русских пленников.
1470. Ноябрь. На переговорах с новгородскими послами сформулирован тезис об исконном единстве Русской земли.

1471. Июнь, 20. Иван III выступает в поход на Новгород.
Июль, 14. Шелонская битва.
24. Казнь бояр-изменников в Коростыне. Отпуск на волю «молодших» людей.
Август, 11. Коростынский мир. Включение Новогородской земли в состав нового Русского государства.
1472. Апрель, 30. Закладка нового Успенского собора.
Июнь, 29—31. Героическая оборона и гибель Алексина.
Август, 1. Отражение первого нашествия хана Ахмата.
Сентябрь. Ликвидация Дмитровского удела. Начало конфликта с братьями — удельными князьями.
Ноябрь, 12. Брак Ивана III с Зоей Палеолог.
1473. Апрель, 5. Кончина митрополита Филиппа.
Июнь, 29. Избрание митрополита Геронтия.
Ноябрь — декабрь. Поход русских войск на защиту Пскова.
1474. Январь, 7. «Данильев мир» с Орденом.
Март, 31. В Крым отправлен первый русский посол Н. В. Беклемишев.
Июль, 24. В Венецию отправлен первый русский посол С. И. Толбузин.
1475. Март, 26. Прибытие в Москву Аристотеля Фиоровенти.
Октябрь, 22. Начало «похода миром» в Новогород.
Ноябрь, 26. Суд над новогородскими посадниками.
1476. Июль, 11 — сентябрь, 6. Переговоры в Москве с последним ордынским послом.
1476. Сентябрь. Венецианский посол Амброджо Контарини в Москве.
1477. Январь.
1477. Май — июнь. Переговоры в Новогороде о титуле «государя».
Октябрь, 9. Начало последнего новогородского похода.
Ноябрь, 24. Начало переговоров с новгородской делегацией.
1478. Январь, 15. Конец Новогородской феодальной республики.
1479. Март, 25. Родился князь Василий (будущий Василий III).
Август, 12. Освящение Успенского собора.
Декабрь, 2. Начало «Словенского стояния» в Новогороде.
1480. Январь, 1. Нападение Ордена на Псковскую землю.
Январь, 19. «Поимание» архиепископа Феофила, обвиненного в государственной измене.
Конец января. Начало феодального мятежа князей Андрея и Бориса.
Март, 23. Родился князь Юрий (будущий кн. Дмитровский).
Апрель, 16. В Крым отправлен князь И. Звенец Звенигородский для заключения союза с Менгли-Гиреем.
Июнь, 8. Начало похода русских войск для отражения нашествия Ахмата.
Июль, 23. Выступление из Москвы главных сил под начальством Ивана III.
Август, 21—26. Атака Пскова войсками магистра.
Сентябрь, 30 — октябрь, 3. «Совет и дума» в Москве.
Октябрь, 6. Выход ордынцев к Угре.
Октябрь, 8—11. Бои за переправы в низовьях Угры.
Ноябрь, 9—11. Отступление и бегство Ахмата.

Ноябрь, 12. Первый день независимости Руси.
1481. Февраль, 2. Договоры с удельными князьями, значительно ограничивающие их права.
Июль, 5. Кончина Андрея Вологодского. Ликвидация Вологодского удела.
Сентябрь, 1. Договор с Ливонией — первый договор Русского государства с европейской страной.
Октябрь, 6. Родился князь Дмитрий (будущий князь Углицкий).
«Заговор князей» в Литве.
1483. Январь. Брак Ивана Молодого с Еленой Волошанкой.
Апрель — ноябрь. Первый большой поход за Урал (войска И. И. Салтыка-Травина и князя Ф. Курбского)
Октябрь, 10. Родился князь Дмитрий, сын Ивана Молодого.
1483/84. Начало массовых конфискаций земель у новгородского боярства. Первое упоминание о поместье.
1485. Июль, 19. Начало строительства нового Кремля — закладка Тайницкой башни.
Сентябрь, 15. Ликвидация Тверского великого княжения. Включение Тверской земли в состав Русского государства.
1486. Апрель. Ликвидация Верейско-Белозерского удела.
1487. Март, 21. Родился князь Семен (будущий князь Калужский).
Июль, 9. Взятие Казани войсками князя Д. Д. Холмского. Установление вассальной зависимости Казанского ханства.
1488. Март. Белозерская Уставная грамота.
1489. Январь. Установление дипломатических отношений с Германской империей. Формулирование доктрины суверенитета Русского государства.
Май, 28. Кончина митрополита Геронтия.
Август. Включение Вятской земли в состав Русского государства.
1490. Март, 7. Кончина Ивана Молодого.
Июнь. На переговорах с Литвой сделано заявление о непризнании прежних захватов русских земель западными соседями.
Август, 5. Родился князь Андрей (будущий князь Старицкий).
Сентябрь, 26. Поставление митрополита Зосимы.
Октябрь. Первый суд над «еретиками».
Установление дипломатических отношений с Хоросаном.
1491. Март. Договор с Германской империей о союзе.
Август, 8. Находка медной и серебряной руды на Цильме.
Сентябрь, 20. «Поимание» Андрея Углицкого. Ликвидация Углицкого удела.
1492. Весна. Закладка Ивангорода.
Август. Начало первой войны с Литвой за возвращение западно-русских земель.
Прибытие посла из Кахетии.
1493. Ноябрь, 8. Заключение союза с Данией.

1494. Февраль, 5. Мирный договор с Литвой. Возвращение Вязьмы в состав Русского государства.
Май, 17. Отставка митрополита Зосимы.
Осень. Конфликт с Ганзой.
1495. Февраль, 15. Брак Александра Литовского с великой княжной Еленой.
Август. Начало войны со Швецией.
Сентябрь, 22. Поставление митрополита Симона.
Сентябрь — декабрь. Бои под Выборгом.
Октябрь, 20. Последняя поездка Ивана III в Новгород.
1496. Январь — март. Поход войск князя В. И. Патрикеева к Ботническому заливу.
Март, 20. Возвращение Ивана III в Москву.
Июнь — октябрь. Морской поход князя И. Ф. Ушатого в «Каянскую землю».
Август. Набег шведов на Ивангород.
Плавание посла Гр. Истомы от устья Двины до Тронхейма.
Октябрь, 11. В Стамбул отправлен первый русский посол М. А. Плещеев.
1497. Март. Мирный договор со Швецией.
Сентябрь. Принятие Судебника.
Декабрь. Опала князя Василия Ивановича.
1498. Февраль, 4. Венчание князя Дмитрия на великое княжение в качестве наследника.
1499. Февраль, 5. Казнь князя С. И. Ряполовского.
Опала князей Патрикеевых.
Наречение Василия Ивановича великим князем.
1500. Апрель. Начало второй литовской войны.
Июль, 14. Победа на Ведроше войск князя Д. В. Щени.
1501. Весна. Нападение Ливонии на Россию.
Ноябрь, 4. Победа под Мстиславлем войск князя А. В. Ростовского.
Ноябрь. Поход в Ливонию.
1502. Апрель. Опала на великого князя Дмитрия и его мать.
Провозглашение Василия наследником.
Июль — сентябрь. Бои под Смоленском.
Сентябрь, 6. Атака немцами Пскова. Первое упоминание о русской пехоте с огнестрельным оружием.
1503. Март. Перемирие с Литвой. Возвращение Русскому государству Северской земли.
Апрель, 7. Кончина великой княгини Софьи.
Лето — осень. Церковный собор. Неудача попыток секуляризации.
Июль. 28. Болезнь Ивана III.
Ранее 16 июня 1504 г. Составление духовной грамоты Ивана III.
1504. Декабрь. Новый суд над еретиками и сожжение их.
1505. Январь, 18. Кончина Елены «Волошанки».
Февраль, 27. Последняя речь Ивана III перед послами.
Май, 21. Закладка Архангельского собора и церкви Иоанна Лествичника.
Июнь, 24. Разрыв отношений Казани с Москвой. Начало новой войны с Казанью.
Сентябрь, 8. Брак великого князя Василия Ивановича с Соломонией Сабуровой.
Октябрь, 27. Кончина Ивана III.

Оглавление

От редактора 3
Введение 13
В кольце врагов 19
Начало пути 39
На Московском столе 62
Государь всея Руси 83
Стояние на Угре 114
Конец удельной системы 140
Время больших перемен 157
На заре нового века 191
Примечания 229
Литература 235
Хронологическая таблица 236

Научно-популярное издание

Алексеев Юрий Георгиевич

ГОСУДАРЬ
ВСЕЯ РУСИ

Редактор издательства Л. В. Островская
Художник Н. А. Пискун
Художественный редактор В. А.Реймхе
Технический редактор С. А. Смородинова
Корректор Г. И. Шведкина

ИБ № 42574

Сдано в набор 28.05.91. Подписано к печати 08.08.91. Формат 84 × 108[1]/32. Бумага газетная. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 13. Уч.-изд. л. 12,8. Тираж 175 000 экз. Заказ № 828. Цена 3 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»,
Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.